

А. П. ПЕТРОВ

ВОЛНЫ И БЛИКИ ПАМЯТИ

Пушкино
2017

УДК 82–94+330
ББК 63.214+65.02
ПЗ05

Петров, А. П.

Волны и блики памяти : автобиографическое эссе – трилогия / А. П. Петров. – Пушкино, 2018. – 192 с.

Эссе-трилогия продолжает изданный в 2018 году сборник «На волнах памяти», в который вошли первая часть трилогии «Я – скобаль» и лирическое эссе «Любовь моя – экономика» (опыт, разочарования, надежды), призванное показать служение автора главной цели его творческой деятельности – лесной экономической науке и образованию.

ISBN 978-5-9908414-8-2

© Петров А. П., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	4
Часть 1. Я – СКОБАРЬ	5
Глава 1. ВОЙНА НА ВОЛНАХ ПАМЯТИ	5
Глава 2. МАЛАЯ РОДИНА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ, ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ?	16
Глава 3. РОДОМ ОТ ЗЕМЛИ	27
Глава 4. ШКОЛА	41
Глава 5. ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ И ПРОЛЕТАРИЙ: УРОКИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА	50
Часть II. УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ	55
Глава 6. Я – СТУДЕНТ	55
Глава 7. ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ, ИЛИ РАЗВИЛКА СУДЬБЫ	70
Глава 8. ПО ЛЕСТНИЦЕ ВВЕРХ	76
Глава 9. НА ОЛИМПЕ	89
Глава 10. ПО НАКЛОННОЙ ВНИЗ: ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕСНОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	105
Часть III. ВСЮ-ТО Я ВСЕЛЕННУЮ ПРОЕХАЛ	113
Глава 11. В СТРАНЕ ВИКИНГОВ	113
Глава 12. БРОСОК ЗА ОКЕАН	131
Глава 13. ПОКОРЕНИЕ ЕВРОПЫ	155
Глава 14. ПОД МЕЖДУНАРОДНЫМ ЗОНТИКОМ	175

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Уважаемый Читатель!

Предлагаемая твоему вниманию книга представляет собой эссе-трилогию, автобиографичную по содержанию, но не подчиненную хронологии. Память воспроизводит лишь отдельные события и их участников, которые подобно солнечным бликам на волнах беспокойного житейского моря сопровождали автора, формируя его биографию или линию жизни, целью которой является служение автора лесной экономической науке и лесному экономическому образованию.

Блики на волнах памяти привлекут внимание читателя тем, что они в тексте выделены специальным шрифтом в формате досье. Владельцы досье выступают в качестве литературных, а не исторических персонажей, что снимает с автора ответственность за объективность оценки их участия в его биографии.

Автор признателен всем друзьям-коллегам, прежде всего владельцам досье, за то, что они на всем жизненном пути подобно маякам светили надеждой и верой во исполнение поставленной цели.

Особая благодарность Ж. Е. Герасимовой и Е. А. Лютиковой, осуществившим подготовку материалов к изданию.

Часть I. Я – СКОБАРЬ

*Per aspera ad astra [лат.]
Через тернии к звездам*

Глава 1. ВОЙНА НА ВОЛНАХ ПАМЯТИ

*«Воспоминание – это определенная
комбинация нейронов, клеток
головного мозга»*

Евгений Водолазкин, «Авиатор», 2017 г.

Я много раз пытался изложить на бумаге все то, что осталось в памяти и связано с войной, которая пришлось на годы моего раннего детства.

Во-первых, память не сохранила воспоминаний в хронологическом порядке подобно записям в дневнике. Все воспоминания о том времени оказались выборочными, пронизанными каким-то особым запахом войны, аурой человеческих отношений с доминантой страха, холода и голода.

Во-вторых, неразрешимой задачей оказалось отделение моих собственных, непосредственных воспоминаний ребенка от той информации, которой обрастали прошедшие события по рассказам родителей и других взрослых – свидетелей того времени. Как следствие – процесс сортировки воспоминаний на свои и чужие (заместованные) оказался тяжелым, сродни той работе, которую выполняют археологи, извлекая артефакты, очищая их от земли и материальных субстанций более позднего времени.

С учетом сказанного, воспоминания раннего детства, зафиксированные моей памятью, будут сопровождаться комментариями, вынужденно объясняющими суть событий, с указанием времени, места и действующих лиц. Именно такой подход к воспроизведению воспоминаний позволил мне выразить свое отношение к тому, что происходило со мной и вокруг меня в те далекие годы.

* * *

Первое воспоминание, которое зафиксировано моей памятью, относится к июню 1941 года.

Как бы хотелось, чтобы это первое воспоминание было представлено такой картиной... Жаркий июньский день. Открывается дверь, на пороге пришедшая с сенокоса мама с букетом из лесной земляники с душистыми ягодами со словами:

«Сынок, какой хороший день, почему ты не на дворе? Тебя Шарик заждался...» Шарик – дворовая собачка, которая была участником всех моих детских забав.

К сожалению, память не сохранила такие счастливые минуты, хотя, по рассказам матери, они были.

Вместо игры во дворе с Шариком меня в жаркий день одевают в теплую кофту и штаны, выводят на улицу. Я требую объяснений, сопротивляюсь, начинаю плакать, получаю шлепки. Меня насильно усаживают в телегу, уже запряженную и перегруженную доверху всяким домашним скарбом: одеждой, посудой, едой. Семья в суете, прабабушка и бабушка в слезах и причитаниях. Все произносят незнакомое мне слово «немцы». Так происходит мое заочное знакомство с немцами, вызвавшее страх.

К телеге привязывают веревкой корову, которая так же, как люди, не понимая смысла происходящего, сопротивляется, издает трубные звуки.

Гарантию надежности моего пребывания на телеге обеспечивает дедушка, который на месте кучера проявляет, в отличие от остальных членов семьи, поразительное спокойствие.

Телега выезжает на деревенскую улицу, которая уже заполнена такими же повозками в окружении плачущих баб, лающих собак, разбегающихся и кудахтающих кур. Обоз из более двадцати повозок с сидящими на телегах детьми в сопровождении всего взрослого населения деревни направляется в путь, дабы избежать встречи с немецкими солдатами.

Остановка на ночлег сделана в ближайшем лесу, в пяти километрах от деревни. Наше пребывание в лесу «цыганским табором» оказалось кратковременным. Уже утром поступило сообщение от тех жителей, которые были оставлены в качестве сторожей, что после проезда механизированного подразделения немецких войск дома в деревне оказались целыми и невредимыми.

Из донесений «сарафанного радио» стало очевидно, что дальнейшее движение нашего обоза по выбранному маршруту не только бесполезно, но и опасно, так как следующая остановка оказалась бы уже в тылу немецких войск.

Очное знакомство с немцами состоялось на следующий день, когда очередное подразделение немецких солдат на мотоциклах проследовало по деревенской улице мимо нашего дома без каких бы то ни было контактов с населением. Какого-либо чувства страха это знакомство, когда я смотрел на колонну мотоциклов из окна дома, у меня не вызвало.

Данное событие требует пояснений с привлечением информации, полученной от родителей и при изучении историко-литературных материалов.

Новоржевский район, входящий в то время в Калининскую область, был оккупирован немецкими войсками в июле 1941 года, которые не встретили на данном направлении сопротивления со стороны Красной армии. Причиной эвакуации местного населения, по всей вероятности, стал хаос в сфере управления из-за отсутствия достоверной информации о положении дел на фронтах. Руководители колхозов получили директиву: эвакуировать все население, забрав с собой движимое имущество (лоша-

дей, колхозный и домашний скот). При этом конечный пункт эвакуации назван не был, да его и нельзя было назвать в силу удаленности деревень от магистральных автомобильных и железных дорог. Ближайшая станция Сущево Октябрьской железной дороги находится на расстоянии 50 км.

Так как положение на фронтах менялось с катастрофической быстротой, планы эвакуации сельского населения реализованы не были. Деревня начала жить по законам оккупационных властей. Оккупационные власти распустили колхозы, часть их имущества была передана бывшим колхозникам, включая лошадей. Бывшие колхозники получили земельные наделы.

При разделе колхозного имущества моя семья получила трехлетнюю кобылу гнедой масти. Ее назвали Веткой. Все события военных лет в моей памяти неразрывно связаны с этой удивительно доброй, послушной, трудолюбивой лошадью, ставшей членом нашей семьи.

Кобыле Ветке была уготована удивительная судьба: не только пережить вместе с нами годы войны, но и опять превратиться в движимое имущество колхоза после его воссоздания в 1944 году. Такая же судьба была у нашей кормилицы коровы Катьки с той лишь разницей, что от колхозной жизни ее освободили.

Морозный солнечный февральский день 1942 года... После долгого пребывания на улице бабушка со скандалом заставила меня залезть на печку, на ту ее часть, которая называлась лежанкой и была любимым местом времяпровождения старых и малых в деревнях. Тепло русской печки ввело меня в беззаботную дрему.

Из полусонного состояния вывели чужие громкие голоса, к появлению которых, включая немцев, все в доме уже привыкли. На этот раз голоса отличались командной требовательностью с использованием ненормативной лексики и угроз.

Все домочадцы были собраны в первой избе и расставлены вдоль стены. «Чужие», изъяснявшиеся на русском языке, выдвинули настоятельное требование – предоставить им самогон. То, что это требование было не шуткой, стало понятно после произведенного из нагана выстрела, мишенью которого послужило стоявшее в углу пустое ведро.

Начался обыск, цель которого – осмотреть все возможные места присутствия самогона, включая подпол, – место для зимнего хранения картофеля и овощей. Обыск длился долго, как мне показалось, лежа на печке за занавеской, скрывавшей мое присутствие от «чужих». Наконец, дошла очередь и до печки.

Как сейчас помню просьбу, вернее мольбу, бабушки «не пугать ребенка», поверить, что искомый продукт не хранится в тепле, что никаких бутылей с самогом на печке нет... Срывается занавеска и перед моими глазами возникает «чужой» в заячьей шапке, с небритым лицом, черты которого, к счастью, я до сих пор не могу воспроизвести. Вероятно, произошла блокировка памяти теми нейрона-

ми, которые контролируют давние страшные события. Последовала команда: «А ну-ка (далее ненормативная лексика), марш вниз!» ...Испуг, слезы, пытаюсь сопротивляться... Меня грубо, как нашкодившего котенка, сбрасывают на пол.

Следствием испуга и падения с высоты стало легкое заикание, устранять которое мне пришлось длительное время.

После безрезультатного поиска самогона на печке объектом обыска стали нежилые постройки: сарай, хлев, амбар. Все члены семьи, включая меня, продолжавшего реветь, как от боли, так и от непонимания всего происходящего, были обязаны присутствовать при обыске и отвечать на вопросы. Через некоторое время «чужие» обнаружили в сарае пчелиные ульи, находившиеся на зимовке. Эта находка быстро изменила настроение «чужих» под влиянием их спутниц, во время обыска находившихся в санях-розвальнях и укутанных тулупами. Спутницы выразили желание заменить искомым горький продукт медом в сотах. Их желание тут же было исполнено.

Улей вынесли во двор, где двадцатиградусный мороз сделал операцию отбора меда безопасной для «чужих». Пчелы, в инстинктивной попытке защитить улей, поднимались клубком в воздух и тут же падали, как сраженные пулями люди. На фоне солнечного света картина падения мертвых замороженных пчел, убитых жестокостью людей, заставила меня забыть о болезненном ушибе и продолжать громко реветь, испытывая жалость к ни в чем не повинным существам, одарившим жестоких людей божественной сладостью.

Это событие, сохраненное памятью, также требует разъяснений.

Людей, устроивших обыск, сбросивших меня с печки, погубивших пчелиную семью, я умышленно называю «чужими», не указывая на их принадлежность к воюющей стороне.

Мои родители, сохранившие в памяти всю цепь событий того времени, также не были уверены, кем были «чужие»: полицейскими, представляющими оккупационные власти, или партизанами из числа военнообязанных, оказавшихся по разным причинам на оккупированной территории. В 1942 и 1943 годах такого рода рейды по деревням вооруженных людей в гражданской одежде без опознавательных знаков были частыми и очень опасными для населения.

«Чужие», будучи партизанами, задавали провокационный вопрос: где партизаны. Последствия ответа на этот вопрос могли быть самыми трагическими. Аналогично вели себя и полицейские.

У оккупационных властей были ограниченные возможности контролировать сельское население, проживавшее в многочисленных деревнях. Организованное и управляемое из центра партизанское движение сформировалось на Псковщине только во второй половине 1943 года, что положило конец рейдам вооруженных людей, терроризировавших местное население.

Возвращаясь к упомянутому выше событию, следует отметить, что бандитскую жестокость к населению проявляли не немецкие солдаты, будучи врагами, а люди, говорившие на русском языке.

Как свидетельствуют очевидцы, пережившие войну, в деревнях на территории бывшего Жадрицкого сельского совета в результате рейдов вооруженных групп людей, говорящих по-русски, погибло много местных жителей (расстрелянных, повешенных). Причинами убийств были неумелые ответы на названные выше провокационные вопросы, отсутствие запасов самогона или каких-либо других ценностей, которые бы удовлетворили запросы мародерствовавших Робин Гудов.

В нашей и близлежащих деревне неизвестны случаи вовлечения немецких солдат в разрешение конфликтов между населением и вооруженными группировками, возможно, по причине удаленности деревень от районного центра.

Читатель может удивиться частому упоминанию слова «самогон». Этому есть простое объяснение. Оккупационные власти не только разрешили, но и стимулировали производство самогона, и последний стал выполнять функцию денег при разных сделках между людьми. Советские деньги были запрещены, немецкие марки были редкостью.

Март 1944 года... Весенняя распутица, бездорожье. Кобыла Ветка везет телегу с поклажей из домашних вещей. За телегой, как и в случае с эвакуацией в июне 1941 года, идет, сопротивляясь, корова Катька. На телеге я и прабабушка Дуня восьмидесяти лет. Пешком идут мой отец, Павел Иванович, и мать отца, моя бабушка, Александра Филипповна. Все мы стали беженцами.

Здесь уместно пояснить, как мой отец, молодой и здоровый мужик, оказался в этой компании старых и малых.

Отец был участником долгое время не признаваемой российско-финской войны 1939–1940 годов, где он получил ранение локтевого сустава правой руки при взятии Выборга.

С тех пор правая рука была постоянно на привязи, потеряла способность что-либо делать. Ранение освободило отца от всеобщей мобилизации в Красную армию в начале войны, что, вероятно, спасло ему жизнь.

Для меня слово «беженец» на долгое время стало страшной загадкой. Оно вошло в семейный обиход после распоряжения оккупационных властей мобилизовать местное трудоспособное население на строительство железной дороги, соединявшей город Опочка – районный центр Псковской области – с железнодорожным узлом на территории бывшей Латвийской ССР.

Трудоспособными, подлежащими мобилизации, были признаны мать – Анна Константиновна и дедушка – Иван Петрович, участник Первой мировой войны, проведенный в плену на территории Австрии более 3 лет. Их под конвоем, в числе других мобилизованных, срочно отправили на стройку.

Другим членам семьи был предоставлен выбор – либо остаться в доме и обречь себя на голодное существование при отсутствии кормильцев (трудоспособных), либо, оставив дом без какой-либо гарантии его сохранности, стать беженцами с правом поселения на месте отбывания трудовой повинности мамой и бабушкой. На семейном совете был выбран второй вариант.

Здесь напрашивается аналогия с женами декабристов, которые последовали за мужьями и получили право на поселение в местах их ссылки.

При этом транспортировка под конвоем трудоспособных была обеспечена оккупационными властями, а нам, беженцам, было необходимо преодолеть расстояние в 70 километров по весеннему бездорожью на лошади и пешком.

Моя память сохранила это путешествие, как первое испытание физических возможностей ребенка, закутанного в теплую одежду, более двух суток сидеть на телеге и постоянно обращаться к взрослым с вопросами: куда и зачем мы едем?

Путешествие осложнялось еще и тем, что ехать можно было только проселочными, а более верно отсутствующими, дорогами по санному пути, замерзшим болотам и рекам. Магистральное шоссе, построенное накануне войны, с покрытием из булыжника, соединявшее станцию Сущево с городом Опочка, использовалось исключительно в военных целях, что делало любую поездку по этой дороге опасной.

Люди, далекие от понимания сельской жизни того времени, могут недоумевать, почему в качестве транспортного средства была выбрана телега, а не сани. Дело в том, что в начале 1944 года уже был понятен исход войны, все верили, что она закончится весной или летом, когда надо готовить сани на следующий год, а не пользоваться ими.

Мне не передать все сложности передвижения на телеге по снегу – я был пассажиром, а не кучером. Колеса телеги постоянно утопали в снежной жиже. Скорость замедлялась из-за сопротивления коровы, которая была на сносях и, вероятно, старалась сохранить приплод, который появился в виде телочки через две недели.

На пути следования постоянно возникали остановки, в основном из-за необходимости раздобыть путем обмена корм для лошади и коровы, а также питьевую воду. Были две остановки на ночлег: в первом случае жители деревни оказались гостеприимными – предоставили ночлег в теплой избе, во втором случае крышей над головой стала нетопленая баня.

Вспоминая эту поездку, насколько позволяют это сделать сохранившиеся нейроны, задаюсь вопросом: мог бы я сейчас повторить это «путешествие» даже не в качестве ребенка, а в качестве взрослого (ездового)? Предлагаю пройти этим маршрутом на описанных выше условиях тем, у кого война ассоциируется только с победой, фейерверками, салютами, особенно тем, кто не против «повторить». При наличии желающих услуги консультанта оказываю бесплатно.

С нашим приездом семья полностью воссоединилась в деревне Пещивицы (Опочецкий район). Местом проживания стал бывший колхозный сарай, где храни-

лось сено на зиму, – постройка с деревянными стенами, соломенной крышей и земляным полом.

В сарае с марта по июль вместе с нами проживали более ста человек. Это были лица, отбывающие трудовую повинность, и члены их семей, включая около двух десятков детей дошкольного и раннего школьного возраста. Сарай обеспечивал только защиту от ветра, снега и дождя, все остальные удобства для жизни, в виде кухни, туалета и т.п., в нем отсутствовали.

К счастью, память не сохранила всех тягот жизни в нечеловеческих условиях. Все мы, взрослые и дети, жили надеждой на лучшее: на приход весны, а затем и лета, на скорое окончание войны.

Выживание стало основной физиологической стадной потребностью всех жителей сарая. В условиях холодной погоды в марте и апреле оно сводилось, в первую очередь, к возможности обогреться и приготовить еду, а также обеспечить кормом животных, которые, подобно нашим Ветке и Катьке, тоже стали беженцами.

Местное население, проживавшее в деревнях, внешне не пострадавших от военных действий, весьма не дружелюбно, а порой и враждебно встретило появление на их территории беженцев, претендовавших на продовольствие: зерно, картофель, мясо, молоко.

Позднее удалось наладить отношения между нами – беженцами и местными жителями – посредством обмена имевшихся ценных вещей, если у кого-то они сохранились, на еду, а также оказания возмездных услуг по заготовке дров, выполнению других хозяйственных работ.

Оценивая эти отношения в терминах современной политики, их нельзя назвать толерантными.

Первоочередной задачей стало создание и круглосуточное поддержание источника тепла, которым стала железная печурка, отапливаемая дровами, а вернее – хворостом, заготавливаемым в близлежащем лесу. На этой печурке постоянно стояли кастрюли и чайники, обеспечивавшие потребности в кипятке.

Я не помню, чтобы в обиходе кем-то произносилось слово «чай», так как никаких заварок, даже травяных, не было. Отсутствовал и сахар.

Мы, ребята, большую часть дневного времени проводили, сидя вокруг печурки, живой огонь которой не только давал тепло, но и каким-то образом порождал самые необычные фантазии, почти по К. Симонову, только объектом фантазии была не любовная тема. Ежедневные посиделки вокруг огня заменяли нам дошкольное и начальное школьное образование, так как многие ребята, достигнув школьного возраста, не имели возможности учиться.

Горячие обеды были коллективными, их готовили в больших котлах за пределами сарая по технологии солдатских кухонь. Основным продуктом, который ва-

рился в котлах, была конина убитых рабочих лошадей, которые вместе с людьми отбывали трудовую повинность на строительстве железной дороги. И сейчас перед моими глазами стоит белое облако пены над котлом при варке конины, в которую, по всей вероятности, превращался накопленный непосильной работой лошадиный пот...

Дедушке и маме, как и всем остальным, отбывающим трудовую повинность, предоставлялся ежедневный паек, состоявший из буханки эрзац-хлеба и пачки маргарина. Все остальные члены нашей семьи, проживающие в сарае, были иждивенцами.

Основной кормилицей семьи была корова, которая после отела давала в сутки около 15 литров молока при условии наличия кормов. Сено и солома для Катьки и Ветки приобретались у местного населения в результате каких-то сделок, мне не известных. Ответственность за обеспечение кормами коровы и лошади, их безопасное содержание, особенно ночью, взял на себя отец, кооперируясь с другими владельцами животных.

Уверен, что именно корове Катьке я обязан тем здоровьем, той жизненной энергией, которые позволяют мне в довольно пожилом возрасте материализовать на бумаге воспоминания далеких лет. Большой вклад в выживание нашей семьи внесла и кобыла Ветка. Она выполняла все хозяйственные перевозки: доставку кормов, дров, туш убитых лошадей. В весенние месяцы услугами Ветки пользовались местные жители при распахке огородов, естественно, за определенное вознаграждение.

В силу некоторых обстоятельств мое положение в семье стало меняться: я перестал быть иждивенцем и был поставлен на довольствие. Дело было так...

Управление строительством участка железной дороги осуществляло тыловое подразделение немецкой армии, состоящее из литовских офицеров и солдат, мобилизованных на войну. Руководство этим подразделением – комендатура – размещалось в деревянном здании, по всей вероятности, в бывшей сельской школе. Здание стояло на половине пути от сарая до строящейся железной дороги.

Мне не известно, каким путем, но между одним из офицеров этого тылового подразделения, говорившим на русском языке, и моими родителями была достигнута договоренность, доставлять ему ежедневно в обед парное молоко, получая взамен вознаграждение в виде хлеба, маргарина или консервов.

В один из дней я напросился сопровождать мать до комендатуры с тем условием, что меня приведут обратно.

Так состоялось мое знакомство с офицером, который нашел во мне сходство своим сыном и показал семейную фотографию.

Позже, комментируя это знакомство, мать сказала, что среди расквартированного в деревне тылового подразделения преобладало антивоенное настроение, что и отразилось на отношении ко мне.

Было решено, что при хорошей погоде молоко приносить буду я, получая, наряду с хлебом и маргарином, вознаграждение конфетами. Так на короткое время я стал детским послом мира в страшной войне, в которую были втянуты страны и люди, по большей части, без их согласия и желания.

Офицер перед отступлением немецких войск оставил нашей семье адрес в Литве и семейную фотографию, которые, по известным причинам, не сохранились.

Были же во время бушующего шторма на черных волнах войны и светлые блики...

Июль 1944 года... Близилось окончание военных действий на территории нашего временного проживания. Об этом свидетельствовали отдаленные звуки оружейной канонады и усилившиеся бомбардировки нашей авиацией военных объектов, включая здание военной комендатуры. Активизировалась деятельность партизан, главной целью которых стало минирование построенной железной дороги, по которой на запад в сторону Латвии уходили вражеские эшелоны.

Немцы нашли способ противодействия партизанской деятельности, создав группы «смертников» из лиц нетрудоспособного населения, проживающего в сарае. Группа «смертников» из трех или четырех человек под надзором конвоя катила по рельсам груженую вагонетку, при этом движение вагонетки всегда предшествовало прохождению военного эшелона. Результат был очевиден: установленные партизанами мины взрывались при прохождении вагонетки, и все участники группы погибали.

Состав группы «смертников» и график их выхода на железную дорогу утвердились комендатурой. Только чудо спасло отца, который был включен в состав группы «смертников» от неминуемой гибели. Накануне выхода группы ее состав был изменен, и фамилии отца там не оказалось. «Русская рулетка» сработала, произошел взрыв мины, в живых никого не осталось.

Позднее причина явления чуда проявилась: мать каким-то путем уговорила офицера комендатуры отложить выход отца в составе группы «смертников» на более позднее время.

А скоро последовала команда немецких властей: срочно вывести из строя построенную дорогу, чтобы не дать возможности использовать ее наступающей Красной армии. Зрелище разрушения дороги до сих пор стоит перед моими глазами. Трудно на бумаге воспроизвести это фантазмагорическое зрелище, когда двигавшийся по рельсам паровоз оставлял за собой груды вырванных шпал и искореженных рельсов, разбросанных по песчаной насыпи.

Насколько мне известно, никаких попыток восстановить созданную подневольным трудом и разрушенную немцами железную дорогу в послевоенное время не предпринималось.

Территория, на которой стоял наш сарай, становилась зоной военных действий. Было принято решение: разобрать сарай, а из его бревен построить землянки-блиндажи для укрытия людей от попадания бомб и снарядов. В землянках были собраны запасы еды и воды, в первую очередь питьевой, для утоления жажды, ко-

торая усиливалась в связи с тридцатиградусной жарой. Три дня и три ночи мы провели в землянках, спасаясь от пуль и осколков падающих рядом бомб и снарядов. С каждым часом канонада все усиливалась, уже слышны были звуки пулеметной и автоматной стрельбы.

К утру четвертого дня наступила пронзительная тишина...

Первым, кто осмелился нарушить эту тишину, был мой дедушка, вышедший наружу. Раздался его голос: «Выходите, здесь красноармейцы». Мне, ребенку, уставшему от трехдневного пребывания без света и движения, было трудно оценить эмоциональное состояние, в котором находились взрослые. Помню только лица красноармейцев, которые брали нас, ребят, на руки и говорили, что война закончена, и мы можем собираться домой.

Путь домой был открыт, но большую опасность представляли заминированные дороги. После освобождения надо было срочно найти наших кормильцев – Катьку и Ветку, которые были привязаны в кустарнике рядом с протекающим ручьем. Господь сохранил их живыми и невредимыми.

От прямого попадания бомб были полностью разрушены останки нашего сарая и комендатура, сгорели почти все дома в деревне.

Это было утро 21 июля 1944 года – день иконы Казанской Божьей Матери. Нам предстояло возвращение домой, в полную неизвестность...

Дорога домой всегда короче и по расстоянию, и по времени. Так было и с нашим возвращением. Меня, прабабушку, бабушку и отца повезла домой на телеге Ветка, но уже без тормозящей движение коровы.

Военные предоставили грузовики для возвращения домой всем беженцам, жившим в Новоржевском районе. Дед и мать возвращались на грузовике, куда нам разрешили погрузить и корову Катьку.

Маршрут для нашей поездки на телеге был выбран другой – по разбитому, но разминированному шоссе. Проселочные дороги таили много опасностей в виде мин и других неразорвавшихся боеприпасов. Дорога заняла около полутора суток. Когда мы вернулись домой, нас уже ожидали три кормильца: мама, дедушка и корова.

Наш дом сохранился, если можно назвать домом четыре стены и крышу. Ни наша, ни соседние деревни не пострадали от пожаров. В доме не было оконных рам, дверей, был частично разобран пол. Как выяснилось, съемные деревянные конструкции были использованы немцами для строительства временных укрытий – блиндажей на песчаном склоне у ручья.

Первоочередной задачей стало пережить наступавшую зиму, избежав голода.

Конец лета не позволял надеяться на использование огорода для выращивания зерновых, картофеля и овощей. Помочь решить эту задачу могли только наши четвероногие члены семьи – Ветка и Катька, как они делали это и раньше. Заготов-

ка сена для коровы и лошади стала первостепенным семейным делом. Удалось найти «домашний клад», надежно спрятанный под домом при нашем отъезде.

Среди сохранившихся предметов особую радость доставил мне патефон с набором довоенных пластинок, который был подарен отцу после окончания лечения в военном госпитале в Ленинграде в 1940 году.

Патефон, перешедший в наследство от родителей, является единственным материальным свидетелем военных лет. Сохранилась и заезженная временем пластинка с песней «Катюша».

Военная сага, длившаяся три года и десять дней, закончилась...

У государства, армия которого уже освободила от немецкой оккупации целый ряд государств в южной части Европы, наконец, дошла очередь до Псковской области.

Война украла у меня три года детства, но при этом создала внутренний мир, позволяющий по-своему оценивать, что происходило до войны, на войне и после войны.

Украденное войной детство сделало меня убежденным противником пропаганды, создающей из войны театральное или киношоу, особенно если в этом шоу участвуют дети, одетые в военную униформу и с большим воодушевлением исполняющие песни военных лет.

За три года войны ни я, ни мои сверстники не пели песен, не пели их и взрослые, оказавшиеся на оккупированной врагом территории. Оставьте песни военных лет ветеранам и тем людям, детство и юность которых опалены войной.

Глава 2. МАЛАЯ РОДИНА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ, ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ?

*«Есть на свете город Луга Петербургского округа
Хуже не было б сего городишки на примете,
Если б не было на свете Новоржева моего»
А. С. Пушкин, 1817*

*«Над водою калина, над водою туман.
Я родной край покинул, был то молод, то пьян.
Я родной край покинул и вернулся, Бог мой,
Только эта калина, да туман над водой»
Слова песни А. Солодухи
в исполнении братьев Радченко*

Не знаю, кто из мудрых людей предложил делить Родину на малую и большую. В моем понимании большой родиной является страна, государство, народ, и любовь к большой родине всегда абстрактна (патриотизм, национализм и т.п.).

Другое дело – любовь к малой родине, которая всегда предметна и навсегда сохраняется в памяти через хронологию событий, начиная с детских лет. Именно малая родина в детские годы формирует нравственный, духовный мир человека.

Родился я 18 января 1938 года в деревне Звягино, которая находилась на территории Жадрицкого сельского совета Новоржевского района Калининской области. После войны Новоржевский район вошел в состав Псковской области. Местоположение деревни и сейчас определяется на картах Google, хотя физически деревня не существует с 1988 года.

Моя память зафиксировала послевоенную деревню в составе 40 домов, которые пережили войну, избежав пожара и больших разрушений, по причине отсутствия на территории военных действий с прямым столкновением войск.

Разительным контрастом в этом плане выглядел Новоржев, по южной окраине которого более года, с марта 1943 по июль 1944 года, проходила линия фронта. В городе не уцелело ни одного здания деревянной постройки, городской пейзаж сохранили только склады каменной кладки, построенные из обработанного камня богатыми купцами в дореволюционное время для хранения льноволокна. И сейчас эти здания стали визитной карточкой районного центра, его исторической архитектурной достопримечательностью.

Наша деревня состояла из двух улиц, расположенных перпендикулярно друг другу: старая деревня с родительским домом, корнями уходившая в XVIII век, и новая деревня, заселенная вынужденными переселенцами из хуторов, ликвидированных во времена коллективизации.

На войну в 1941 году из деревни были призваны 29 человек, вернулись четверо, из них трое с различной категорией инвалидности.

Инвалидом II группы был и мой отец, получивший ранение на финской войне 1939–1940 гг.

В Германию на принудительные работы были угнаны 7 молодых женщин и девушек, которые, к счастью, благополучно вернулись.

По моим оценкам, по состоянию на 1945 год население деревни насчитывало 137 человек и было представлено вдовами, повзрослевшей за военные годы молодежью и большим количеством детей школьного и дошкольного возраста.

Несмотря на огромные людские потери военных лет, Псковская область на Северо-Западе оставалась территорией с высокой плотностью сельского населения. Причины этого predeterminedены историей развития Российского государства, где Псков и Новгород занимали особое место в формировании демократических основ государственности и создании эффективных систем хозяйствования на земле.

Удобное географическое расположение в треугольнике «Москва – страны Европы – Петербург», транспортная освоенность территории, благодатный климат с отсутствием засух, наводнений и других разрушительных природных явлений, возможность получения стабильных урожаев зерновых культур, льна и картофеля при внесении органических удобрений – все это делало сельское хозяйство в существующих границах Псковской области привлекательным для миграции населения и высокой рождаемости.

В нашей деревне проживали четыре семьи переселенцев из Латвии. Соседняя деревня была населена потомками переселенцев угро-финского происхождения, которых называли чухонцами как у А. С. Пушкина в «Медном всаднике» («приют убогого чухонца»).

Здание – склад каменной кладки, г. Новоржев, XIX век

Земельные наделы вкпе с трудолюбивыми крепостными крестьянами часто использовались российскими императорами в качестве дарений государственным деятелям за их верное служение царю и отечеству. Такие земельные наделы в приграничном уезде получили арап Петра Великого – Абрам Петрович Ганнибал (ныне музей-усадьба «Петровское») и его потомки по материнской линии, включая деда А. С. Пушкина (ныне музей-усадьба «Михайловское»). Здесь же рядом была усадьба помещиков Осиповых-Вульф (ныне музей-усадьба «Тригорское»), где частым гостем был Александр Сергеевич Пушкин и где его посетило «чудное мгновение» при встрече с А. П. Керн.

Возможность получать от ведения сельского хозяйства стабильный доход стала основой помещичьего землевладения в рамках реализации губернской реформы во времена царствования Екатерины II.

Указом Императрицы от 3 августа 1777 г. был учрежден уездный город Новоржев, ставший впоследствии административным, торговым и культурным центром моей Малой родины.

На территории уезда в XVIII веке располагалось 179 крупных помещичьих землевладений, применявших передовые по тем временам технологии в сельском хозяйстве. Крупными землевладельцами были помещики Львовы, имевшие земельный надел площадью 13 тысяч десятин с сотнями крепостных. К будущему их усадьбы вернусь позднее в этой главе.

Ближайшей к моей деревне была помещичья усадьба в селе Дубровы, владелец которой (правда, у меня нет каких-либо доказательств) мог быть прототипом одного из героев повести А. С. Пушкина «Дубровский».

Памятник Екатерине II, г. Новоржев

С помещичьими усадьбами всегда соседствовали православные храмы, в одном из которых в селе Жадрино венчались герои повести А. С. Пушкина «Метель». Часто задаюсь вопросом: могла ли быть местом действия в названной повести старая деревянная церковь в деревне Жадрицы, разрушенная большевиками до войны? Такую возможность исключить нельзя, так как на кладбище при церкви сохранились захоронения древнего рода помещиков Пушиных, проходивших военную службу и попадавших в разного рода истории. На этом кладбище нашли упокоеание и все мои деревенские предки, включая родителей, могилы которых мы с женой навещаем почти ежегодно, как правило, в День Святой Троицы.

Все зарисовки из прошлого моей малой родины приведены исключительно для того, чтобы показать, каким человеческим и хозяйственным потенциалом обладала земля Новоржевская, где мне было суждено родиться, где прошли мое детство, школьные годы и где мне довелось видеть собственными глазами, как этот потенциал исчезал и разрушался. Особенно пострадала главная составляющая потенциала – сельское население, которое, в результате принудительно навязанной советской властью коллективизации, утратило любовь к земле, как основной кормилице.

О том, что сельское население Псковщины было трудолюбиво, свидетельствует успешная реализация здесь столыпинской реформы земельных отношений в начале XX века.

В Новоржевском уезде среди крестьян нашлось много сторонников новой либеральной системы хозяйствования с частной собственностью на землю. За десять лет значительно увеличились площади сельскохозяйственных земель, в первую очередь пашен и лугов для сенокосения, за счет окультуривания неудобий, осушения болот и уборки камней. Последнее заслуживает особых комментариев.

Известно, что территория Псковской области подверглась воздействию сходящего ледника в десятом тысячелетии до новой эры, когда ледниковый период закончился. Ледник оставил и на земле, и в земле большое количество камней разнообразных форм и размеров.

Наибольшей помехой для создания пахотных угодий являются камни до 20 сантиметров диаметром, которые какой-то неведомой силой постоянно выталкиваются на глубину вспашки. Если при конной вспашке плугом можно обойти такие препятствия, то механизированная обработка почвы становится не только затруднительной, но и опасной, ведущей к поломкам механизмов.

В частном землевладении при хуторской системе хозяйствования все камни убирали вручную и складывали в пирамидки, называемые у нас «субрами». Я хорошо помню пейзаж полей с пирамидами собранных камней, с растущей вокруг них земляникой, ягоды которой, благодаря тепловому излучению камней, созревали на 2–3 недели раньше, чем в лесу. Сейчас никто не убирает с полей камни, а сами поля заросли кустарниками, исчез и земляничный запах детства.

Жизнь в деревне при колхозной системе ведения сельского хозяйства приобрела патриархальный уклад, характеристику которого весьма образно сформулировал гражданин бывшей ГДР Мартин Хемпель, который был аспирантом кафедры Лесотехнической академии, где я работал проректором по науке.

Я пригласил его на экскурсию в музей-заповедник А. С. Пушкина, и попутно на 2–3 дня он стал гостем моих родителей.

Дело было в сентябре с удивительно теплой и сухой погодой, что позволило доставить гостя на легковой машине непосредственно до деревни. В то время мои родители еще исправно вели домашнее хозяйство, что позволило устроить гостю хлебосольный прием. Прием закончился поздно вечером, и я решил дать возможность гостю выспаться.

У меня же по приезду в родительский дом всегда появлялись обязанности по осуществлению постоянно возникающих хозяйственных дел. Детство, проведенное в деревне, дало мне определенные навыки крестьянского труда.

Вечером родители попросили меня, используя лошадь и плуг, распахать картофельное поле площадью 0,25 га, чтобы поднять клубни картофеля из земли наверх для их сбора вручную. Сбор картофеля в корзины осуществляли работавшие внаклонку мать и приглашенные соседки такого же пенсионного возраста. Поздно проснувшись и позавтракав, немецкий гость совершил прогулку и увидел картину, достойную кисти художника, под условным названием «Уборка картофеля: конец двадцатого века».

Мартин, владевший всеми оттенками русского языка, дал увиденному незабываемое определение: «Феодализм в Германии, восемнадцатый век»...

Моя память сохранила попытки властей изменить патриархальный феодальный уклад сельской жизни, вводя в нее, прежде всего, элементы пропагандистской информационной направленности.

Бывают камни и такой величины (справа Ольга Михайловна, жена)

В 1953 году деревню радиофицировали, по ней, говоря словами известной песни на стихи М. Исаковского, «зашагали торопливые столбы», на одном из которых напротив нашего дома был установлен уличный репродуктор.

Трансляция радиопередач велась ежедневно с 6 утра до 12 часов дня и с 18 часов до полуночи. Этого времени было достаточно, чтобы я пристрастился к футболу и стал заочным болельщиком московского футбольного клуба «Спартак», так как футбольные репортажи в то время занимали большую часть радиоэфира. Так же много времени занимали на радио концерты оперной музыки, но, к сожалению, они не сделали меня поклонником этого музыкального жанра.

Отдельного упоминания заслуживают и попытки властей ввести село в коммунизм через электрификацию всей страны (по В. И. Ленину).

С позиций дня сегодняшнего все рассказанное ниже выглядит чем-то сюрреалистическим, не вызывающим доверия.

Первый пример электрификации показал соседний колхоз, построив по инициативе и на деньги государства гидроэлектростанцию на равнинной речке родникового происхождения. Семейство родников размещалось на болотистой низине, которая была хозяйственно освоена собственниками хуторов для заготовки сена. Родники питали речку качественной водой и находились под постоянной заботой местного населения. На момент строительства гидростанции потенциал речки был признан достаточным для создания водохранилища и круглосуточной работы турбин. Экологические факторы в расчет не принимались, да и само слово «экология» отсутствовало в словаре «строителей коммунизма».

Возведенная плотина изменила гидрологию местности и привела при отсутствии хозяйственной деятельности к заболачиванию территории, где не только «жили» сами родники, но и давали жизнь речке. Через короткое время (5–7 лет) водноресурсный потенциал речки резко упал, эксперимент по строительству кустарных электростанций на малых родниковых речках закончился.

Поблизости от нашей деревни полноводных речушек не было, а ленинский план электрификации надо было выполнять. Власти приняли решение – построить тепловую электростанцию на дровах, которые не заготавливали ни в колхозных лесах, ни в ближайшем гослесфонде.

Лампочки Ильича загорелись в нашем доме в 1954 году. В условиях, когда весь мир окутан паутиной Интернета, трудно понять ту радость, которую я испытывал, будучи школьником, находясь в освещенной избе и слушая радиопередачи, особенно любимые концерты по заявкам радиослушателей. Но радость длилась недолго. Лампочки погасли, когда закончились дрова, заготавливаемые из разбираемых сараев и амбаров, колхозных построек, признанных в хозяйстве ненужными. Через год электрификацию реанимировали, заменив дрова на дизельное топливо.

Дороговизна топлива при отсутствии надлежащего технического обслуживания в очередной раз остановила приход на село цивилизации. Только в 1967 году энергоснабжение деревень было переведено на стабильную основу с подключением к централизованной системе. До настоящего времени в районе отсутствует централизованная газификация, как в самом городе, так и во всех близлежащих деревнях.

За весь период колхозного землевладения государство не озаботилось строительством и содержанием сельских дорог, по которым во времена А. С. Пушкина можно было «скользя по утреннему снегу, предаваться бегу нетерпеливого коня». По дорогам, когда основным видом транспорта был гужевой, можно было с комфортом проехать на велосипеде. Дорога в школу на велосипеде занимала в одну сторону 10–15 минут. Позднее все проселочные дороги были разбиты тяжелой колесной и гусеничной техникой, что сделало их непроходимыми не только для легковых автомобилей, но и для пожарных машин и карет скорой помощи.

На примере Новоржевского района видно, что все попытки изменить патриархальный уклад сельской жизни не удались.

Консервация феодально-патриархального уклада сельской жизни привела к тому, что Псковская земля стала постоянно терять тех, кто на ней работал и кормился ее плодами. Во всем том, что происходило с сельским населением в области, виноваты власти, которые не понимали, не понимают и сейчас, что главной национальной идеей для России является сбережение народа (А. И. Солженицын).

Статистика, показывающая превращение Псковской области в обезлюдившую территорию, убийственна, хотя есть основание и для гордости: первое место в этом процессе принадлежит соседней Тверской области.

Сельское население области сократилось с 607 тысяч человек в 1963 году до 200 тысяч в 2013 году, т.е. в 3 раза. Неизбежность дальнейшего обезлюдения области характеризуют следующие цифры. По переписи населения 2010 года, из 8 351 сельских населенных пунктов в 1 919 никто не живет (23 %), в 2 599 пунктах живут всего по 1–5 человек (31 %), в 1 295 – по 6–10 человек (15,5 %), в 1 373 деревнях – по 11–25 человек (16 %), в 501 – по 26–50 человек (6 %), в 234 – по 51–100 человек (2,8 %), в 224 – по 101–200 человек (2,7 %), в 158 деревнях по 201–500 человек (1,9 %).

По уровню обезлюдения территории Новоржевский район занимает одно из первых мест в области. В районе, по состоянию на 2013 год, проживали 8 253 человека, включая 3 544 жителей города Новоржева. В границах Жадрицкой волости, где в послевоенное время было 60 деревень, сейчас люди живут только в 6-ти общей численностью 550 человек.

Если добираться по бездорожью пешком или ехать верхом на лошади из деревни, где я родился, в северном и восточном направлении, то на расстоянии 20–30 километров деревень с населением не встретишь.

Обезлюдение стало длительным эволюционным процессом, который проходил на моих глазах. Живя и работая в Ленинграде, я навещал родительский дом с периодичностью 2–3 раза в году.

До отмены «крепостного права» по советскому образцу (речь не идет о реформе 1861 года) выезд сельского населения, трудоустроенного в колхозах, за пределы мест его проживания был затруднен или практически невозможен по причине отсутствия у колхозников паспортов. Но при этом, как часто бывает, у людей, недовольных существовавшим укладом сельской жизни, появлялись возможности уехать из колхоза и устроиться на работу в городах и других отраслях экономики. Для молодых людей такую возможность предоставлял призыв на службу в армию. По

моей оценке, деревню покинули 9 призывников, из которых 4 увезли с собой и жен из местного населения.

Была еще одна возможность расстаться с малой родиной – через отбывание трудовой повинности на лесозаготовках. Каждый год колхоз получал разрядку на командирование 2–3 человек с лошадьми на сезонные (зимние) лесозаготовки в один из леспромхозов Ленинградской области. Бывали случаи, когда лошади, как колхозное имущество обратно возвращались, а ездовые, которые находили лучшее применение своей жизни, – нет.

С энтузиазмом встретила колхозная молодежь призыв партии и правительства осваивать целинные земли, значительная часть которых в настоящее время принадлежит соседнему государству – Казахстану. В колхозах проходили комсомольские собрания, в добровольцы записывались молодые парни-механизаторы и девушки, планировавшие совместить патриотический порыв с возможным решением семейных проблем.

Из колхоза «Звягино» на целину уехали 7 человек, домой никто из них не вернулся. И сейчас они сами, их дети и внуки работают на другую страну, улучшая ее демографию и экономику.

Произошел какой-то несправедливый экономический и социальный размен по отношению государства к своей территории, следствием которого стало обезлюдение областей Нечерноземья. Вложи государство те огромные финансовые, материальные и трудовые ресурсы, которые были израсходованы на освоение целинных земель, в развитие сельского хозяйства на исконно русских землях, последние могли бы кормить не только самих крестьян, но и растущее высокими темпами городское население. Все сказанное относилось к Псковской области, в экономическом и социальном развитии которой большую роль сыграл Ленинград. Этот город, подобно гигантскому пылесосу, притягивал к себе, давал трудоустройство всем желающим, даже тем, кто не имел квалификации. Как-то я остановил такси на Институтской улице и признал в водителе своего бывшего одноклассника с законченным начальным образованием.

По маршруту Псковская область – Ленинград уехало все трудоспособное население, на селе остались только люди пенсионного возраста и работники госучреждений. Таким образом, биологический срок жизни пенсионеров стал определителем судьбы деревень, которые исчезали при полном безразличии властей.

Такая же судьба была уготована и нашей деревне, но случай ускорил этот процесс. К бабушке, жившей в деревне, привезли на лето внука дошкольного возраста. Внук проявил большое любопытство к находящемуся в открытом доступе коробку со спичками. Действие спичек было проверено на сухой траве вблизи хозяйственных построек.

В мае стояла сухая ветреная погода. Огненный смерч в течение трех часов уничтожил 8 домов, расположенных по одной линии в новой деревне. Жители и домашние животные не пострадали. Не пострадал и родительский дом, находившийся в старой деревне. Всем погорельцам колхозное руководство предложило переселиться на центральную усадьбу в деревню Жадрицы, где были построены блоч-

ные дома. Такое же предложение поступило и жителям деревни, не пострадавшим от пожара.

На семейном совете с моим участием было решено уехать из деревни, купив дом в городе Новоржеве, который для меня был и остается малой родиной. 70-летие Октябрьской революции мы встречали семейным застольем на улице Германа, командира партизанского отряда, погибшего в боях за освобождение города.

Приезжая ежегодно на малую родину, всегда задаю себе один и тот же вопрос: как можно сделать так, чтобы Псковская земля с ее славной историей, дивной природой, воспетой гением Александра Сергеевича Пушкина, смогла возродить былое отношение человека к земле, заменив сельскохозяйственных пролетариев собственниками? Размышляя об этом, на ум пришла гипотетическая идея: для остановки процесса обезлюдения территории нужно последовать примеру субъектов Российской Федерации на Дальнем Востоке, где Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ предложил гражданам страны брать в собственность или в аренду по гектару земли бесплатно. Эта инициатива получила название «дальневосточного гектара».

Уверен, нечерноземный гектар покажет более высокую экономическую и социальную эффективность в сравнении с «дальневосточным».

При дефиците трудоспособного населения проблематична реализация в области таких крупных экономических проектов сельскохозяйственной направленности, как возрождение и развитие льноводства. Выращивание льна, который называют «северным шелком», пришло в полный упадок из-за исключения (за неимением рабочей силы) из технологического процесса ручных операций, когда освобожденные от семян стебли льна должны были в течение двух недель замачиваться в специально вырытых прудах под тяжелым гнетом из камней с последующим двухнедельным пролеживанием на росистых лугах в августе–сентябре. Именно эти операции, не подлежащие механизации, делали лен «северным шелком».

Я хорошо помню, как выполнялись эти ручные операции с привлечением нас – школьников, развозивших на телегах снопы из стеблей льна по лугам и клеверным полям для их природной отбелки. Все попытки производить льноволокно с его поставкой на внутренний и внешний рынки с исключением ручных операций приводили к банкротству сельхозпроизводителей.

Более привлекательными, не требующими больших трудозатрат, могли бы стать проекты с развитием туризма, включая экологический. В области не было и нет предприятий, осуществляющих техногенные загрязнения воды, почв и воздуха, что делает ее территорию экологически чистой, а следовательно, перспективной для развития экологического туризма с учетом удобного географического расположения (близость таких городов, как Москва и Санкт-Петербург).

Мы с женой стараемся каждый год приезжать на мою малую родину. И до 2011 года это было проблематично из-за отсутствия мест, где можно остановиться. При том, что рядом находятся пушкинские места, которыми очень интересуются туристы; до недавнего времени здесь полностью отсутствовала гостиничная инфраструктура. И вот первые перемены к лучшему.

В Новоржевском районе начало реализации проектов с экологическим туризмом положено возрождением усадьбы помещиков Львовых, о деятельности которых уже упоминалось. На территории их бывшей усадьбы, разграбленной и разрушенной во время коллективизации и войны, создан усадебный комплекс «Имение Алтун», расположенное в 12 километрах от музея-заповедника «Михайловское» и Светогорского монастыря, где находится могила А. С. Пушкина. Территория этой усадьбы размещается на берегу озера и представлена уникальным природным парком с сохранившимися и помнящими времена Пушкина деревьями. Первым в парке в 2011 году построен флигель для круглогодичного проживания «Барский дом». Через три года свои двери открыл еще один флигель «Дом на озере». В современном облике флигеля «Барский дом» присутствуют черты барского дворца помещиков Львовых, построенного в 1914 году в виде псевдогоthicского замка.

Ресторан «Амбар под дубом» расположен в старинном здании каменной кладки 1901 года застройки. Ресторан специализируется на приготовлении блюд из экологически чистых собственных и/или местных продуктов, а также мяса, дичи и рыбы из вольной среды.

Теперь мы каждый год высоко оцениваем гостеприимность обслуживающего персонала.

Туристический поток с пребыванием в «Имени Алтун» за эти годы настолько увеличился, что забронировать проживание во флигеле «Барский дом» можно только за 2-3 месяца. К сожалению, в программе пребывания туристов почти отсутствует экологическая составляющая, предпочтение отдается маршрутам с посещением Пушкинских мест.

Имение Алтун, Барский дом – бывшая усадьба помещиков Львовых

Территория района богата природными объектами, куда входят родники, малые речки с холодной чистой водой и жилищами бобров, озера, хвойные и березовые рощи.

Из-за отсутствия дорог, подготовленных экологических троп и мест стоянок автомобилей посещение этих мест для основной массы туристов, не готовых к экстремальным условиям отдыха, проблематично.

Опыт эффективно организованного экологического туризма можно найти рядом, в странах Прибалтики. Но надо знать, что этому опыту предшествовала большая целенаправленная деятельность государства по экологическому просвещению населения, включая местных сельских жителей.

Все сказанное выше с учетом опыта стран-соседей вселяет определенный оптимизм в отношении будущего моей малой родины. Уверен, не должно быть безлюдных территорий в центре Европы. Свято место не должно быть пусто.

Глава 3. РОДОМ ОТ ЗЕМЛИ

*«Мой дед землю пахал» – с надменной гордостью отвечал Базаров
И. С. Тургенев, Отцы и дети*

*«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу,
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам»
А. С. Пушкин*

Дом, в котором я родился, к счастью, не стал пепелищем ни в годы войны, ни после. Дом был продан родителями в 1988 году, разобран на хорошо сохранившиеся бревна и перевезен новыми хозяевами на другое место. Были разобраны на кирпичи и русские печи, символизировавшие былой крестьянский уклад жизни хозяев дома.

Дом был построен пятистенком, срубленным из толстых сосновых бревен. Были в нем две избы: передняя (теплая) и задняя (холодная) с двумя русскими печами. Дом стоял на высоком фундаменте каменной кладки, позволявшем человеку «подполом» ходить в полный рост. Крыша дома в послевоенное время была из дранки, произведенной местными умельцами, замененной шифером в те годы, когда этот материал был дефицитным, привезенным из Ленинграда на грузовике.

Какие-либо документы, удостоверяющие год строительства дома, не сохранились. Построен он был моим прадедом, Петром Алексеевичем, чье имя и дало фамилию последующему роду. Прадед умер в 1935 году, год его рождения мне не известен. По всей вероятности, по происхождению он был из крепостных крестьян.

Родители рассказывали, что моя прабабушка Дуня (отчества не знаю), пережившая войну, часто вспоминала, как в детские годы барские дети приглашали ее в гости покататься на лодке. Барин был мелкопоместный, его следов в истории не осталось. Барская усадьба была разграблена в первые послереволюционные годы. Искусственно созданный пруд, где на лодке каталась прабабушка, в отсутствие хозяев превратился в болото.

Петр Алексеевич, получив после революции земельный надел, вел хозяйство силами своей семьи, не прибегая к наемному труду, а поэтому во время коллективизации был признан «средняком», не подлежавшим выселению с конфискацией имущества.

В хозяйстве были три коровы, содержащиеся не ради получения молока, а для производства навоза, что было главным условием урожайности всех сельскохозяйственных культур. В хозяйство входили две лошади, овцы, свиньи, домашняя птица, пчелиные ульи и фруктовый сад.

Петр Алексеевич отличался религиозностью, избирался церковным старостой в Жадрицах. Воскресенье для Петра Алексеевича было всегда праздником, нерабочим днем в любое время года, включая летнюю страду. Запрягался выездной жеребец, и Петр Алексеевич всегда был в храме к началу утренней литургии.

Коллективизацию Петр Алексеевич и вся семья встретили с крестьянской покорностью, отвели по требованию властей домашний скот на колхозную ферму, передали в колхоз другое имущество. У Петра Алексеевича было пятеро детей: четверо сыновей и одна дочь.

После смерти прадеда хозяйство по наследству перешло к младшему сыну Ивану, моему дедушке, который окончил церковно-приходскую школу, обладал красивым каллиграфическим почерком и был по своей сути сельским интеллигентом. В жены дедушка взял Александру Филипповну из семьи разночинцев, проживавших на территории нынешнего Пушкиногорского района.

Когда я проигрывал на патефоне граммофонную пластинку со старинными вальсами, бабушку часто посещали воспоминания, как она в девичестве слушала эту музыку в исполнении духового оркестра на железнодорожной станции «Тригорская», которая была ликвидирована в революционные годы.

В семье бабушка была оплотом морали и нравственности. В этом направлении она достигла больших успехов только по отношению к своему мужу – моему дедушке: он не злоупотреблял алкоголем, не ругался матом, правда, много курил, как следствие австрийского плена. Ни сын (мой отец), ни я (внук), к сожалению, не поддались бабушкиному воспитанию.

Дедушка пережил годы оккупации, отбывая трудовую повинность на строительстве железной дороги, получил после войны в колхозе ответственную долж-

Прадед и прабабка. 1930-е годы

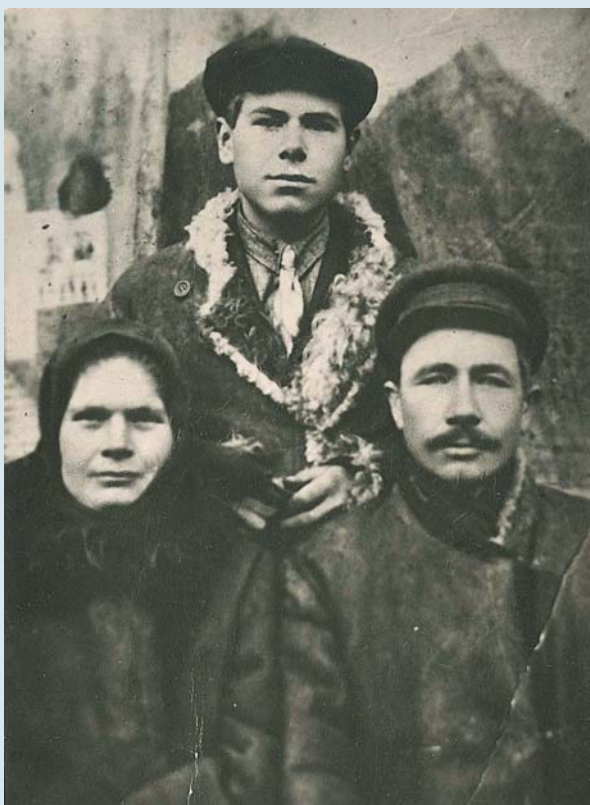
ность животноводства. Колхозное стадо было в основном сформировано из коров, доставленных в Советский Союз из Германии в порядке репараций, т.е. возмещения побежденным государством причиненного им ущерба. Перед животноводом была поставлена задача – «перевоспитать» избалованных хозяевами немецких «пеструшек», приучить их к суровым условиям жизни на колхозной ферме. Дедушка постоянно пропадал на ферме, стараясь предупредить падеж коров, ибо последствия потери колхозного имущества были опасны и непредсказуемы. Заболев воспалением легких, с высокой температурой дедушка продолжал ежедневно бывать на ферме. Как следствие – воспаление легких перешло в туберкулез (чахотку), что при отсутствии антибиотиков привело к скорострительной смерти в 1949 году. Бабушка пережила мужа ровно на десять лет.

Наряду с выполнением колхозной и домашней работы, дедушка взял на себя мою дошкольную подготовку, по мере возможности в условиях отсутствия радио и детских книг удовлетворял мое любопытство, отвечая на все вопросы. К сожалению, в дошкольной подготовке не принимали участие мои родители: ни отец, ни мать вообще не посещали школу, так как их школьный возраст пришелся на время революционных потрясений, гражданской войны, когда были закрыты церковно-приходские земские школы, доступные для крестьянских детей.

Родители умели читать, кое-как писали, но они преуспевали в арифметических действиях, когда речь шла о хозяйственных делах. О таланте отца в этой области будет сказано дальше.

С помощью деда к школе я был подготовлен: знал буквы, умел считать до десяти. Не было только навыков письма из-за отсутствия тетрадей, ручек и карандашей – их выдавали только в школе.

Успехи сельского хозяйства, достигнутые бла-

*Сидят – бабушка и дедушка, стоит – отец.
1930-е годы*

годаря новой экономической политике, ограниченный размер земельных наделов у крестьян – единоличников создали условия, при которых на селе стал ощущаться избыток трудоспособного населения.

В то же время расположенный не так далеко (8 часов езды на поезде) Ленинград манил сельскую молодежь возможностью получения образования, профессий, полной соблазнов городской жизнью.

Мне не известно, как принималось решение отправить отца в Ленинград на заработки: было ли оно семейным, или это была инициатива самого отца, молодого сельского парня, без образования и рабочей профессии, но зато с гармошкой. В любом случае, в 1929 году отец оказался в Ленинграде, где он устроился рабочим в хозяйственную часть военно-морского училища на Васильевском острове.

Политика жестко вмешалась в судьбу моего отца, похоронив его надежду на городскую жизнь. В процессе коллективизации условием признания нашей семьи «середняками», а не «кулаками», а последнее означало конфискацию имущества и высылку в Мурманскую область, стало обязательное возвращение в деревню Павла (моего будущего отца) с получением им нового социального статуса – колхозника.

Став рядовым колхозником и, тем самым, потеряв всякую надежду на возвращение к городской жизни, отец превратился в завидного жениха, первого парня на деревне. На деревенских вечеринках и ярмарках по случаю престольных праздников, проводимых несмотря на запреты властей, отцу отводилось почетное место гармониста. Семья, где отец был единственным ребенком в браке бабушки и бабушки, являлась зажиточной по стандартам сельской жизни. Властям не удалось через коллективизацию создать на селе равенство жителей по уровню доходов.

В 1935 году отец женился. Выбор пал на Анну Константиновну (в быту звали Нюрой), сироту из соседней деревни, потерявшую мать в пятнадцать лет, а отца – в трехлетнем возрасте. В 1938 году родился я и был крещен с приглашением священника на дом, где компанию мне составили еще двое новорожденных, ставших в будущем моими школьными друзьями.

В 1939 году отца призвали на службу в Красную армию, где через несколько месяцев он стал участником советско-финской войны, называемой «зимней кампанией». Поскольку информация об этой войне была под запретом, она как бы отсутствовала в довоенной истории Советского Союза, отец долгое время уходил от разговоров на эту тему. Уже в позднем возрасте, когда разглашение государственной тайны не грозило карами, отец, находясь в состоянии подпития, рассказывал об ужасах той необъявленной войны, проявлявшихся как в быту (отсутствие при морозах около 30-40 градусов теплой одежды и обуви, промерзлые буханки хлеба и т.п.), так и в военных действиях, критерием успешности которых было количество убитых и раненых. Рассказ, как правило, заканчивался словами «благодарности» финнам за ранение в правую руку, что сделало его инвалидом и тем самым легально освободило от призыва на войну с Германией.

Слишком большой была вероятность, что, уйдя на фронт в 1941 году, отец разделил бы участь тех не обученных военному делу деревенских парней, кто навеки пропал «без вести».

Моя детская память об отце в военные годы сохранила то небольшое, о чем уже было сказано в первой главе.

Сразу по возвращению домой отца, в условиях дефицита мужского населения, назначили бригадиром полеводческой бригады возрожденного колхоза «Звягино», в который входили жители пяти деревень.

Председателем колхоза был избран наш сосед по дому – мой крестный, участник войны, демобилизованный в звании майора, член партии Иван Степанович. Он был из числа тех руководителей, которые знали сельское хозяйство и болели душой за порученное дело; в чем-то он был похож на героя фильма «Председатель» в исполнении артиста М. А. Ульянова. Жаль, что жизнь Ивана Степановича оказалась короткой. После его ухода из жизни председателями колхоза ставили партийных «назначенцев», далеких от понимания сельской жизни.

На должности бригадира отец работал без перерыва более 30 лет в условиях, когда:

- ✓ постоянно происходила оптимизация колхозов путем административного слияния «богатых» и «бедных». К «богатому» колхозу «Звягино» трижды присоединяли соседние деревни, где колхозники бедствовали;

- ✓ постоянно поступали директивные указания по ориентации сельского хозяйства то на выращивание подсолнуха (1950-е годы), то кукурузы (1960-е годы), то на механизацию животноводческих ферм;

- ✓ снижалась численность трудоспособного населения, прежде всего за счет молодежи.

До 1970-х годов колхозники не получали пенсий, у них не было ни выходных, ни отпусков. Обязанными трудиться признавались все жители колхоза, начиная с 16-летнего возраста и заканчивая возрастом биологической старости, достижение которого означало физическую невозможность выполнять сельскохозяйственные работы.

Мои воспоминания дают следующую «фотографию» рабочего дня бригадира на примере отца.

Каждый день ранним утром, перемещаясь пешком или верхом на лошади, бригадир заходил в дом (избу), где жили колхозники вверенной ему бригады. Каждому колхознику в устной форме выдавался наряд на работу, в котором формулировались:

- ✓ вид работы (косьба, прополка и т.п.);
- ✓ место работы (поле с местным названием);
- ✓ кличка лошади, если работа предусматривала участие лошади в выполнении сельскохозяйственных работ*;
- ✓ дублирующая работа на случай изменения погодных условий.

* Наряду с лошадьми в первые послевоенные годы тягловую работу выполняли «обученные» быки, имевшие человеческие имена – Кузьма, Михай и Борис. На быках пахали, запрягали в телегу или сани.

Один из них, Михай, был равнодушен к проходящим мимо него особам женского пола независимо от их возраста. Тут же менялось направление движения повозки с аварийным исходом для ездового.

Наряд бригадира на сельскохозяйственную работу принимался к обязательному исполнению. Неисполнение наряда наказывалось в административном порядке, включая исключение из членов колхоза с потерей возможности иметь огород (0,5 га).

Днем бригадир принимал обязательное участие в совещании под руководством председателя колхоза. На совещании утверждался текущий план действий, предусматривавших, в первую очередь, поставку продукции государству.

Во второй половине рабочего дня, ближе к вечеру, бригадир принимал у каждого колхозника результаты выполненной работы, оценивая их подлежащими измерению натуральными показателями.

Основным показателем для большинства работ была площадь, измеряемая так называемыми «сотками» (0,01 га, или 100 м²). Для измерения площади применялось специальное устройство из деревянных палок в форме треугольника (шагающий метр), позволявшее получать исходные данные для определения площади.

Отец выполнял эту работу виртуозно с использованием одной руки. При отсутствии школьных знаний по геометрии вычислялась площадь земельных участков в форме прямоугольника, трапеции, треугольника, определялся объем стогов сена в форме пирамиды. Итоги рабочего дня подводились дома, где левой рукой заполнялась ведомость, в которой каждому колхознику начислялись трудодни в зависимости от объема выполненных работ и норм выработки, утвержденных государством**.

Работа отца в должности бригадира несла в себе социальные, а более правильно, моральные издержки в плане семейной жизни. Как уже было сказано, наряд на работу выдавался колхозникам на дому. Его получателями в основном были вдовы и незамужние женщины. И здесь у бригадира появлялись возможности, называемые сейчас коррупционными рисками, сделать определенные послабления некоторым лицам: освободить от работы по надуманным причинам, предоставить более легкую работу, где зарабатывание трудодней достигалось меньшими трудовыми усилиями.

Платой за послабление были самогон и другие услуги, не требующие особых комментариев. Соблазн был настолько велик, что устоять было невозможно. Мать рассказывала об уловках и хитростях, к которым прибегал отец, когда соблазн переходил грани дозволенного.

Для того чтобы усыпить бдительность матери, она, не имея никаких льгот, получала наряд на работу на участке, удаленном на большое расстояние от того поля, где работала очередная партия отца.

Таким путем отец, к своему удовлетворению, решал социальные проблемы, объективно существовавшие в послевоенной сельской жизни. Похождения отца

** При колхозной системе ведения сельского хозяйства в этой отрасли, как и во времена феодализма, отсутствовали товарно-денежные отношения. Результаты работы колхозников оценивались трудоднями. Полученная продукция за вычетом обязательной поставки государству распределялась по трудодням (зерно, картофель, сено и т.п.). Бывали случаи, когда распределять было нечего.

(«от людей на деревне не спрячешься») были причиной семейных ссор. На стороне матери были все члены семьи, особенно бабушка (свекровь), с ее непоколебимыми моральными принципами.

За служение колхозному строю отец был награжден орденом Трудового Красного Знамени, неоднократно его фотография присутствовала на районной Доске Почета.

После ухода с должности бригадира (не стало бригады) отец работал молоковозом одиночных хозяйств. Каждое утро, и в дождь, и в снег, его можно было видеть сидящим на телеге в окружении бидонов с молоком, доставляемых на переработку в Жадрицы.

Мать была седьмым, младшим ребенком в семье, почти не помнила своего отца, который, судя по ее рассказам, был занят отхожими промыслами и мало думал о семье. С потерей матери (моей бабушки) в 15 лет на девичьи плечи свалились все тяготы крестьянской жизни. Старшие братья и сестры к тому времени обзавелись собственными семьями. Два брата покинули малую родину, опасаясь коллективизации. В хозяйстве у матери был земельный надел, домашнее подворье с коровой и лошадью, овцами и домашней птицей. Думаю, что моя мама принадлежала к числу тех женщин в русский селеньях, кому поэт Н. А. Некрасов посвятил свое стихотворение с проникновенными словами: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». О роли мамы в выживании нашей семьи в военные годы много сказано в первой главе.

В послевоенные годы, когда я уже полагаюсь на собственную память, круг забот и хозяйственных дел у мамы не изменился. Я не помню, чтобы какое-то время она была свободна от выполнения либо колхозных, либо домашних дел.

На мой взгляд, одно из таких дел было истинно героическим. В первый по-

Мама на колхозном поле. 1950-е годы

слевоенный год самым дефицитным продуктом на селе оказалась поваренная соль, необходимая не только для повседневного приготовления еды, но и для консервации овощей и даров леса – грибов. Голод был рядом, нужны были хотя бы какие-то запасы продовольствия. Государственная торговля в сельской местности не работала. Дефицитные продукты распределялись по карточкам. На семейном совете было принято решение – отправить мать в соседнюю Латвию пешком по тому же маршруту, где она отбывала вместе с семьей трудовую повинность во время немецкой оккупации.

В Латвии, где процесс коллективизации только начинался, местное население жило довольно зажиточно и имело в достатке дефицитные продукты.

Я не знаю, какие ценности были у матери, но, реализовав их, она принесла домой на себе за плечами пуд (16 кг) соли и привела на поводке овцу (ярку). Маршрут был такой: 60 км туда и 60 км обратно. Можно представить себе приятную прогулку с послушной собакой на поводке, но я никому бы не советовал пройти расстояние в полторы марафонских дистанции, имея спутником упрямое, трудно управляемое животное.

Мать в качестве рядового колхозника, будучи членом правления колхоза, не только выполняла, но и перевыполняла действовавшие нормы выработки. Чтобы понять, как государство эксплуатировало труд колхозников (советских крепостных), приведу по памяти действовавшие тогда нормы выработки на один трудодень:

- ✓ ручная косьба – 0,4 га (40 соток);
- ✓ перекопка земли лопатой – 0,08 га (8 соток), что превышает стандартную площадь участков граждан в садовых и огороднических товариществах;
- ✓ жатва ржи серпом с формированием стоек из снопов – 0,12 га (12 соток).

Семью кормило не только и не столько колхозное производство, сколько огород, т.е. подсобное хозяйство, которое после смерти бабушки полностью легло на плечи мамы. Подсобное хозяйство велось на интенсивной основе, в землю вносилась вся органика (навоз), образовавшаяся в хлеву при содержании животных.

Земля под огородными грядками имела не только цвет, но и структуру чернозема. Ежегодно на зиму создавались запасы отборного картофеля, кочанной капусты и корнеплодов. В подполе стояли бочки с солеными огурцами, квашеной капустой (рубленой и в кочанах), солеными грибами и маринованными яблоками. Здесь же хранились большие емкости с соленым творогом. Вблизи русской печи на стене висели вязанки с луком и чесноком. Этот осязаемый результат достигался ценой не только большого, но и квалифицированного крестьянского труда, к которому я был приобщен с раннего детства, и учителем здесь выступала мама.

Меня научили «правильно» косить траву, пахать землю плугом, запрягать лошадь в телегу или сани и многим другим премудростям сельского быта. Обучая меня крестьянскому ремеслу, мать говорила: «Уметь что-либо делать – это не пуд соли носить».

Достаток нашей семьи не измерялся только количеством заработанных трудодней. Постоянно искали и находились другие источники пополнения семейно-

го бюджета, прежде всего за счет тех видов деятельности, которые приносили доход в деньгах, так как доход по трудодням обеспечивался натуральной оплатой. Колхозно-крепостные отношения в сельском хозяйстве не успели убить в людях природную склонность к предпринимательству, ориентированному на удовлетворение возникающего спроса на продукцию и услуги. В послевоенные годы, пока производство резиновой обуви не было освоено отечественной промышленностью, сельские жители испытывали дефицит обуви на весенний и осенний периоды. В зимние месяцы, а в те годы зимы были морозными и даже без кратковременных оттепелей, взрослые и дети носили валяную из овечьей шерсти обувь (валенки) местного кустарного изготовления.

Летом дети бегали босиком, а взрослые носили кожаные сандалии, по форме напоминавшие лапти. Для того чтобы продлить сезон ношения валяной обуви, надо было «одеть» ее в резиновые калоши. Производство калош из бывших в употреблении камер (внутренних резиновых оболочек автомобильных шин) предложил дедушка, который в довоенное время был мастером по изготовлению валяной обуви, что дало нашей семье прозвище «вальцовы».

Присвоение людям прозвищ в деревнях было традицией, все жители были известны не по фамилиям (паспорта отсутствовали), а по прозвищам.

Технология изготовления калош из автомобильных камер требовала наличия деревянных модулей (колодок), различавшихся по размерам. К счастью, в доме

Я и родители. Послевоенные годы

эти колодки сохранились с того времени, когда они использовались для производства валяной обуви. С помощью колодок дедушка, а позднее отец, делали заготовки из резины по аналогии, как эту операцию выполняют в швейном производстве. Места для склеивания требовали зачистки специальным инструментом – рашпилем. Выполнение этой нелегкой операции было моей ежедневной трудовой повинностью после возвращения из школы.

Изготовленные калоши продавали жителям деревни или обменивали на услуги.

Дополнительный доход приносила и семейная пасека, состоявшая из 15–20 ульев. Большинство обязанностей пасечника возлагалось на меня. Самой изнурительной по времени была обязанность наблюдать за роением пчел с целью предупреждения отлета роя за пределы пасеки. Пчелы роились в июне и в первой половине июля, в самое жаркое время года, когда мои сверстники вели беззаботную жизнь, купаясь в пруду или собирая лесные ягоды. Я же был вынужден находиться в саду с ворохом библиотечных книг и наблюдать за «поведением» пчел.

Шумный массовый вылет пчел из улья означал начало процесса роения. И здесь нужно было, не теряя времени, подойти к летку, найти в движущейся пчелиной массе матку (царицу), изловить ее, поместив в специальное устройство, позволяющее пчелам не только ее видеть, но и слышать издаваемые ею «звуки». Устройство с маткой помещалось на близко находящемся дереве, доступном для последующего сбора пчелиного роя. Вылетевшие из улья пчелы только им известным способом находили заключенную в клетку матку и формировали клубок, тот самый рой.

Клубок весом 1,5–2 кг опрыскивался водой, что исключало возможность его отлета до «просушки». Времени на «просушку» было достаточно, чтобы пришедшие с работы родители смогли поместить клубок пчел (рой) в специально оборудованное лукошко. Вечером на семейном совете решалась судьба роя: либо пчел возвращали домой «по месту прежней прописки» без матки, либо создавали новую пчелиную семью с пропиской в новом улье. Были случаи, когда пчелиные рои отдавали родственникам или продавали. Однажды мать пешком отнесла рой в лукошке родственникам в Пушкинские горы, что в 25 километрах от дома.

Однажды рой у меня улетел, за что я был наказан.

Псковский цветочный мед заслужил добрую славу на колхозных рынках в Ленинграде. Ежегодно мать поставляла на эти рынки около сотни килограммов меда, используя для этих целей молочные бидоны емкостью 40 литров. Маршрут следования был следующий: телега – 5 км, автобус – 50 км, поезд Сушево – Ленинград, такси – до родственников. Сценарий доставки сельскохозяйственной продукции на колхозные рынки реалистично представлен героиней фильма «Три тополя на Плющихе» в исполнении народной артистки Татьяны Дорониной с той лишь разницей, что мне не известны романтические истории, сопровождавшие эти поездки.

Другим товаром, который был востребован в то время на ленинградских рынках, были женские платки домашней вязки, правда, не пуховые. Для изготовления

платков использовалась шерсть овец из домашнего подворья, которая проходила через множество технологических, преимущественно ручных, операций (мытьё, расчесывание, прядение, вязание на спицах) с приданием формы, рисунка и размера, востребованных рынком. Все названные выше доходы в дополнение к трудностям позволяли поддерживать благополучие семьи на уровне, который был характерен для городских жителей.

С электрификацией деревни в доме появились телевизор, радиоприемник «Ригонда», холодильник и стиральная машина. Две избы были обставлены мебелью.

Будучи студентом, я не испытывал в сравнении с рядом моих сокурсников финансовых затруднений, регулярно получая «семейные гранты».

Тяжелейший крестьянский труд без выходных и отпусков время от времени разбавлялся праздниками, которые утанавливались церковным календарем. Отсутствие пропагандистского воздействия государства на население через телевидение и радио, так как деревни не были электрифицированы и радиофицированы, привело к тому, что советские праздники не были признаны сельскими жителями. У каждой деревни был свой святой – небесный покровитель, в его честь назначались праздники.

У деревни Звягино небесными покровителями были первоверховные апостолы Петр и Павел (12 июля по новому стилю) и святой архистратиг Михаил (21 ноября).

В связи с исчезновением деревень из сельской жизни ушли и праздники. Это заставило меня воспроизвести по памяти картины подготовки и праздникам и их проведение.

День апостолов Петра и Павла праздновали летом, когда сельское население было обременено летней страдой, когда день год кормит.

Где-то к 4–5 часам пополудни в деревню приезжала на лошадях или приходила пешком молодежь.

В первое послевоенное время, когда отток молодежи из деревни был ограничен, в хорошую погоду в мероприятиях праздника участвовало до 150 человек. Празднование начиналось с ярмарочного гуляния, когда молодые люди (парни и девушки), разбившись на группы, возглавляемые гармонистами, ходили по кругу по центральной улице, демонстрируя наряды, удаль и вокально-музыкальные данные, исполняя частушки местного сочинения. Содержание частушек могло быть как признанием в любви, так и формой критического отношения к окружающей действительности, своего рода законспирированным протестом против ее реалий.

Объяснение в любви к гармонисту звучало так: «Гармонисту надо дать, сама знаю, надо дать. Платок белый на колени, чтобы брюки не помять».

А вот пример частушки с политическим подтекстом: «Девочки, девчонки, до чего вы дожили, которо место берегли, на то налог наложили». Было много частушек, выражавших более «жесткое» отношение их авторов и исполнителей к окружающей действительности для жесткости, как правило, использовались нецензурные слова. Победители песенных конкурсов не всегда определялись мирным

путем. Результатом «творческих» разборок конкурсантов-исполнителей порою были поломанные деревянные заборы. С наступлением темноты гуляние перемещалось в колхозный клуб и продолжалось до утренней зари. Утром участники празднования возвращались к повседневной работе, не помышляя ни о каких отгулах.

По другому сценарию проходило празднование в честь архистратига Михаила. В родительский дом приходило много гостей (родственников или хороших знакомых). По причине отсутствия полевых работ (страды) празднование не ограничивалось одним днем. Особы мужского пола, наиболее выносливые и стойкие по отношению к алкоголю, праздновали 2–3 дня, перемежая застолье дневным и ночным сном. Празднование заканчивалось, когда гости видели стоящие на столе пустые бутылки из-под самогона.

Подготовка к проведению праздников начиналась заблаговременно, особенно это относилось к созданию запасов самогона. В магазинах спиртное не покупалось из-за отсутствия денег. Дефицитным оставался и сахар, являющийся в настоящее время основным продуктом, используемым в самогоноварении.

На селе в послевоенное время самогон изготавливали из зерна ржи, которую выращивали на огородах и получали в качестве натуральной оплаты по трудовням. Каждая семья имела собственные устройства и свой секрет в технологии самогонования. Зерна ржи проращивали, с использованием русской печи они превращались в солод. Солод подвергался длительному брожению под неусыпным наблюдением хозяев. Названное производство самогона было трудоемким и требовало принятия квалифицированных решений, поэтому в более позднее время, когда дефицит сахара был преодолен, последний стал основой производства более экономичного, но вредного для здоровья потребителей напитка.

При наличии запасов самогона все остальные вопросы подготовки к праздничным застольям решались значительно легче.

Поголовье домашних животных и птицы, которое ограничивалось только наличием запасов корма (сено, зерно), позволяло готовить разнообразные мясные блюда, основным из которых был холодец. К мясным блюдам всегда предлагался набор овощей (свежих и в виде солений) и молочных продуктов.

Дом не утратил гостеприимства вплоть до завершения своей миссии в 1988 году. Менялся только состав гостей. Родственников и знакомых моих родителей, в своем большинстве покинувших этот мир, заменили мои друзья и сослуживцы по Лесотехнической академии, для которых источниками информации о сельской жизни были книги и фильмы.

В 1970–1980-е годы гостями дома были более 30 человек.

Находясь в отпуске, я продолжал научную деятельность в родительском доме, совмещая ее с хозяйственными делами, следуя заветам В. Маяковского, «попашет, напишет стихи».

В холодной (летней) избе у меня стоял рабочий стол, заваленный книгами, бумагами и рукописями. Здесь же был выполнен перевод на русский язык учебника американского профессора В. Дьюра «Основы лесной экономики» (объем около 500 страниц), не имевший в то время никаких перспектив к изданию.

Перевод был сделан по просьбе моего научного руководителя при подготовке кандидатской диссертации, Тимофея Сергеевича Лобовикова, который с семьей также был гостем родительского дома накануне моей защиты докторской диссертации в 1973 году.

Большинство гостей составляли аспиранты и соискатели, совмещавшие получение научных консультаций с познанием «угасающей» сельской жизни. Наносить такие визиты не представляло труда: поездка на автомобиле в сухую летнюю погоду из Ленинграда до деревни занимала не более 8 часов. Организационные вопросы решались по телефону, который был установлен в доме еще в те времена, когда отец был бригадиром.

Дважды, зимой и летом, гостем дома был мой проверенный временем друг Юрий Юрьевич Туныца, ныне ректор Национального лесного университета в Украине. Программу его пребывания на Псковщине с посещением Пушкинских мест планирую подробно представить читателям во 2-й части эссе, где память воспроизведет на своих волнах отношения с людьми, которые сопровождали мою студенческую и творческую жизнь.

Дважды гостями дома были профессор Сельскохозяйственного университета в Грузии Теймураз Канделакки, лесные специалисты из Латвии и других регионов Советского Союза.

В летние месяцы и до поздней осени дом наполнялся радостями и энергетикой жизни, в остальное время он грустил вместе с хозяевами.

Дома не стало, нет в живых его бывших хозяев...

Память о доме сохраняют камень-валун ледникового происхождения, питающийся какой-то внутренней энергией, поднимающей его из земли на поверхность, каштан, завезенный отцом при возвращении из госпиталя после ранения, и находящийся поблизости развесистый дуб, который, наверняка, помнит наши детские игры

Расставание с домом, 1987 г.

под покровом его ветвей. Хочется верить, что этому дубу уготована миссия быть хранителем памяти о земле, деревне и ее жителях.

Свидание с камнем-валуном, 2008 г.

Дуб-хранитель памяти, 2008 г.

Глава 4. ШКОЛА

*«Только самые мудрые и самые глупые не поддаются обучению»
Конфуций*

Я любил ходить в школу, хотел получить как можно больше знаний и все сразу. В этом плане у меня было не так много единомышленников, судя по тому как многие знаменитости, представляя свою линию жизни на телевидении и в радиоэфире, отзываются о школе как о каком-то обременении, мешавшем заниматься более приятными делами (спортом, художественной самодеятельностью и другими).

Для нас, сельских ребят, в послевоенные годы только школа открывала неведомый мир, который сегодня, в век Интернета, доступен всем детям, начиная с дошкольного возраста, без каких-либо значительных усилий, нажатием кнопок на гаджетах*.

Во время моего детства в школу надо было ходить, буквально в физическом понимании этого слова, и ходить на большие расстояния, и в дождь, и снег, не получая при этом никаких дополнительных каникул из-за низких температур зимой. В первый класс я пошел «по возрасту» 1 сентября 1945 года в школу, которая находилась в соседней деревне, в трех километрах от дома. Здесь важно разъяснить употребление термина «по возрасту», означавшего, что школьное обучение началось, когда мне исполнилось семь лет. Дело в том, что в 1944 году сразу после окончания немецкой оккупации в школу пошли дети, которым исполнилось семь лет в 1941, 1942 и 1943 годах, то есть у которых война украла от одного до трех школьных лет.

Начальная школа размещалась в полуразрушенном здании бывшей церковно-приходской школы, которую закончил мой дед еще в XIX веке. От первого школьного дня у меня осталось любопытное воспоминание. В первые послевоенные годы деревенские дети все теплое время года, начиная с мая и по сентябрь включительно, ходили без обуви, с голыми ногами. Босиком я и пришел в школу. Меня посадили за парту рядом с таким же босоногим сверстником.

После занятий мы устроили шумное соревнование, предметом которого стали цыпки на босых ногах, определенные словарем русского языка как «мелкие трещинки, шершавость и краснота от хождения по грязи». Речь шла о том, у кого этих цыпок больше. Я не помню, кто из нас выиграл этот спор, но его участником оказался Борис Козлов, который стал моим другом до самой его кончины в 2015 году.

* Здесь необходимо упомянуть еще один источник информации о жизнеустройстве за пределами нашей деревни. Эту информацию нам, сельским ребятам, доставляли наши сверстники из Ленинграда, которых привозили на лето в деревню к родственникам для «откорма». Предводителем приезжих был Гарик, старше нас лет на пять, который научил нас играть в футбол, волейбол и шахматы.

Им даже была разработана программа нашего полового воспитания, которой не суждено было сбыться только по причине, что ее автор попал под уголовное преследование в Ленинграде.

Мы вместе окончили школу, получили высшее экономическое лесное образование, учились в аспирантуре и долгое время работали в Ленинградской лесотехнической академии.

Набор школьных принадлежностей был ограничен: он включал тетради, карандаши, перьевую ручку, чернильницу-невыливайку. Моя мать умудрилась сделать мне тетради из трофейных (немецких) бумажных мешков, в которых хранились и перевозились сыпучие строительные материалы.

В школе были помещения только для размещения двух классов, переполненных учениками. Печное отопление в зимнее время не создавало нормальных условий для ведения занятий. Все мы сидели за партами в верхней одежде. Но самые большие проблемы возникали не в школе, а по дороге в школу и обратно.

В первые послевоенные годы большую опасность представляли своры собак, утративших по разным причинам хозяев, затаивших на людей злобу, проявлявшуюся в агрессивном поведении, особенно в период «свадебных» гуляний. Последствием встречи с такой многочисленной собачьей сворой (более 50 особей) стало усиление легкого заикания, приобретенного в военные годы (глава 1), избавиться от которого удалось только длительное время спустя, уже будучи преподавателем.

Наряду с бродячими собаками, большую опасность для нас, малолетних ребят, представляли пригнанные в наш район в результате военных действий волки и лисы. Хорошо, что ходить в школу в соседнюю деревню пришлось недолго, всего два с половиной года.

Уже на третьем году обучения я сидел за партой во вновь построенной школе в нашей деревне. Школу построили за счет средств колхоза «Звягино», получившего название по имени деревни, которая в то время занимала в районе лидирующие позиции по главным показателям: выполнение плана по государственным поставкам сельхозпродукции, урожайность зерновых, льна, картофеля, надой молока.

С инициативой строительства школы выступила жительница деревни Любовь Александровна. Она была настоящим сподвижником школьного образования, посвятила этому нелегкому даже по существующим условиям делу всю свою жизнь. В моем аттестате зрелости есть и ее подпись в качестве заведующей учебной частью уже Жадрицкой средней школы.

Забота о деревенской школе была приоритетным направлением деятельности колхоза при единодушной поддержке его правления. Школу посещали дети многодетных бедных (а порой голодающих) семей из соседних колхозов. За счет средств колхоза этим ученикам предоставлялись бесплатный завтрак, в меню которого входили хлеб и сладкий чай. Для детей, у которых в домашних условиях хлеб заменялся лепешками из крапивы и мерзлого картофеля, хлеб с сахаром были лакомством.

Судьба школы, где были четыре классных комнаты и кабинет (учительская), типична для большинства сельских школ в Псковской области. Отток молодежи из деревень, о чем было сказано во 2-й главе, привел к закрытию школы в конце 1960-х годов. Полному разрушению здания школы предшествовала его передача для проживания многодетной цыганской семье. Смена приоритетов в развитии уклада деревенской жизни стала очевидной.

Полное среднее образование я получил уже в Жадрицкой школе. Простая арифметика показывает, во что обошлось мне получение этого образования. За шесть лет обучения в Жадрицкой школе мною пройден путь (в школу и обратно) чуть меньше половины длины окружности Земли по экватору (40 075 км) с суммарной затратой времени на дорогу более 7 тысяч часов.

Обучение в школе было в две смены из-за большого количества учеников, родившихся в годы, предшествовавшие войне. Старшие классы даже имели литеры «А» и «Б». Мне повезло, все шесть лет я учился в первой смене, с началом занятий в 8 утра. В бытовом плане это означало, что меня будили в 5 утра из расчета одного часа на завтрак (заботы бабушки), сборы и получение наставлений.

Наш дом стоял на окраине деревни, что возлагало на меня ответственность возглавлять сбор всех школьников, обучавшихся в первую смену, подавая сигналы на выход при подходе к дому. Сигналы различались в зависимости от того, кому они адресовались.

Перед домом, где жила девочка, исполнялись веселые частушки с намеком на особенности личности, приглашаемой на выход. В большинстве случаев сигналом на выход был стук в дверь или освещенное окно. Собранная таким образом ватага мальчишек и девчонок начинала движение в сторону школы (около 5 километров), которое постоянно сопровождалось шумными забавами (приколами в существующих терминах). Такими забавами были игра в снежки, катание с горок на пятой точке, разные розыгрыши.

В половодье, когда речушку можно было перейти только по узкому деревянному мостику, для девчонок устраивалась «таможня» с предъявлением в качестве паспорта озорной частушки.

Постоянной темой для обсуждения в процессе ходьбы были прочитанные книги и увиденные кинофильмы, которые раз в неделю обязательно демонстрировались в колхозном клубе. Я не помню, чтобы в наших отношениях по дороге в школу и обратно были какие-то конфликты и жалобы.

Учеба в школе давалась мне не только легко, но и доставляла удовольствие. В послеурочное время я не только выполнял домашние задания, но, используя учебники, в обязательном порядке заглядывал в содержание того раздела, который был темой следующего урока. Это давало мне не только возможность задавать учителю «квалифицированные» вопросы, но и иногда выступать в роли ассистента.

Такие ситуации возникали на уроках геометрии, где учителем был выпускник Псковского педагогического института Иван Евдокимович, который приглашал меня к доске поучаствовать в доказательстве той или иной теоремы. Это был очень умный, но от природы застенчивый человек, испытывавший психологические трудности в общении с не всегда «благодарной аудиторией». Иван Евдокимович до конца жизни был предан сельской школе, женился на моей однокласснице Тамаре Ивановой, в доме которой он квартировал, будучи учителем. Тамара Дмитриевна также закончила Псковский педагогический институт и долгое время была завучем в Новоржевской средней школе.

Половина учителей были молодыми специалистами – на 90 процентов выпускниками педагогических институтов, расположенных за пределами Псковской об-

ласти. Направленные по распределению, не имевшие жилья, учителя, как правило, не задерживались в нашей школе после обязательной 3-летней отработки. Романтические истории подобно той, которая представлена в фильме «Дело было в Пенькове», с влюбленностью приезжих учительниц в сельских парней с харизмой артиста Тихонова, мне не известны.

Мои юношеские симпатии принадлежали учительнице химии и биологии Марии Владимировне (на фото крайняя слева), которая, будучи классным руководителем, рассказывала нам о своей совсем недавней студенческой жизни и о планах поступления в аспирантуру по возвращению домой в Пензу.

Не знаю, удалось ли Марии Владимировне реализовать свою мечту, но слова «аспирант» и «наука» я впервые услышал от нее.

Память о себе оставил учитель русского языка и литературы Иван Вячеславович, который на первом уроке представил себя как преподаватель «русской словесности». До встречи на уроке я познакомился с ним в нашем доме, где он был гостем в качестве очередного мужа двоюродной тетки. В разговоре выяснилось, что до переезда в деревню Иван Вячеславович работал доцентом на кафедре русского языка (словесности) в Ленинградском государственном университете. Свою квалификацию вузовского преподавателя Иван Вячеславович продемонстрировал на первых уроках, представляя поэзию русских классиков – Жуковского, Пушкина и Лермонтова. Чтение наизусть стихотворений и поэм названных авторов было сродни театральной постановке, особенно в сравнении с уроками, на которых учителя разговаривали с нами исключительно языком учебников.

За короткое время, не только для меня, но и для большинства учеников, уроки «русской словесности» стали самыми любимыми, особенно с учетом того, что, следуя вузовской практике, Иван Вячеславович не проводил поурочную оценку полученных знаний.

Иван Вячеславович предложил издавать школьный литературный журнал (альманах), где каждый из нас мог «попробовать» себя в качестве поэта или писателя. Это предложение было реализовано уже после увольнения учителя. Бесшменным секретарем журнала была Вера Березовская.

Карьеру Ивана Вячеславовича как сельского учителя сгубила «национальная» болезнь, а проявилась она при очень забавных обстоятельствах. В условиях ограниченности школьных помещений одна комната служила одновременно и учительской, и методическим кабинетом, где хранились учебные пособия, приборы, химические реактивы, географические карты. На уроках анатомии учебным пособием был макет скелета человека, который приносил к началу урока дежурный по классу. Помню, как, замещая дежурного, эту миссию решил выполнить Иван Вячеславович, войдя в класс в большом подпитии. Вместо макета он разложил на столе его отдельные элементы (руки, ноги и т.п.), сопровождая демонстрацию нецензурными стихами со ссылкой на А. С. Пушкина.

Вскоре после увольнения из школы Иван Вячеславович умер, замерзнув пьяным на дороге. Даже короткий срок преподавания «русской словесности» учителем-профессионалом зародил во мне желание стать журналистом, иными словами ту мечту, которой не суждено было сбыться.

8 «А» класс. Сидят – учителя. Я – четвертый слева

В школьном образовании того времени отсутствовали предметы общественно-политической направленности, воспитывающие у учащихся патриотизм или любовь к родине. Такую ситуацию можно объяснить тем, что государство в условиях железного занавеса было спокойно за судьбу молодого поколения, огражденного от тлетворного влияния других, кроме коммунистической, идеологий. Идеологическое образование обеспечивалось одним предметом «Конституция СССР», учителем которого был директор школы Васильев Василий Васильевич, или «Васька в кубе», как мы его уважительно называли за пределами школьных помещений.

Значительно позднее, уже будучи аспирантом, я оценил пользу изучения в школе таких предметов, как «логика» и «психология», занятия по которым, к сожалению, проводили учителя, не имевшие соответствующей квалификации.

В школе была проблема с изучением иностранного языка. Сам по себе выбор немецкого языка в качестве иностранного выглядел странно, учитывая сохранившуюся и у населения, и у нас, школьников, память о немецкой оккупации. В отсутствие по распределению выпускников институтов иностранных языков администрация школы пригласила на вакантную должность Людмилу Яковлевну, выпускницу Новоржевской средней школы, естественно, не имевшую никакого педагогического опыта.

Уроки немецкого языка, когда возраст Людмилы Яковлевны лишь незначительно превышал возраст учащихся в старших классах, как правило, превращались в беседы на темы, далекие от познания языка Гете и Шиллера. Именно отсутствие необходимого багажа знаний по немецкому языку оказало большое влияние на дальнейшее формирование моей линии жизни.

При поступлении в Ленинградскую лесотехническую академию мною был сделан выбор в пользу английского языка, начав его изучение с «нулевой отметки», учитывая тот факт, что на этой же отметке были и знания немецкого языка.

Большое место в школьной жизни занимали внеклассные мероприятия. Наряду с изданием рукописного литературного журнала, большое признание, как в школе, так и за ее пределами, получила деятельность кружка художественной самодеятельности. Руководителем этого кружка, его «душой» была моя одноклассница Валентина Пореченкова, родная тетя известного артиста МХАТ и кино Михаила Пореченкова. Валентина не стала артисткой, она окончила Институт культуры в Ленинграде, работала там же в организациях по выбранной специальности, похоронена она на Новоржевском кладбище.

Особую популярность получили театральные водевили по рассказам А. П. Чехова, где Валентина играла главные роли. Мое участие в самодеятельности сводилось к чтению стихов В. Маяковского, в поэзию которого я был по-юношески влюблен не за содержание, а за ритмику в исполнении. Сейчас меня часто спрашивают, почему выбор пал на поэзию Маяковского, а не на стихи С. Есенина. К сожалению, это были годы, когда поэзия и литературные произведения многих поэтов и писателей были под запретом, эту участь разделил и Сергей Есенин. Со школьными театральными постановками мы часто выступали в колхозных клубах, где нам всегда оказывался теплый прием.

Художественная самодеятельность стала основой сотрудничества двух средних школ в районе: нашей и Новоржевской. Первую поездку к нам совершили «самодеятельные артисты» Новоржевской школы: было и коллективное чаепитие, и танцы под гармонь, и прочие традиционные для сельской жизни забавы. В то время все мы были романтиками и соревновались в мечтах о будущем.

Аналогичной была программа нашего посещения Новоржевской школы с той лишь разницей, что гостеприимные хозяева предоставили нам ночлег, разместив в квартирах и домах сверстников. Дело в том, что наша школа не располагала транспортными средствами, а поэтому утром нас ждал пеший маршрут на расстояние 20 километров...

Нельзя не упомянуть здесь о нашем посещении мест, связанных с именем Александра Сергеевича Пушкина (могила поэта, дом-музей «Михайловское»). В то время еще не существовало организованного экскурсионного обслуживания для учащихся школ, да и многие объекты посещения пребывали в разрушенном войной состоянии.

Весной 1954 года мы, ученики 9 класса, совершили пеший поход к могиле А. С. Пушкина с ночевкой в лесу под деревьями, недалеко от той поляны, где проходят хорошо известные по кадрам телевидения народные гуляния, посвященные дню рождения поэта 7 июня.

Составной частью школьной жизни было наше участие в сельскохозяйственных работах, главной из которых была уборка картофеля на полях соседних колхозов. И на этой работе был какой-то азарт реального соревнования, позднее на комсомольских стройках замененный материальными стимулами (зарабатыванием денег). Вознаграждением за выполненную работу была кружка молока с колхозной фермы с краюхой черного хлеба. Именно работа на колхозном поле привила

Я – справа, Валентина Пореченкова – слева

мне любовь к сырому молоку, заменившему молоко, топленое в глиняном горшке в русской печи, с корочкой, которое по-моему заказу всегда готовила бабушка.

В девятом классе нас освободили на две недели от занятий, чтобы оказать помощь отстающему колхозу в уборке урожая с проживанием в отдаленных от дома деревнях.

И семья, и школа делали все возможное, чтобы привить нам, сельским ребятам, любовь к крестьянскому труду, любовь к земле. И сегодня обремененный делами на своих шести сотках на дачном участке я с благодарностью вспоминаю школьное детство.

Учеба в школе привила мне любовь к чтению. Школа по разным причинам не могла удовлетворить возрастающие потребности в знаниях. В условиях, когда в деревнях не было радио и телевидения, чтение книг становилось основным источником получения востребованных знаний и информации. Но на этом направлении возникали необъяснимые, исходя из существующих условий жизни людей, объективные затруднения, обусловленные не дефицитом книг, а возможностями их чтения при надлежащем освещении.

Летом, когда день был длинный, таких ограничений не было. Но приходила зима с длинными, темными вечерами, когда освещение в доме обеспечивали керосиновые лампы, а на улице – фонари с романтическим названием «Летучая мышь». Конечно, использование керосина для освещения было значительным прогрессом в сравнении со временем А. С. Пушкина, когда эту миссию в крестьянских домах выполняла лучина. Но беда была в том, что в послевоенные годы керосин вместе с солью и спичками входил в группу остро дефицитных продуктов. Керосин экономили, снимая с горелки стекло, что резко снижало освещение.

В доме были две керосиновые лампы, при свете одной мать коротала зимние вечера, сидя за прялкой или за вязанием. Мне разрешалось для чтения пользоваться другой лампой, без стекла, называемой коптилкой, от которой копоти было больше, чем освещения. Читал книги, лежа на печи, где стимулом был доступ к припрятанному мамой сахару, кусочки которого, с ее согласия, были бесценным лакомством, в какой-то степени компенсировавшим недостаток освещения.

В летнее время интенсивность чтения возрастала. В саду под яблоней около камня-валуна было оборудовано специальное место, позволявшее совмещать чтение книг с наблюдением за роением пчел. В сельской библиотеке я был поставлен на приоритетное обслуживание, мне предлагались все книжные новинки, включая литературные журналы. Когда «опустели» библиотечные полки с книгами, рекомендованными школьной программой, очередь дошла до классической отечественной и зарубежной литературы (И. С. Тургенев, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, Э. Золя, Г. Мопассан, В. Гюго и другие). Под влиянием моды того времени я вел дневник, который содержал своего рода аннотации к прочитанным книгам и увиденным кинофильмам. Дневник я долго хранил, но, к сожалению, его постигла участь литературных произведений, авторы которых в периоды душевной ломки избавляются от свидетельств прошлого.

Аттестат зрелости и серебряную медаль, которые засвидетельствовали получение среднего образования, я получил в июне 1955 года. Наш выпуск в истории

школы был вторым. Впереди было еще три выпуска, и школа изменила свой статус, перейдя на семилетнее обучение. В этом «усеченном» статусе школа работала 5 лет. Затем классы были перебазированы в другой населенный пункт, заняв освободившееся после закрытия детского дома здание. Это здание предоставляло возможность для временного проживания детей из удаленных деревень.

По состоянию на 2017 год в деревне Жадрицы работает начальная школа с общим количеством учащихся 8–10 детей, из которых половина – цыганские дети, отбывающие в школе учебную повинность.

В Жадрицах нет клуба, библиотеки, есть магазин, почтовое отделение и отделение Сбербанка.

Вырос, состарился и исчез школьный сад, для которого мы, школьники, привозили на велосипедах саженцы плодовых деревьев из Пушкиногорья. Территорию сада заняли высокоствольные березы и осины. В мелколесье, где мы собирали малину и орехи, местные жители видели медведя. Он оказался сладкоежкой, какими не были мы, обделенные войной дети. Природа не любит пустоты...

Глава 5. ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ И ПРОЛЕТАРИЙ: УРОКИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА

*«Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных...»*

Н. А. Некрасов

Стихотворение «Свобода»

Тема сельского жизнеустройства не имеет прямого отношения к моей биографии или, как сейчас принято говорить, к линии жизни. Я эту проблему воспринимал и воспринимаю только со стороны, не будучи непосредственно вовлеченным в ее решение. Даже наблюдая со стороны, я стал свидетелем революционного процесса, изменившего сельское жизнеустройство, основанное на любви к земле и уважении труда земледельца.

Система земельных отношений, созданная Столыпинскими реформами накануне Первой мировой войны, была разрушена коллективизацией в 1930-х годах.

Для меня олицетворением земельных отношений на базе частной собственности был приусадебный участок в 50 соток, которым владели мои родители. В политическом плане приусадебный участок не был частной собственностью, как не было частной собственностью и подворье с сельскохозяйственными животными, количество и состав которых постоянно регламентировались государством: нельзя, например, было содержать на крестьянских подворьях лошадей, поскольку последние, будучи средствами производства, создавали возможность для эксплуатации наемного труда.

Большой и неисправимый урон производству сельскохозяйственной продукции нанесла кампания по освобождению крестьян от личного подворья, проведенная Н. С. Хрущевым в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Несмотря на отсутствие поддержки государства и даже на его вмешательство, крестьяне на пятидесяти сотках огорода и на личном подворье творили чудеса, обеспечивая свои семьи картофелем, овощами, молочными продуктами, яйцами, мясом домашних животных и птиц. И что очень важно, эти чудеса делались за пределами рабочего времени, которое в обязательном порядке без выходных и отпусков принадлежало государству через работу в колхозе за трудодни.

Когда мне на лекциях и практических занятиях по политэкономии старательно доказывали, какими пороками обладает частная собственность на землю и на другие средства производства, у меня перед глазами всегда стояла картина, когда утром по деревенской улице на выпас шли два стада коров: колхозное и из личных подворий. Разница в пользу коров из личных подворий была не только в размере вымени, определявшем суточные надои молока, но и во внешнем виде, когда неухоженность колхозных коров была слишком заметной. Именно эти картины, знакомые с раннего детства, зародили во мне сомнения в правоте идей марксизма-ленинизма по отношению к частной собственности на землю.

Даже пятьдесят соток огорода в условиях личной, а не частной, собственности обеспечивали единение земледельца с землей, когда последний был даже не собственником, а только временным хозяином. И удивительно, что эта истина долгое время находилась за пределами понимания советского государственного и партийного руководства бывшего Советского Союза. И только потрясший все основы политической системы экономический и структурный кризис конца 1980-х и начала 1990-х годов привел к пониманию необходимости провести земельную реформу, приблизив земледельца к земле.

К сожалению, эта реформа стала развиваться по направлениям с игнорированием зарубежного опыта. В этом плане поразительны опыт Китая и мудрость его руководства в лице Дэн Сяо Пина, где в конце 1970-х годов перед реальной угрозой голода в стране с миллиардным населением отказались от общественных форм ведения сельского хозяйства и передали землю крестьянам в пожизненное наследуемое владение.

Так был достигнут компромисс между политикой и экономикой. При сохранении руководящей роли коммунистической партии Китая осуществил переход к частной собственности на землю через пожизненное наследуемое владение. Как следствие сытыми оказались не только волки, но и овцы, то есть миллиардное население страны.

В течение долгого времени я был свидетелем того, как в системе колхозного жизнеустройства у крестьян убивали любовь к земле. Первое время эта любовь поддерживалась страхом и принуждением, когда колхозники были в «крепостных сетях», у которых даже не было Юрьева дня с правом выхода из колхоза. Рабочий день в колхозе не был нормирован, он начинался с восходом солнца и заканчивался с его закатом.

Дневной перерыв на 2–3 часа в основном использовался не для отдыха, а для выполнения домашних дел, в первую очередь относящихся к личному подворью (дойка коровы, кормление животных и птицы).

В послевоенные годы развитию колхозного производства, равно как и других отраслей, способствовал энтузиазм людей, которые хотели как можно скорее забыть ужасы и тяготы военных лет, избавиться от страха возвращения голода. Но это был не тот лубочный энтузиазм, который демонстрировал фильм «Кубанские казаки», кстати, пользовавшийся большим успехом у сельских жителей. Как же хотелось деревенским бабам-вдовам, не разгибавшим спины при жатве серпом, помочь главной героине в исполнении Марины Ладыниной устроить ее личную жизнь.

Эффективность колхозного производства в условиях тотального администрирования во многом определялась личностью председателя. Как уже было сказано раньше, колхозу «Звягино» в послевоенные годы повезло с председателем. Натуральная оплата колхозников возрастала с каждым годом. До сих пор незабываемыми для меня остаются вкус и запах льняного масла домашнего приготовления из семян, которые были получены при оплате трудодней. Все мои попытки купить во времена существующего «изобилия» сельскохозяйственных продуктов масло такого качества оказались безуспешными.

Вместо того чтобы передать опыт организации колхозного производства, поддержать его на государственном уровне, к колхозу «Звягино» присоединили два отстоящих соседних хозяйства, по сути, являвшихся банкротами в терминах рыночной экономики.

Такого рода административные реорганизации колхозного производства привели к утрате материальных стимулов к эффективному труду, что ускорило процесс пролетаризации сельского жизнеустройства. Ускорителем данного процесса стало директивное вмешательство государства в развитие сельского хозяйства введением в севообороты колхозов «южных» культур (подсолнечника, кукурузы), заменявших традиционные высокоурожайные культуры (рожь, овес, горох).

Авантюрой выглядела механизация животноводческих ферм с введением машиной дойки коров и ручным удалением навоза в отвалы. Выполняли эти работы на ферме колхоза «Звягино» женщины пенсионного возраста. Содержание буренок в теплых хлевах, как это делается на личных подворьях, было заменено пребыванием последних в неотапливаемых помещениях с цементными полами при минусовой температуре зимой.

При посещении фермы я стал свидетелем душераздирающей картины, когда скотницы на веревках поднимали животное, которое примерзло к цементному полу.

В Псковской области советская система колхозного жизнеустройства оставила о себе памятники, представленные типовыми водонапорными сооружениями, обслуживавшими механизированные животноводческие фермы. Колхозных ферм почти не осталось, а высокие железобетонные башни облюбовали аисты для устройства своих гнездовий. Только вдоль автомобильной дороги, соединяющей Великие Луки с Новоржевом, мы с женой весной этого года насчитали более 20 гнезд аистов, обладатели которых выражают признательность жителям области увеличением своего потомства. В этой связи хотелось бы порекомендовать руководству области ввести изображение аиста на водонапорной башне в областную геральдику.

В 1980-х годах финансовой основой жизнеустройства сельского населения стали пенсии, размер которых был достаточен, чтобы отказаться от производства сельскохозяйственной продукции на личных подворьях, заменив ее продукцией, покупаемой в магазинах, там, где можно было купить. Ликвидации крестьянских подворий способствовало бездорожье, делавшее затруднительным доставку излишков молока к пунктам его переработки. В Новоржеве в 1990-е годы был закрыт маслозавод, осуществлявший прямые поставки в Ленинград масла и других молочных продуктов.

Индикатором пролетаризации сельского жизнеустройства стал и изменившийся за последние годы режим работы колхозников. Рабочее время, границы которого измерялись раньше восходом и закатом солнца, сузились до 7–8 часов, включая летнюю страду. Результатом советской системы сельского жизнеустройства стало превращение Псковской области в безлюдную территорию (глава 2) с депрессивной экономикой. Большую часть территории области занимают выведенные из оборота и заросшие кустарником бывшие сельскохозяйственные земли. Возродить жизнь на опустевшей земле могут только люди. Главный вопрос – какие

инструменты для заселения территорий должно использовать государство: кнут (принуждение) или пряник (экономическая свобода)?

На ум приходит исторический опыт колонизации территорий на американском Диком Западе в XVIII веке, когда переселенцы, получив экономическую свободу, превратили безлюдные плодородные земли в житницу Америки.

Ковбойский путь использования экономической свободы в развитии сельского хозяйства вряд ли приемлем в условиях постиндустриального развития экономики. Опыт реализации в сельском хозяйстве рыночных отношений предлагает две формы сельского жизнеустройства:

- ✓ сельское жизнеустройство на базе крупных интегрированных агрофирм в районах Черноземья с огромными площадями полей, теплым климатом, высокой плотностью сельского населения и с сохранившимися в памяти традициями общинного землепользования, носителем которых является казачество;

- ✓ сельское жизнеустройство на базе фермерских хозяйств, использующих лоскутные сельскохозяйственные земли, расположенные в окружении лесов, кустарников, озер, болот и других неудобий.

Историческая память сохранила традиции эффективного ведения на таких землях сельского хозяйства частными земледельцами в системе хуторов, формирующих и сейчас пейзаж сельской местности в скандинавских и прибалтийских странах. Когда путешествуешь по этим странам на автомобиле или по железной дороге, направо и налево видишь заботливо ухоженные земельные участки, пройденные мелиоративными канавами и дорогами сезонного или круглогодичного действия. Фермерские хозяйства в Скандинавии и Прибалтике, в соседних с Псковской областью странах, не только кормят продукцией сельского хозяйства своих граждан, но и располагают большими возможностями для экспорта экологически чистых продуктов на внешние рынки.

При формировании сельского жизнеустройства на базе частного землеустройства нельзя оставить без внимания вопрос, что делать с молодым лесом, который «оккупировал» бывшие сельскохозяйственные земли на огромных площадях? Этот вопрос волнует меня как профессионала, отдавшего более 50 лет служению лесной науке и лесному образованию. Вариантов здесь немного: самое простое решение – провести мелиоративные работы на заросших молодым лесом землях, вырубить деревья со сжиганием биомассы или ее длительным гниением в отвалах, выкорчевать пни и тем самым вернуть землю в сельскохозяйственный оборот.

С таким подходом к возрождению сельскохозяйственных земель мне пришлось столкнуться в студенческие годы, когда после окончания второго курса я был мобилизован в строительный отряд, задачей которого была мелиорация заросших кустарниками сельскохозяйственных земель на Карельском перешейке, недалеко от Выборга в Ленинградской области. Когда-то, до советско-финской войны 1939–1940 годов, эти земли были житницей Финляндии. Нам, студентам, тогда было трудно понять смысл проводимых мероприятий по возрождению сельского хозяйства на заброшенных землях. Мы делали норму, получали за это очень небольшие деньги и верили в светлое будущее. Через 20 лет по служебным делам

я оказался в этом районе. Породный состав подлеска не изменился, но полнота его и высота деревьев стали больше.

Есть и другой подход к тому, как распорядиться землей, «оккупированной» подлеском и кустарниками. Мне хочется предложить руководству Псковской области, чтобы оно обратилось с законодательной инициативой к федеральным органам исполнительной власти по проведению эксперимента по созданию фермерских лесов. Суть эксперимента проста. Сельскохозяйственные фермеры или физические лица, желающие стать фермерами, приобретают в аренду участки бывших сельскохозяйственных земель, покрытые молодым лесом на следующих условиях. Арендатор (фермер) в соответствии с договором проводит на участке лесохозяйственные мероприятия, обеспечивающие достижение лесом установленных стандартов качества (породный состав, полнота, запас на 1 га и т.п.). Акт приемки органами государственной власти ухоженного леса в соответствии с договором аренды будет означать передачу лесного участка в частную собственность. Дальнейшее управление частным лесным участком будет осуществляться в соответствии с лесным законодательством при балансе интересов его владельца и государства.

Отдаю себе отчет, что мое предложение, даже будучи реализованным, не изменит быстро и радикально пейзаж обезлюдивших сельских территорий. Но, как говорят мудрые: любая дорога начинается с первого шага. Хочется верить, что у меня будут сторонники перемен в сельском жизнеустройстве из числа тех, для кого Псковская область навсегда останется малой большой Родиной...

Часть II. УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ

*«К молодым людям нельзя относиться свысока.
Очень может быть, что повзрослев, они станут
выдающимися мужами.
Только тот, кто ничего не достиг, дожив до
сорока и пятидесяти лет, не заслуживает уважения»
Конфуций*

Глава 6. Я – СТУДЕНТ

*«Образование – это то, что остается после
того, как забывается все выученное в школе»
А. Эйнштейн*

Золотая и серебряная медали вместе с аттестатом зрелости в 1950-х годах открывали двери для получения высшего образования во многие институты. При этом существовал перечень высших учебных заведений, где обладатели золотой или серебряной медали проходили дополнительные испытания, сдавая вступительный экзамен по профильной для вуза дисциплине. Это обстоятельство сделало исполнение моей школьной мечты – стать журналистом – несбыточным.

В Ленинграде журналистское образование в то время можно было получить только в Ленинградском государственном университете, который проводил конкурсный отбор выпускников школ – медалистов по результатам написания ими сочинений по русскому языку и литературе.

Мои «дальние» родственники, имевшие отношение к высшему образованию, убедили меня в бесперспективности участвовать в конкурсе, где количество участников превышало десять человек на место. Ситуация осложнялась и тем, что в случае «провала» на вступительных экзаменах для меня, уроженца семьи «колхозных крепостных», а следовательно, не имевшего паспорта, оставался только один выход – вернуться домой.

При поиске высших учебных заведений, где была не только гарантия зачисления в студенты при наличии медали, но и предоставлялось общежитие, возникли другие «политические» ограничения, обусловленные моей биографией.

Представление биографии в форме анкеты было обязательным условием поступления на работу или учебу в любое образовательное учреждение. В анкетах того времени был обязательный вопрос: «Были ли Вы или Ваши родственники во время войны под оккупацией?» Для меня, прожившего под немецкой оккупацией более трех лет, ответ на поставленный вопрос был очевиден: «Да, был и родственники были». Такой ответ закрывал дорогу для поступления в институты, относив-

шиеся к категории «режимных». Я убедился в этом, когда упомянутые выше родственники привели меня для сдачи документов в Технологический институт имени Ленсовета, где мне в случае зачисления в студенты было обещано определенное «кураторство».

Названные выше ограничения заметно сокращали мои возможности стать студентом, несмотря на большое количество высших учебных заведений в Ленинграде.

Время торопило, срок выданной справки, дававшей право на легальное временное проживание в Ленинграде, истекал. Дело решил случай...

Мой одноклассник Борис Козлов, окончивший школу, как и я, с серебряной медалью, также пребывал в состоянии поиска будущей профессиональной карьеры, не имея каких-либо осознанных предпочтений. Это было неудивительно, так как нашей профессиональной ориентацией никто не занимался: ни школа, ни семья, далекая от понимания целей высшего образования. Само собой разумеелось, что выходцы из семей «колхозных крепостных» будут продолжать семейные династии.

Я встретился с Борисом в июле на Выборгской стороне, где он проживал временно у родственников. Проходя по Лесному проспекту, наше внимание привлек парк, посещение которого привело нас к двухэтажному белому зданию с вывеской «Лесотехническая академия имени С. М. Кирова». Решение было принято без обсуждения: зайдём, узнаём, чем академия отличается от института, каких специалистов готовит, каковы условия приема, есть ли общежитие. Ни я, ни Борис до этого времени не знали о существовании академии и не планировали получать высшее лесное образование, хотя в голодные послевоенные годы дары леса (грибы, ягоды, орехи) помогали нам выживать.

Приемная комиссия размещалась на втором этаже. Члены комиссии агитировали посетителей за выбор факультетов, и соответственно, будущей специальности.

У меня нет объяснений, почему жребий пал на инженерно-экономический факультет. Вряд ли наше решение исходило из будущих дивидендов экономического образования, так как в то время данная специальность не была приоритетной по сравнению с получением инженерных (технических) специальностей. Работа экономиста в лучшем случае ассоциировалась с должностями бухгалтера или счетовода, которые, судя по фильмам, всегда были ретроgrадами, мешавшими техническому прогрессу или административным новациям.

В тот день мы были далеки от размышлений о будущем, прошли собеседование, сдали документы, получили справку о гарантированном зачислении в студенты, дававшую право на получение паспорта.

Читающим сегодня это биографическое эссе не понять, какие мытарства ожидали меня на малой родине при обмене выданной справки на «серпастый, молоткастый» паспорт, который делал меня, бывшего колхозника, гражданином Советского Союза.

Студенческая жизнь началась с заселения в общежитие, которое размещалось в деревянном здании на Старопарголовском проспекте (ныне проспект Мориса Тореза). Тогда это была городская окраина, а сам проспект представлял собой просе-

лочную грунтовую дорогу, с обеих сторон которой высажены белые акации. Общежитие не имело городских удобств: отапливалось дровами, отсутствовали горячая вода и система канализации. Для меня, как сельского жителя, это обусловило плавный переход от сельского колхозного жизнеустройства к городской цивилизации.

Я заселился в общежитие за неделю до начала занятий и сразу оценил преимущество быть первым при получении доступа к дефицитным благам*. Дело в том, что количество малонаселенных комнат с четырьмя или пятью койко-местами в общежитии было ограничено: преобладали комнаты, где было десять и больше койко-мест. Получив ордер на заселение в четырехместную комнату на первом этаже с видом из окна на заброшенный сад, я познакомился со своим будущим конкурником и соседом по койке, который представился как «студент Татарков» – с ударением на втором слоге. Студент Татарков предстал передо мной в соломенной шляпе и одежде, которые выдавали его возраст и не крестьянское происхождение: он был старше нас, вчерашних школьников, на десять лет.

Разница в возрасте не мешала нам в повседневном общении называть его Иваном и только в определенных ситуациях – Иваном Петровичем. Его биография долгое время оставалась для нас тайной. Иван Петрович избегал разговоров на эту тему, предпочитая отшучиваться фразой: «Служил Советскому Союзу». В его поведении на бытовом уровне наблюдалось много непонятных нам странностей, которые получили объяснение уже за пределами студенческой жизни: Иван Петрович рассказал о своей службе в Советской армии на территории бывшей ГДР и полученной там контузии при подавлении вооруженного восстания в Берлине в 1953 году.

Не зная об этом, мы, сокурсники, объясняли

*На практике в Лисинском лесхозе, 1957 г.
Стоят: в центре Гуан Ли-Жень,
справа Иван Татарков
Сидят: слева второй Чжен Ю-Цзинь,
справа второй – Борис Козлов*

* В дальнейшем мне этот опыт помогал много раз.

странности Ивана Петровича исключительно его возрастом и жизненным опытом. У нас, как соседей по комнате, так и большинства студентов на курсе, Иван Петрович имел заслуженный авторитет, он оказывал консультации по вопросам повседневной жизни: покупка одежды в магазинах, посещение танцевальных площадок, знакомство с девушками. До сих пор в памяти сохранились советы Ивана Петровича по выбору особ женского пола для знакомства, критерием отбора которого для зимнего времени были цены головного убора и верхней одежды.

Думаю, что в подсознании такой подход к принятию решений оказал влияние на становление моей любви к рыночной экономике, которая стала основой моей профессиональной деятельности в науке и образовании.

Другими соседями по комнате стали Борис Козлов (по моей просьбе) и Леонид Клешев, выпускник школы города Сасово Рязанской области. С поселением Леонида в комнате появились аккордеон и большие настольные шахматы. Каждый вечер в нашей комнате звучали чардаш Монти и полонез Огинского – любимые музыкальные произведения Леонида, ставшие на время нашей учебы визитными музыкальными карточками художественной самодеятельности факультета. Перед отходом ко сну в комнате воцарялась тишина: Леонид, будучи мастером спорта по шахматам, решал шахматные этюды, готовясь к шахматным соревнованиям и поединкам, в числе которых были его встречи с будущим чемпионом мира по шахматам Борисом Спасским.

Мое пребывание в общежитии без городских удобств длилось один год и было своего рода «карантином» перед заселением в благоустроенное общежитие по улице Новосельцевской (позднее переименованной в Новороссийскую).

Количество проживавших в комнате увеличилось на одного человека, и состав стал международным: к нам на «воспитание» поселили студента из Китайской Народной Республики – Гуан Ли-Женя. Это было время расцвета советско-китайской дружбы: землячество китайских студентов и аспирантов в академии насчитывало около ста человек. Ли-Жень был сыном министра в правительстве Гоминдане до его свержения Мао Цзэдуном, получил на родине высококлассное разностороннее образование, включая такие области, как живопись и музыка. Имея хорошие вокальные данные и в совершенстве владея русским языком, Ли-Жень стал признанным исполнителем оперных арий русских композиторов, причем самой любимой была ария Ленского из оперы «Евгений Онегин». Пророческими для дальнейшей судьбы Ли-Женя оказались следующие слова из арии: «Придешь ли ты, о дева красоты, слезу пролить над ранней урной». Но об этом позднее... Эту арию можно было часто слышать в утренние часы в исполнении Ли-Женя, находившегося в туалетной комнате. Дуэт аккордеона (Леонид) и вокала (Ли-Жень) сделали нашу комнату музыкальным центром общежития, собиравшим большое число слушателей.

Я не случайно уделяю столь большое внимание студенческой жизни за пределами учебных аудиторий, так как большая часть воспоминаний связана именно с отношениями между нами, студентами, вне учебного процесса.

Учебный процесс в те времена был жестко регламентирован администрацией, но при этом для нас он был мотивирован стремлением получить знания. Я не по-

мню, чтобы среди моих сокурсников, особенно соседей по общежитию, когда-либо возникало желание не посещать занятия без уважительной причины, в основном это происходило по медицинским показаниям.

Учебный процесс после окончания аудиторных занятий перемещался либо в читальные залы при библиотеке, либо в комнаты общежития, где мы готовились к семинарам, выполняли контрольные и курсовые работы. Отстающими среди нас были только двое: Иван Петрович и Серафим Хохрин, которые стали студентами с десятилетним перерывом между школьной и вузовской подготовкой. Все прикроватные тумбочки были завалены учебной литературой, рекомендованной для внеаудиторных занятий. Я не помню, чтобы в моем окружении было форсированное авральное постижение знаний перед экзаменационными сессиями, которое считается обязательным атрибутом студенческой жизни, нашедшим свое выражение в словах песни: «От сессии до сессии живут студенты весело». Мы жили весело, но делали это не в ущерб получаемым знаниям.

Мы, студенты 1950–1960-х годов, учились не ради получения дипломов, а ради того, чтобы иметь профессию и служить общественным интересам. Сейчас это звучит громко и наивно, а тогда было правдой. Все предусмотренные учебным планом подготовки инженера-экономиста лесной промышленности и лесного хозяйства зачеты и экзамены были мной не только сданы на «отлично», но и досрочно. Это продлевало длительность зимних и летних каникул, которые я проводил на малой родине – в родительском доме.

В академии преподавание всех дисциплин осуществлялось на высоком профессиональном уровне. Однако наибольший интерес на первых курсах у меня вызывали общеобразовательные и инженерные (технические) дисциплины. Я не задумывался тогда, как, наверно, и все другие сокурсники, о практическом применении таких дисциплин, как математический анализ с дифференциальным и интегральным исчислениями, теория вероятности, сопротивление материалов и другие. И только значительно позднее, когда мне предоставилась возможность, находясь на стажировке за рубежом, изучать рыночную экономику, мне открылись неведомые ранее методы маржинального анализа производственных функций с дифференцированием, чтобы обосновать принятие эффективных хозяйственных решений. И сейчас, когда Правительство Российской Федерации принимает постановление о совершенствовании исполнения органами государственной власти контрольно-надзорных функций на базе риск-ориентированных моделей, у меня в памяти всплывают формулы из учебной дисциплины «Теория вероятности», описывающие вероятностное распределение событий, которыми являются проверки.

Качество преподавания инженерных дисциплин во многом определялось профессионализмом преподавателей, большинство из них имели ученые звания и степени и являлись авторами/соавторами учебников и учебных пособий.

Помню, как я получил на втором курсе высокую оценку на практических занятиях по технической механике от лектора – приглашенного профессора из Политехнического института. Эта оценка выразилась в приглашении меня в аспирантуру по техническим специальностям на кафедре Политехнического института, что в то время никак не входило в мои планы.

Профильное лесное и экономическое образование, в отличие от современного, было практико-ориентированным. В учебном плане много времени отводилось учебным и производственным практикам. Каждая из практик давала большое количество незабываемых историй из области человеческих отношений, к сожалению, не сохранившихся в полноте всех красок ни в памяти, ни на фотографиях*. В памяти остались только названия практик и места их проведения:

- ✓ учебная практика по геодезической съемке местности – после первого курса (Охтинский лесхоз);
- ✓ учебная практика по лесоводству и лесной таксации – после второго курса (Лисинский учебно-опытный лесхоз);
- ✓ учебная практика по технологии лесозаготовок после третьего курса (Лодейнопольский леспромхоз);
- ✓ производственно-экономическая практика, включая нормирование труда, – после четвертого курса (Шуйско-Виданский леспромхоз в Карелии).

При оценке учебного процесса того времени нельзя не упомянуть его техническое оснащение применительно к дисциплинам экономического цикла. На практических занятиях по бухгалтерскому учету, где надо было производить большое количество вычислений, единственным счетным устройством были канцелярские счеты. Признаюсь, мне не удалось достигнуть при пользовании счетами той фантастической скорости получения результатов при сложении, вычитании, умножении и делении, которую демонстрировали бухгалтеры с большим стажем работы. Более поздним достижением в области вычислений стали арифмометры, создававшие больше шума, чем получение результатов. Незаменимым счетным устройством была логарифмическая линейка.

Разочарования в содержании учебного процесса, а отсюда и сомнения в правильности выбора будущей профессии, появились у меня на втором курсе при изучении дисциплин общественно-политического цикла, куда входили:

- ✓ история ВКП(б), позднее ставшая «историей КПСС»;
- ✓ политэкономия;
- ✓ диалектический и исторический материализм, позднее трансформированный в «философию социализма».

История ВКП(б) в условиях отсутствия альтернативных источников получения информации воспринималась мной, как любая история, – без обсуждения, на веру, как религия. На семинарских занятиях и экзаменах от студентов требовалось не только воспроизвести по памяти события, их даты и участников, но и выразить солидарность с позицией партии и правительства. В качестве учебника использовалось издание 1945 года «История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс». Для меня чтение этой книги на ночь было сродни сновторному: 2–3 прочитанных страницы гарантировали погружение в крепкий и здоровый сон.

* Увлечение фотографией пришло ко мне в поздние годы, когда в целях изучения передового опыта, как вести лесное хозяйство, объехал «всю вселенную».

Совсем другое отношение было к учебной дисциплине «Политэкономия», изучение которой обещало получение знаний, необходимых для будущей профессии.

В соответствии с учебным планом на экономическом факультете политэкономии изучали на первых двух курсах с большим количеством практических занятий (семинаров).

На первом курсе объектом изучения была политэкономия, формировавшая экономические отношения при капитализме. На целый год моей настольной книгой стал «Капитал» К. Маркса. Обязательным требованием преподавателей при подготовке к семинарам было реферирование студентами глав и разделов этой книги и других трудов классиков марксизма-ленинизма.

Современный студент вряд ли может оценить смысл и технологию реферирования как трудоемкого процесса с использованием бумаги и ручки, требовавшей в то время постоянной заправки чернилами. Сейчас, уже с позиции учителя, я убежден, что мы, студенты, делали очень полезную работу, реферировав большое количество публикаций. Реферирование текста в сравнении с его прочтением на бумаге или на электронных носителях дает возможность «задуматься» и сделать собственные выводы с критической оценкой прочитанного.

После изучения «Капитала» политэкономия предстала передо мной как дисциплина, сформировавшая марксизм как «единственно верное учение» (В. И. Ленин). Выводы К. Маркса применительно к экономическим отношениям капитализма того времени (XIX век) были для меня и остаются сейчас убедительными: они доказательны с применением логических схем и даже математических формул. Было понятно, почему общественный строй, при котором обогащение одних людей происходит за счет эксплуатации других, не имеет исторической перспективы и должен быть заменен другим. Неизбежно возникал вопрос – каким? Прямого ответа на этот вопрос ни «Капитал», ни другие работы К. Маркса не давали.

Для автора «Капитала» будущий общественный строй так и остался «призраком коммунизма», который долго бродил по миру, затем по стечению многих обстоятельств забрел в Россию, где надолго остановился, а затем сменил место жительства на Советский Союз. Новый общественный строй получил название «социализм», превратившийся перед уходом в историю в «развитой социализм».

Та политэкономия, которую я изучал на втором курсе, и была призвана обслуживать экономические отношения при социализме. В отличие от первой части «Политэкономии» ее вторая часть была построена на декларативных положениях, заставлявших меня верить всему без приведения каких-либо доказательств. Я понимал, что многие выдвигаемые теоретические постулаты вступали в противоречие с тем, что происходило в повседневной жизни людей.

Политэкономия социализма не могла ответить на следующие вопросы:

✓ почему при союзе рабочего класса и крестьянства, декларированного национальным гербом и скульптурой В. Мухиной «Рабочий и колхозница», столь разные условия труда и жизни в деревне и городе?

✓ почему коровы из личного подворья дают в сутки 15–20 литров молока, а буренки из колхозного стада 5–10 литров?

✓ почему в стране с изобилием природных ресурсов существует дефицит товаров народного потребления?

Ни на лекциях, ни на семинарах я не получал убедительных ответов ни на эти, ни на другие «экономические» вопросы. Отсутствие дискуссии накладывало определенный отпечаток на ведение занятий по политэкономии: они становились скучными, а порой обременительными, чего не было при изучении технических дисциплин. Как следствие неудовлетворенности преподаванием общественно-политических дисциплин, у меня стали возникать сомнения в отношении правильности выбора своей будущей «экономической» профессии.

Я делился этими сомнениями с сокурсниками, один из которых на втором курсе перешел на лесоинженерный факультет. Созревало решение уйти из академии и перевестись в другой институт, где выпускники получали более престижные профессии. Я отправил письмо в Горный институт с просьбой зачислить меня переводом на геологический факультет, благо состояние здоровья позволяло мне «карабкаться по каменистым тропам», которыми К. Маркс охарактеризовал научную карьеру (эпиграф к главе 8). Согласие на перевод было получено при условии досдачи зачетов и экзаменов по предметам, отсутствовавшим в учебном плане экономического факультета. Переход не состоялся: то ли не хватило решительности, то ли поддался уговорам факультетской администрации.

И сейчас, по прошествии многих лет, я благодарен судьбе, которая оставила меня студентом академии, связав линию жизни со служением экономической науке и лесному образованию.

Мое разочарование в экономике как инструменте политики сменилось на интерес к экономике как основе будущей профессии. Начало этих перемен было положено изучением предмета «Экономика лесной промышленности», лекции по которому читал Тимофей Сергеевич Лобовиков, заведующий кафедрой. Тогда он не был ни профессором, ни доктором наук, но имел, работая директором крупнейшего проектного института «Гипролестранс», большой опыт в организации, планировании и проектировании лесной промышленности. Лекции Тимофея Сергеевича подкупали манерой и логикой изложения, умением управлять вниманием аудитории через какое-то неведомое телепатическое воздействие. Мы, студенты, становились участниками хорошо срежиссированного театрального спектакля. После таких лекций «экономика» в сравнении с «политэкономией» стала оживать в конкретных понятиях, терминах, показателях, которые можно было определять, анализировать, а следовательно, делать выводы.

Развитию экономического мышления способствовал и созданный при кафедре кружок, вовлекавший студентов в научно-исследовательскую работу. До сих пор храню мою первую исследовательскую работу «Влияние концентрации лесозаготовительного производства на формирование накладных расходов» с оценкой «отлично», поставленной Тимофеем Сергеевичем. Именно эту работу я рассматриваю как первый шаг в научной карьере. Мое активное участие в студенческой научной деятельности высоко оценил Тимофей Сергеевич, пригласив после окончания обучения поступить в очную аспирантуру. Но тут судьба подготовила мне развилку, где надо было делать выбор по аналогии с богатырями на одноименной картине В. М. Васнецова.

Инженерно-экономический факультет получил директиву: срочно сформировать из числа хорошо успевающих студентов 5 курса мужского пола целевую группу с последующим трудоустройством в структурах Всесоюзного объединения «Экспортлес». Агитировал нас за переход в эту группу сам управляющий Ленинградской конторой П. Б. Маргулис, обещая при этом длительные зарубежные командировки в торговые представительства СССР за рубежом.

В 1960-е годы при «железном занавесе» передо мной возникла перспектива выезда за границу, и я согласился войти в целевую группу. В течение четырех месяцев мы прошли обучение по дополнительной программе «Организация экспорта лесопродукции» и получили задание на выполнение дипломной работы по экономике экспорта круглого леса. В 1950–1960-е годы, когда не были открыты месторождения нефти и газа в Западной Сибири, экспорт лесопродукции обеспечивал поступление в страну основной доли свободно конвертируемой валюты при отсутствии каких-либо запретительных мер на поставку круглого леса. Это обстоятельство делало будущую работу в системе внешней торговли перспективной, а в случае получения зарубежных командировок – даже престижной.

Таким образом, к завершению обучения в академии я подходил с надеждой «поймать журавля в небе...»

Студент 3-го курса Лесотехнической академии. Около учебного здания, 1958 г.

До принятия этого решения сделаем паузу и остановимся на других событиях студенческой жизни, которые были за пределами учебных аудиторий и общежития. Именно эти события наиболее рельефно сохранились на волнах памяти.

Большой пласт времени в студенческой жизни был отдан укреплению сельского хозяйства. Обременение студентов сельскохозяйственными работами в 1950-е годы происходило в течение года дважды:

- ✓ осенью – за счет учебного времени – на уборке картофеля и овощей в близлежащих совхозах;
- ✓ летом – за счет времени каникул – на заготовке кормов и мелиоративных работах.

В те годы комсомольско-молодежное движение стройотрядов отсутствовало. Его заменяли принудительно выполняемые сельскохозяйственные работы без денежной оплаты. Расскажу о двух эпизодах моего участия в сельскохозяйственных работах.

Эпизод первый – в сентябре 1955 года: уборка кукурузы на опытном участке в районе известной ленинградцам (ныне петербуржцам) дачи Бенуа. Сейчас это район городской застройки к северу от проспекта Науки. Я стал героем киножурнала «Ленинградская кинохроника», где оператор сделал кадры, в которых мы, студенты, были использованы в качестве индикаторов для оценки высоты стеблей выращенной кукурузы, являвшейся символом аграрных реформ при Н. С. Хрущеве. На кадрах киножурнала высота стеблей кукурузы с початками превышала наш рост. Как же я гордился, увидев себя впервые в жизни на киноэкране.

Эпизод второй – летом после окончания первого курса: заготовка и уборка кормов в Лодейнопольском районе Ленинградской области. Здесь произошло событие, обеспечившее единение мужской и женской половины нашей группы. Дело было так... Для проживания нам предоставили пустовавшую деревенскую избу, лишенную какой-либо мебели и всяких удобств. Женская и мужская половины избы, где на полу лежали спальные принадлежности (матрацы, белье), были разделены только занавесками из простыней.

Бесконфликтное пребывание нас – юношей и девушек – в названных условиях длилось вплоть до отъезда, который решено было отпраздновать в студенческих традициях.

Вокально-танцевальная программа вечера прошла весело с музыкальным сопровождением аккордеона. Конфликт возник утром, когда Иван Колосов решил устроить утреннюю побудку женской половины, окропив спящих особ не водой, а растительным маслом, хранившимся в соседнем с водой ведре. Картина, когда наши девушки предстали с гигиеническими масками на лице из растительного масла, для меня незабываема. Она была не только красочной, но и сопровождалась таким количеством нелитературных выражений, которые я никогда не слышал от представительниц женского пола.

Надо было срочно гасить возникший конфликт. Было принято решение перенести отъезд на следующий день и повторить программу художественной самодеятельности прошедшего вечера. И здесь роль Леонида Клешева была бесценной.

Ему пришлось не расставаться с аккордеоном весь вечер, выполняя все музыкальные заявки. Леонид обладал удивительным свойством быстро пьянеть, но это обстоятельство не снижало его возможности играть на аккордеоне. Делал он это в полусне, с закрытыми глазами, будучи пристегнутым ремнем к стулу, чтобы не упасть. На других увеселительных мероприятиях, проводимых на Новосельцевской улице, по которой в то время не ходили троллейбусы, Леонида обычно привязывали к деревянному забору.

К ночи конфликт был не только улажен, но и достигнута договоренность: предстоявшие сельскохозяйственные повинности отбывать только группой.

От художественной самодеятельности на сельхозработах перейду к той важнейшей составляющей студенческой жизни, которая оставила наиболее красочные картины в недрах памяти, подобно солнечным бликам на ее волнах.

Для выявления талантов в художественной самодеятельности ежегодно проводились курсовые (на факультете) и факультетские (в академии) смотры. Наш курс занимал здесь лидирующие позиции. Постоянными артистами были Леонид (аккордеон), Ли-Жень, Олег Харитонов, Клава Антюхина, Тоня Титомир (солисты). Мое участие в самодеятельности при отсутствии вокальных данных сводилось к исполнению роли ведущего концертов и чтению стихов, в числе которых особым признанием пользовалось стихотворение В. Маяковского «Красавицы» с текстом, необычным для поэта:

*«В смокинг вштопорен,
побрит что надо.*

*По гранд по опере гуляю
грандом.*

*Смотрю в антракте –
красавка на красавице.*

*Размяк характер – всё
мне нравится».*

Смотры художественной самодеятельности проходили в актовом зале с последующими танцами в фойе под музыку радиолы и аккордеона.

Спортивная жизнь обогнала меня стороной. Не имея достижений ни в од-

*Второе учебное здание, 1957 г.
Слева Леонид Клешев, я – справа*

ном виде спорта, мое участие свелось только к занятиям физкультурой в установленные расписанием часы. Физоргом факультета был однокурсник Слава Орлов, для которого участие в спортивной и комсомольской жизни было приоритетным занятием, что сказалось на его карьере, пиком которой стала должность заведующего отделом пропаганды Астраханского обкома КПСС.

В 1950-е и 1960-е годы студенческая и комсомольская жизнь были неразделимы, как стороны одной монеты. Это единство выражалось не только во внешнем восприятии, но и по существу. Двигаясь по комсомольской лестнице, я прошел все ее ступени: на первом и втором курсах – комсорг группы, на третьем курсе – секретарь факультетского бюро, на четвертом и пятом курсах – секретарь факультетского бюро и член комитета комсомола академии.

Секретарем комитета комсомола академии во время моей учебы был студент лесохозяйственного факультета – Олег Максимович Попцов. У меня сложились с ним хорошие отношения: в семейном альбоме сохранилась фотография с моим участием в его «студенческой» свадьбе, которая проходила в столовой академии. Олег Максимович окончил академию в 1959 году. В дальнейшем он сделал большую политическую карьеру: секретарь Ленинградского обкома комсомола в 1960-е годы, председатель Всероссийской государственной телерадиокомпании в 1993–1996 годах, журналист, писатель, политический деятель.

Инициативы комсомольской организации академии в то время далеко выходили за ее пределы. Одной из таких инициатив, преданной гласности писателем В. А. Чивилихиным в повести «Шумы, тайга, шуми», было создание на Алтае силами выпускников академии природного заповедника «Кедроград», призванного спасти от рубки кедровые леса Сибири.

У меня оставался еще один год, когда произошли события, поставившие крест на моей комсомольской карьере.

В начале этой главы был сделан намек на пророческие слова в арии Ленского в исполнении Ли-Женья, в которых предсказывался трагический исход любви к «деве красоты». Трагический исход Ли-Женью не грозил, но он был депортирован на родину – в Китай. Ли-Жень, будучи интеллектуально одаренным и внешне интересным «юношей во цвете лет», постоянно находился в состоянии влюбленности в сокурсниц, а их было больше сотни. Помню, как он раскладывал на столе в общежитии пачку сыанс из подаренных ему объектами влюбленности фотографий, комментируя достоинства и недостатки каждой.

К началу пятого курса, когда состояние влюбленности уже стало переходить в любовь, Ли-Жень был готов обратиться с просьбой в посольство для получения разрешения на брак с русской девушкой, а затем получить советское гражданство. Будучи сыном министра, он догадывался, что его ждало по возвращению домой, где уже начиналась культурная революция. Намерения Ли-Женья стали известны руководству китайского землячества студентов и аспирантов и, как результат, были приняты соответствующие меры.

В один из дней в октябре 1959 года Ли-Жень под конвоем китайских граждан после трехчасовых сборов был препровожден на Московский вокзал с последующей депортацией на родину через Москву. При расставании с нами в общежитии,

с глазами, полными слез, и трясущимися губами Ли-Жень повторял: «Помогите. Здесь какая-то ошибка. Обратитесь в наше посольство».

Провожали Ли-Женя на вокзал около 20 сокурсников, которых удалось проинформировать, но только я и Леонид тут же приступили к действиям, чтобы выполнить просьбу нашего товарища. В адрес китайского посольства тут же ушла телеграмма с просьбой исправить ошибку с выдворением из академии студента-отличника.

Телеграмма была подписана мной – членом комитета комсомола академии и Леонидом – членом факультетского бюро. Результат воздействия отправленной телеграммы был незамедлительный: в судьбе Ли-Женя ничего не изменилось, а меня и Леонида уже на следующий день, в понедельник, обязали явиться в партийный комитет академии. Здесь нам «разъяснили» последствия нашего вмешательства в дела другого государства, возглавляемого «верным ленинцем Мао Цзэдуном». Как следствие – на заседании комитета комсомола мне и Леониду были объявлены строгие выговоры с занесением в учетную карточку с вердиктом «за политическую незрелость».

Перед окончанием учебы выговор был снят. Будучи «политически незрелым», я окончил Лесотехническую академию с красным дипломом и оценкой «отлично» по всем предметам учебного плана.

За время обучения я был в течение двух курсов «кировским» стипендиатом, а в течение последнего – «ленинским» стипендиатом. Сейчас, по прошествии столь длительного времени, я искренне признателен профессорско-преподавательскому составу академии не только за полученные знания, но и за ту атмосферу студенческой жизни, в которой мы жили пять лет.

Расставаясь со студенческой жизнью, не могу не сказать о том, как сложилась судьба однокурсников, чьи имена мной упомянуты.

Иван Петрович (студент Топорков), женившись на четвертом курсе на сотруднице фундаментальной библиотеки, переселился в частный двухэтажный дом с

*Выпускник,
инженер-экономист, 1960*

*Выпускники инженерно-экономического факультета 1960 г. через 25 лет.
Сидят: четвертая слева – Клава Антюхина, с ней рядом – Тимофей Сергеевич,
я – четвертый справа, Слава Орлов – второй справа*

садом и огородом в районе железнодорожной станции «Удельная». После окончания академии он работал на должностях по материально-техническому снабжению в организациях, не связанных с лесным делом. Болезнь, приобретенная в молодости, с годами усиливалась, последние годы жизни он провел в психиатрической клинике.

Депортированный из Советского Союза Ли-Жень во время культурной революции около десяти лет отбывал трудовую повинность в сельскохозяйственных коммунах. После «перевоспитания» был возвращен к образовательной деятельности, но не в Пекине, а в удаленной провинции Синьцзянь на границе с Казахстаном, где работал преподавателем в Сельскохозяйственном университете. В 1992–1993 годах при моей поддержке получил возможность приехать уже не в Советский Союз, а в Россию на десятимесячную стажировку, где встретился со многими сокурсниками. В 1993 году я встречался с ним в Пекине, куда он приехал при содействии нашего сокурсника Чжен Ю-Цзиня, работавшего в то время в Академии общественных наук Китая. О дальнейшей судьбе Ли-Женя мне неизвестно.

Леонид Клешев реализовал карьеру, обещанную нам – участникам целевой группы по внешнеторговой деятельности: отработал три года в Игарке, провел пять

лет в Лондоне в торгпредстве, продавая российские пиломатериалы. После возвращения из Англии получил должность председателя В/О «Экспортлес» в Ужгороде на Западной Украине, где вошел в конфликт с местными государственными и партийными властями. Переселился в Подмоскowie, защитил кандидатскую диссертацию по экономике и работал научным сотрудником в научно-исследовательском институте (ВНИИЛМ).

Борис Козлов, отработав три года по распределению в леспромхозе Пермской области, возвратился в Ленинград, поступил в аспирантуру, защитил диссертацию, стал доцентом и работал в этой должности до выхода на пенсию.

Птицы разлетелись, гнездо опустело...

*Пекин, 1993 г.
Слева – Чжен Ю-Цзинь,
справа – Гуан Ли-Жень, я – в центре*

Глава 7. ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ, ИЛИ РАЗВИЛКА СУДЬБЫ

«Судьба – это нам навязывают, а то, что получится, называется биографией»

М. Жванецкий

После окончания академии по распределению я получил должность товароведа в Ленинградской конторе Внешнеторгового объединения «Экспортлес». Это стало возможным только потому, что, будучи женатым, я имел «ленинградскую прописку», без которой трудоустроиться в Ленинграде было невозможно.

Контора подчинялась одному из главков Министерства внешней торговли СССР. Ее здание размещалось на территории лесного порта в бывшем Кировском районе. Основными видами деятельности были:

- ✓ контроль за поставками на экспорт лесоматериалов по железной дороге в страны Восточной и Западной Европы;
- ✓ оформление документации при поставке круглого леса и пиломатериалов судами из Ленинградского лесного порта.

В первом случае работу выполняли товароведы, для чего востребованными были только знания, приобретенные в академии при изучении дисциплины «Товароведение», а во втором случае – инструкторы, здесь требовалось владение английским языком, включая разговорный.

Контроль за поставками лесопродукции на экспорт по железной дороге состоял из подборки присланных по почте железнодорожных накладных с указанием номеров вагонов, товарных характеристик лесоматериалов (порода, размеры), их объема. Полученные данные нужно было заносить в специальные ведомости, подводить итоги, используя канцелярские счета, составлять претензионные письма для поставщиков в случае несвоевременной поставки или поставки лесоматериалов в другой, отличной от договора, спецификации. Моральное состояние человека, выполняющего монотонную, лишённую каких-либо творческих моментов работу, не требующую той квалификации, которая определена дипломом, блестяще передал один из героев фильма «Коллеги» по одноименному роману В. П. Аксенова. Этот герой, лечащий врач по образованию, был распределен в пароходство, где его ежедневной работой становилось заполнение ведомости по учету на судне насекомых – возбудителей болезней.

Вот такого рода «творческой» работой я занимался целый год, где светлыми пятнами, или солнечными бликами на серой глади повседневности, были командировки в леспромхозы, которые поставляли лесоматериалы на экспорт. В мою задачу входили выдача директивных распоряжений, устанавливавших приоритет экспортных поставок в сравнении с поставками лесоматериалов по фондам Лесосбыта*, и контроль за качеством круглого леса и пиломатериалов.

* В советской распределительной системе товаров отсутствовали прямые договоры между предприятиями. Предприятия получали материальные ресурсы только по специально выделенным фондам, которые устанавливали сбытовые организации (для лесных товаров – Лесосбыт).

Возникавшие в командировках неудобства (отсутствие гостиниц и низкое качество их услуг, ограничения при выборе комфортных условий при проезде в вагонах) компенсировались романтикой при познании нового, неизведанного, включая встречи с незнакомыми, в большинстве своем интересными людьми. Это были первые в моей жизни поездки по стране, и каждая из них оставила след в моей памяти.

Декабрь 1960 года... Поезд Ленинград – Воркута прибыл на железнодорожную станцию «Ухта». Ближайший автобус до леспромхоза только утром. В городских гостиницах мест нет. На улице мороз за минус 30 градусов. Перед тем как устроиться на ночлег на вокзале, а такой опыт у меня в студенческой жизни был, несколько раз коротая ночи на станции Сущево Октябрьской железной дороги при поездке на малую родину, взял билет в кино на последний сеанс в близлежащем кинотеатре. Соседнее место в ряду оказалось у миловидной девушки моего возраста, охотно поддержавшей разговор при выходе из кинотеатра. Как только девушка узнала, что я из Ленинграда, поддержанный разговор превратился в приглашение заночевать у нее в квартире, где она проживала с родителями – ссыльными переселенцами из города на Неве. Долгое время мы поддерживали отношения по переписке, оставшись друзьями.

Март 1961 года... Пермская область. После посещения трех леспромхозов стал гостем Бориса Козлова, который работал в одном из них экономистом по распределению. На встречу приехали двое сокурсников, работавших экономистами на лесозаготовительных участках в системе Министерства внутренних дел: Вениамин Чечуров, впоследствии дослужившийся до генеральского звания, и Геннадий Соловьев, сменивший службу в МВД на должность преподавателя в лесном техникуме.

Встреча в лесах Прикамья после недавнего расставания со студенческой жизнью была незабываемой: баня, обтирание снегом, картошка, грибы, селедка. О шашлыках как постоянном атрибуте, сопровождающем сегодня встречи друзей, мы тогда не знали.

Мое плохо скрываемое недовольство работой в должности товароведа привело к перемещению на другую должность – инструктора, что изменило не только содержание, но и режим работы. Ежедневное присутствие в конторе было заменено дежурством (сутки на работе, трое суток – выходные дни) по скользящему графику. Появилось свободное время, которое я посвятил изучению английского языка, включая обучение на курсах, специально организованных Министерством внешней торговли для сотрудников организаций, находившихся в его подчинении. Обучение языку на этих курсах было более профессиональным, а самое главное, более технологичным по сравнению с Лесотехнической академией.

Мой опыт изучения иностранных языков (позднее – норвежского и даже испанского) показал, что главным условием успеха является наличие так называемого «словарного запаса».

Словарный запас я пополнял ежедневно чтением газеты «Moscow News» (других газет на английском языке не было), и главное – запоминанием английских слов или выражений в установленной норме. На бумажных карточках я записывал 15–20 слов и выражений. Пасьянс из этих карточек становился объектом запоми-

нения при поездках в городском транспорте на работу, языковые курсы и по другим делам.

Растущий словарный запас активизировался, находил практическое применение в общении с командой зарубежных судов, увозивших за границу наши лесоматериалы. Моей главной обязанностью в должности инструктора было оформление документов, подтверждавших объем и качество погруженных на борт лесоматериалов. Применительно к пиломатериалам, а это был главный экспортный товар, в документах указывались:

- ✓ реквизиты контракта;
- ✓ порода и размер досок;
- ✓ географическое происхождение досок;
- ✓ наличие пороков, разрешенных контрактом.

Документы, оформленные на английском языке, производились в большом количестве специалистами лесного порта. Качество моей работы оценивалось не только объемом подготовленной документации, но и своевременной ее доставкой на борт судна и подписанием капитаном. Лесной порт получал финансовый бонус в твердой конвертируемой валюте за досрочный уход судна с грузом. Если сроки

*Друзья – выпускники в Пермской области, 1961 г.
Слева – Вениамин Чечуров, в центре – Борис Козлов, справа – Геннадий Соловьев*

погрузки товара и оформления документов превышали установленные контрактом, на лесной порт накладывались штрафные санкции в той же валюте. Процедуры доставки документов на борт судна, их подписание регламентировались компетентными органами и строго контролировались. Режим посещения судов в порту был аналогичен режиму пересечения границы с иностранным государством.

Я – как лицо, уполномоченное внешнеторговой организацией, – вел переговоры с капитаном судна, которые завершались подписанием грузовых документов – коносаментов.

Согласно установленным правилам поведения не запрещалось, а даже поощрялось принимать знаки гостеприимства со стороны хозяев судна: выпить кофе, алкоголь, принимать подарки в виде блока сигарет и бутылки со спиртным. Было одно обстоятельство: при отказе от приема алкоголя и употребления сигарет на борту подарки на вынос, как правило, не предлагались.

С алкоголем не было проблем: я не имел противопоказаний выпить рюмку другую на борту. Что касалось сигарет, то мне, как человеку, никогда не курившему, но заинтересованному в получении в подарок блока «заморских» сигарет, приходилось проявлять артистические способности для превращения в заядлого курильщика. В результате этих «нехитрых» действий я стал обладателем коллекции импортного алкоголя (виски, джин, коньяк) и американских сигарет, которые можно было видеть только в магазинах «Березка», где товары продавались за конвертируемую валюту.

Увеличивая словарный запас и приобретая опыт разговорного английского, я понимал, что теряю полученные в академии экономические знания, а по сути – квалификацию. Выход был найден.

Режим работы с суточным дежурством позволял иметь дополнительную работу, на которой были бы востребованы экономические знания и которая давала бы дополнительный заработок, не лишней в семейной жизни при должностном окладе 110 рублей в месяц. Поиски такой работы завершились быстро и успешно: я стал преподавателем с почасовой оплатой по предмету «Организация и планирование производства в машиностроении» в промышленно-экономическом техникуме, который размещался на улице Герцена. Таким образом, превращение меня из ученика в учителя состоялось в сентябре 1962 года, задолго до избрания ассистентом кафедры экономики в академии.

Моя преподавательская карьера стала развиваться стремительно: более того предоставилась возможность преподавать экономические и общественные дисциплины на английском языке.

При Всесоюзном производственном объединении «Светлана» был создан «Радиополитехникум» с самой совершенной по тем временам материально-технической базой. В техникуме впервые в отечественной практике организации среднего профессионального образования было открыто отделение, на базе которого осуществлялась подготовка специалистов по программам с обучением на английском языке по всем предметам, за исключением общественных дисциплин, русского языка и физкультуры. Такое «новационное» решение было обусловлено возрастающей потребностью в специалистах, способных мониторить новейшие достижения

в области радиотехники и электроники за рубежом, реферируя иностранную литературу.

В сентябре 1963 года я стал преподавать в техникуме «Экономическую географию» на английском языке, а на следующий год – «Экономику, организацию и планирование радиотехнического производства». Преподавание географии не вызвало особых трудностей ни в плане содержания (имелись школьные учебники), ни в плане представления материалов на английском (карты помогали). Более сложным делом оказалось преподавание экономической дисциплины, где много времени уходило на подготовку так называемых «поурочных» планов в соответствии с требованиями нормативных документов по среднему профессиональному образованию. Аналогия со школьным обучением была полная: на каждом уроке – опрос учащихся, выставление оценок, представление нового материала и домашних заданий. Радовало одно обстоятельство: все учащиеся имели отличную школьную подготовку, включая языковую. Юноши и девушки, обучаемые на так называемом «иностранном» отделении, будучи выпускниками специализированных школ, считали себя элитой, для которой после окончания учебы будут открыты все двери при поступлении в престижные технические вузы Ленинграда.

За довольно длительный период преподавания в техникуме, которое прекратилось при назначении на должность проректора в 1977 году, мной были подготовлены и изданы на английском языке учебное пособие по планированию, а также методические материалы по проведению практических занятий. Даже мое годовое отсутствие, вызванное стажировкой в Норвегии, не стало основанием для прекращения педагогической деятельности, которую я любил и в которой присутствовала особая атмосфера отношений между учителем и учениками, отличная от высшей школы. Именно эта атмосфера оставила много воспоминаний в виде личных историй, сентиментальных и забавных.

У истоков этих историй была организация учебного процесса, при которой преподавание велось на английском языке, а контроль за его качеством, т.е. за моим профессиональным уровнем, – на русском. Контроль осуществлялся учителями-предметниками, не знавшими английского языка, при отсутствии синхронного перевода. Моя задача была ответами учащихся продемонстрировать их хорошие знания предмета, а следовательно, подтвердить мою квалификацию преподавателя.

Долгое время так все и происходило, но однажды случилось незапланированное. Отличница Н., в знаниях которой я не сомневался, очень невразумительно (на английском!) отвечала на мои вопросы. Пришлось спасать ситуацию, заменяя плохой ответ оживленно управляемой мною дискуссией, и в результате поставить ей оценку «отлично». В перерыве я высказал Н. свою неудовлетворенность ее ответом (на русском!), который не заслуживал оценки «отлично». Ответ Н. (на английском) был искренен: «Вы не могли мне поставить плохую оценку, я же вам нравлюсь». Какие действия в этом случае мог предпринять учитель в возрасте до 30 лет, услышав такие сентиментальные, но честные слова?

Много раз в контрольных работах я получал тексты переводов на английский язык некоторых объяснений в любви из письма Татьяны Онегину. Наказания не следовали.

Мое учительство в Радиополитехникуме радовало «душу», совершенствовало английский язык, приносило доход в семейный бюджет, но журавль в небе в виде зарубежной командировки по внешнеторговым делам оставался за горизонтом. Продолжалось будничное исполнение должностных обязанностей инструктора в соответствии со строгими правилами режимного учреждения, где любое «творчество» не только не приветствовалось, но и наказывалось.

Перспективы карьерного роста были только в постоянных обещаниях руководителя конторы отправить в зарубежную командировку. Назывались Лондон, Будапешт и даже экзотическая Новая Зеландия. Журавль с туманным Альбионом и живописным Дунаем так ни разу не появился на горизонте. Надо было искать синицу на родной земле. Судьба приготовила развилку, как она это сделает еще много раз в будущем.

Глава 8. ПО ЛЕСТНИЦЕ ВВЕРХ

*«В науке нет широкой столбовой дороги,
и только тот может достигнуть
ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости,
карабкается по ее каменистым тропам»*

К. Маркс

В ноябре 1963 года я поступил в очную аспирантуру на кафедре экономики лесной промышленности и лесного хозяйства Лесотехнической академии. Это решение было принято после долгих раздумий по результатам встречи с заведующим кафедрой Тимофеем Сергеевичем Лобовиковым, на которой он задал мне вопрос о том, знаю ли я значение иностранного слова «аспирант». Пришлось признаться, что я никогда не задумывался над этим словом, рассматривая обучение в аспирантуре лишь как продление вузовской подготовки еще на три года. Оказалось, что слово «*aspirantis*» в переводе с латинского означает «человек стремящийся» достигнуть поставленную цель. Приведенное выше определение аспирантуры соответствовало пониманию науки, которое представлено высказыванием К. Маркса в эпиграфе к данной главе.

Признаюсь честно, давая согласие на поступление в аспирантуру, я не представлял круг моих прав и обязанностей в течение ближайших трех лет. Был удивлен, когда узнал, что обучение в очной аспирантуре является самостоятельной работой, выполняемой по индивидуальному плану, не предполагавшему ежедневное посещение кафедры. В то время аспирантура в вузах была эксклюзивной, даже престижной формой подготовки учебно-педагогических и научных кадров с отбором через конкурсы тех соискателей, которые к моменту поступления уже доказали свою «предрасположенность» к научной деятельности либо публикациями, либо стажем работы в научных организациях. Массовый приток выпускников вузов в аспирантуру произошел значительно позднее, когда я уже работал проректором по научной работе, отвечая за выполнение государственного плана по выпуску аспирантов с защитой ими диссертаций в установленные сроки.

При поступлении в аспирантуру я смог представить в виде «аванса» только неплохое знание английского языка, что тогда было редкостью в научном сообществе, лишенном какой-либо связи с внешним миром. Этот аванс был оценен Тимофеем Сергеевичем, а позднее и отработан на все сто процентов.

Главным вопросом аспирантской подготовки стал выбор и обоснование темы будущего диссертационного исследования, а следовательно, того научного направления, по которому придется идти по «каменистой» дороге минимум три года.

Опять в мою линию жизни вмешался случай, придав ей вектор движения вверх по карьерной лестнице.

Совет Министров РСФСР в 1964 году принял постановление о создании в Лесотехнической академии проблемной экономической лаборатории по комплексному использованию низкосортной древесины и древесных отходов, руководителем ко-

торой был назначен Тимофей Сергеевич. Это было время, когда проблемные лаборатории создавались во многих институтах при наличии в них научных школ, что обеспечивало интеграцию науки с образованием, делая последнее высокопрофессиональным.

В академии, наряду с созданной экономической лабораторией, работало 7 проблемных лабораторий, выполнявших теоретические исследования в области химической переработки древесины, со штатной численностью научных сотрудников и обслуживающего персонала около 200 человек (без преподавателей, аспирантов и студентов).

Здесь уместно выразить сожаление, что высшей школой нашего времени безвозвратно утерян этот эффективный международно признанный опыт подготовки кадров при участии преподавателей и студентов в научных исследованиях. И здесь не важно, по какой причине это произошло: дефицит бюджетного финансирования высшей школы или смена приоритетов в образовании.

Проблемная экономическая лаборатория была малочисленной, но ее создание означало признание роли экономической науки в решении народно-хозяйственных задач, к числу которых директивные органы в 1960-х годах относили развитие высокими темпами отраслей по глубокой переработке древесины и, прежде всего, целлюлозно-бумажной промышленности. Для достижения такой амбициозной цели потребовалась информация о ресурсах древесного сырья, которые ранее не использовались совсем или использовались исключительно в энергетике. Речь шла о низкосортной лиственной древесине и древесных отходах, не учитываемых Госпланом СССР в балансе сырья ни на уровне страны в целом, ни в отдельных регионах.

Став руководителем проблемной лаборатории, Тимофей Сергеевич принял решение утвердить тему моей диссертации в рамках ее научного направления, которое предполагало разработку теоретических основ оценки экономической доступности ресурсов низкосортной древесины и отходов. В прикладном плане речь шла о создании нового экономического инструмента, позволяющего осуществлять текущее и перспективное планирование сырьевого обеспечения отраслей по глубокой переработке древесины.

В настоящее время в условиях рыночной экономики такой подход к планированию традиционен, но в то время любая попытка усовершенствовать директивное планирование таила в себе «политические» риски.

Конкретность поставленной задачи и осязаемость получаемых при ее решении результатов (номограммы, формулы, графики) сделали работу над диссертацией увлекательным, творческим процессом – сродни проведению экспериментов в технических науках. Получение новых знаний и закономерностей при решении задач, поставленных диссертацией, стало смыслом моей повседневной жизни, включая мои частые посещения родительского дома. Записная книжка и ручка стали обязательными атрибутами быта, сопровождавшими меня во всех поездках.

В работе над диссертацией я приобрел еще один бесценный опыт – выполнять исследование, руководя коллективом исполнителей, которыми стали штатные сотрудники лаборатории. Научное руководство означало подготовку технических за-

даний каждому исполнителю, включая задания по сбору и анализу статистических показателей во время командировок.

Честно признаюсь, успешному завершению аспирантуры с защитой диссертации в установленные сроки способствовало то, что мое исследование выполнялось в рамках плана научно-исследовательских работ проблемной лаборатории. Этот опыт, когда диссертация становилась составной частью выполняемых по хозяйственным договорам научных тем, я, по возможности, использовал при подготовке аспирантов и соискателей.

Сейчас, когда аспирантам предлагают издавать без внешнего рецензирования статьи в сборниках за их счет, трудно передать состояние гордости, которое я испытал, увидев результаты выполненной работы в специальном выпуске научных трудов 1967 г. «Определение экономической доступности ресурсов низкосортной древесины и древесных отходов лесозаготовок».

За время обучения в аспирантуре работа с научной литературой стала моим любимым занятием, отнимавшим много времени, но приносившим максимум удовлетворения. Вначале местом обогащения знаниями был читальный зал для научных работников фундаментальной библиотеки академии. Когда стало понятно, что книжные и журнальные фонды библиотеки не в состоянии удовлетворить мои запросы, моим рабочим местом стали залы Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, что на углу Невского проспекта и Садовой улицы.

Вспоминаю, как скоротечно проходили все дни, проведенные в «кладовой знаний» за чтением книг и журналов, их реферированием. Здесь я впервые увидел лесные журналы, изданные в Канаде и США. Это были технические журналы с высококачественной полиграфией, на страницах которых демонстрировались технологии, где машинами управляли довольные жизнью улыбающиеся люди, одетые в униформу. Все это напоминало какую-то сюрреалистичную картину, отличную от той, которая представляла лесозаготовки в кинофильме «Девчата». Как же мне тогда, перелистывая страницы журнала «Canadian Lumber Man», хотелось оказаться в Британской Колумбии в окружении счастливых людей, довольных своей профессией – заготавливать древесину, вырубая гигантские деревья (секвойи). К счастью, эта мечта сбылась, о чем будет рассказано в III части.

В технических журналах довольно часто попадались материалы, представлявшие информацию об экономической организации лесных отношений (оплата труда, цены, рентабельность), которые не свидетельствовали об эксплуатации пролетариев капиталом.

Вспоминая пребывание в читальных залах библиотек, хочется упрекнуть молодых начинающих научных работников, которые лишают себя удовольствия от непосредственного общения с литературой, заменив его получением информации через электронные гаджеты. Допускаю, что этот упрек в определенной мере субъективен и предопределен возрастом автора.

В ноябре 1966 года на ученом совете факультета я защитил диссертацию на тему «Принципы и методы оценки экономической доступности ресурсов низкосортной древесины и отходов» и через три месяца получил утверждение ВАК в степени кандидата экономических наук. На очереди стоял вопрос о трудоустройстве в

академии. Выбор был ограничен двумя вариантами: получить должность научного сотрудника или перейти на педагогическую работу.

К сожалению, в штатном расписании проблемной экономической лаборатории отсутствовали должности, требовавшие высокой квалификации и наличия ученой степени кандидата наук. Пришлось, занимая в течение полугода должность младшего научного сотрудника лаборатории с окладом 105 рублей в месяц, встать в очередь для избрания на должность ассистента. Такая очередь была реальностью...

В то время преподавательская работа в институте была весьма престижной, с учетом режима работы с необязательным ежедневным присутствием на кафедре и заработной платы при наличии ученой степени и ученого звания. Однако существовал конкурс с очень жесткими критериями отбора претендентов, одним из которых был стаж педагогической работы в высшей школе (мое преподавание в техникумах в стаж не включалось).

И здесь опять подвернулся случай: меня пригласили читать лекции на отделении повышения квалификации руководящих работников и специалистов предприятий лесной промышленности. Дело в том, что 1960-е годы вошли в историю СССР под брендом экономических реформ А. Н. Косыгина, который занимал пост председателя правительства СССР. Реформы были первой (уже запоздалой!) попыткой модернизировать экономические отношения, не меняя при этом политической системы. «На бумаге» реформы выглядели радикально: предприятия получали определенную экономическую самостоятельность, из «политического изгнания» была возвращена прибыль вместе с ее производными.

Главным препятствием на пути практической реализации реформ А. Н. Косыгина стала неподготовленность руководящих кадров к пониманию конечных целей реформирования экономики и принятию экономически обоснованных хозяйственных решений. Последовала правительственная директива: создать во всех институтах отделения повышения квалификации кадров и провести в течение года их обучение по утвержденным отраслевыми министерствами программам.

Так как реформы были в сфере экономики, вся ответственность за повышение квалификации кадров была возложена на кафедры инженерно-экономического факультета. Преподаватели-ветераны, воспринимавшие экономику исключительно в духе марксистско-ленинского учения, отказались читать лекции, содержавшие призыв модернизировать экономику, отступив от постулатов политэкономии социализма. Как следствие на кафедре экономики лесной промышленности весь груз этой работы с ежедневными занятиями обрушился на меня в должности младшего научного сотрудника.

Именно обучение «взрослых» в начале педагогической деятельности дало мне бесценный опыт чтения лекций в форме диалога, в постоянном общении с аудиторией, не прибегая при этом к прочтению конспектов или учебников. Аудитория «взрослых», состоявшая из директоров леспромхозов и их заместителей, охотно вступала в дискуссию, и, как результат, слушатели становились участниками образовательного процесса.

Итак, моя педагогическая деятельность началась в академии с дополнительного образования, и кто бы мог тогда подумать, что она закончится в должности ру-

ководителя учреждения, ответственного за дополнительное образование на федеральном уровне.

В сентябре 1967 года я получил должность ассистента с правом ведения практических занятий по экономике лесной промышленности, то есть практически стал помощником Тимофея Сергеевича в доведении до студентов тех знаний, которые были получены на его лекциях.

Одновременно Тимофей Сергеевич сделал меня компаньоном в подготовке аспирантов, на руководство которыми в то время при отсутствии степени доктора наук требовалось разрешение Министерства высшего образования. Мое «соучастие» формально выражалось в появлении моей фамилии на титульном листе автореферата диссертации в качестве «консультанта». Первым таким совместным «проектом» стало обучение в аспирантуре Клавдии Ивановны Щетининой, в студенчестве Клавды Антюхиной, исполнявшей на вечерах самодеятельности песни под аккордеон. С утверждением в степени кандидата наук Клавдии Ивановны заработал «счетчик» подготовленных под моим руководством аспирантов и соискателей (сейчас на счетчике стоит цифра 78).

Я начал публиковаться в отраслевых журналах, прежде всего в журнале «Лесная промышленность», принимал участие в конференциях и семинарах с последующим изданием докладов. Количество опубликованных мной научных статей и учебных пособий в год превышало 10–15 наименований, что обусловило получение звания доцента через два года после утверждения в степени кандидата наук.

Наличие звания доцента изменило характер и структуру учебной нагрузки: практические занятия уступили место лекциям по экономике лесной промышленности на инженерных факультетах и руководству аспирантами.

Базируясь на собственном опыте подготовки диссертации в сочетании с научно-исследовательской работой, диссертации моих аспирантов становились составной частью выполняемых на кафедре хоздоговорных научных тем. Дело в том, что в 1970-е годы аспирантура стала целевой, ориентированной на кадровое обеспечение так называемых периферийных вузов с лесной специализацией. Соискателями аспирантуры были выпускники-отличники этих вузов, не имевшие опыта в постановке, организации и проведении научных исследований. Опыт показывал, что в этой ситуации не было смысла ожидать от аспиранта принятия самостоятельного решения по выбору темы диссертации, так как по любой теме научный задел «стоял на нуле». Отказавшись от стандартного подхода к выбору тем, я вводил аспирантов в коллектив исполнителей по хоздоговорным темам.

Работа аспирантов «в команде» меняла саму атмосферу научного творчества, делая ее соревновательной, лишенной догматических установок. К 1970 году под моим руководством работали уже 5 аспирантов с темами диссертаций, объединенными в одно научное направление, – экономика комплексного использования древесного сырья.

Такое эффективное начало в организации научно-исследовательских работ подвигло меня на решение подчинить все исследования, выполняемые под моим руководством, одной цели – подготовке и защите диссертации на соискание уче-

ной степени доктора экономических наук. Вначале это решение меня пугало: как быть с «теоретической новизной», которая должна обязательно присутствовать в докторской диссертации.

С учетом опыта подготовки кандидатской диссертации я отчетливо понимал, что требуемую «новизну» нельзя получить в рамках теории трудовой стоимости К. Маркса, где критерием эффективности выступала минимизация общественно необходимых затрат. Из хозяйственной практики было очевидно, что комплексное использование древесного сырья достигается не только и не столько минимизацией затрат, сколько привлечением капитала и интеллектуальных ресурсов. Надо было создать другую экономическую теорию, используя для этой цели опыт рыночной экономики с ее инструментарием, позволяющим принимать эффективные хозяйственные решения.

И опять неожиданно судьба преподнесла мне подарок в виде просьбы, или задания, Тимофея Сергеевича перевести на русский язык учебник известного лесного экономиста США Вильяма Дьюра «Основы лесной экономики» (W.Duerr, 1960. *Fundamentals of Forestry Economics* New York McGraw-Hill).

Мне неизвестно, каким путем этот учебник попал к Тимофею Сергеевичу, но само это явление выходило за рамки дозволенного в части распространения «вредной» для существовавшего политического режима информации. Учебник В. Дьюра, как мне стало известно позднее, во время стажировки в Норвегии, являлся базовым по дисциплине «Лесная экономика» не только в университетах США, но и в лесных вузах Канады и Европы.

Первоначально просьба Тимофея Сергеевича сводилась только к реферированию отдельных глав и разделов учебника. Но здесь решающее слово осталось за мной. Я решил сделать полный перевод текста, представив его в рукописном виде без какой-либо надежды на последующее типографское издание.

Возникшая творческая эйфория, умноженная на знание английского языка, сделали чудо: я осуществил перевод учебника объемом 450 страниц в течение трех месяцев, включая полтора месяца отпуска, проведенного в родительском доме. Работа была выполнена без какой-либо оплаты. Единственным вознаграждением за труд было то, что учебник Вильяма Дьюра открыл мне «окно», а точнее – приоткрыл «форточку», в мир рыночной экономики. При переводе введения в учебник я столкнулся со следующим курьезом: текст введения не соответствовал практике, которая существовала при издании учебников в Советском Союзе, когда введение отсылало читателя к материалам очередного партийного съезда или трудам классиков марксизма-ленинизма. При переводе введения мне пришлось обратиться к англо-русскому словарю, чтобы удостовериться в правильности перевода слова «ant», что означало «муравей». Курьез состоял в том, что я не мог понять, какое отношение муравей имел к лесной экономике?

Ответ оказался чрезвычайно простым: муравейник у профессора Дьюра предстал объектом, существование и деятельность которого подчинены законам и категориям экономики. Пирамидальное сооружение олицетворяло основной капитал, запасы продовольствия – оборотный капитал, пребывающие в постоянном движении муравьи – трудовые ресурсы, или рабочая сила, а по К. Марксу – проле-

тарии. Таким образом, успех в жизнедеятельности муравейника являлся результатом взаимодействия трех видов ресурсов: капитала, труда, материальных (природных) ресурсов. Экономическая интерпретация жизнедеятельности муравейника ниспровергала теорию трудовой стоимости К. Маркса, согласно которой только живой труд создавал стоимость, что и делало пролетариат гегемоном в общественном развитии.

Переведенный на русский язык учебник, с одной стороны, менял мое мировоззрение а, с другой стороны, давал возможность использовать инструменты рыночной экономики в существовавшей системе социалистических экономических отношений.

Вопрос состоял в том, как в условиях политической цензуры, а ей подвергались все публикации по экономической теории (и не только! – *прим. ред.*), сохранить работоспособность рыночных инструментов, замаскировав их под другие названия (дефиниции).

Я так и поступил с маржинальным анализом производственных функций, являющимся базовым для принятия эффективных хозяйственных решений. Этот инструмент в моей будущей диссертации предстал под названием «предельные цены», использование которых позволяло:

- ✓ оценивать в стоимостном выражении эффективность использования древесины в различных производствах;
- ✓ устанавливать экономическую доступность лесных ресурсов;
- ✓ формировать эффективную структуру потребления древесины, а следовательно, структуру лесного сектора, используя экономико-математические методы.

Все это будет сделано потом, а пока нужно было поверить в свои силы для реализации задуманного, составить план действий на длительное время, учитывая опыт подготовки диссертации Тимофеем Сергеевичем, который защитил ее в возрасте за 60 лет.

И тут судьба неожиданно преподнесла мне очередной подарок – годичную научную стажировку в Норвегию (сентябрь 1970 – июль 1971 года). Все подробности об этом удивительном времени с «букетом незабываемых воспоминаний» читатель узнает в III части эссе. Эта стажировка распахнула уже не «форточку», как было с учебником В. Дьюра, а «парадную дверь» в рыночную экономику. Местом стажировки был Сельскохозяйственный университет в городе Воллебек в 25 километрах от Осло. Экономическое образование с лесной специализацией обеспечивала кафедра в статусе Института лесной экономики, в штате которого было шесть преподавателей и два сотрудника на должностях, называемых у нас методистами.

Мне предложили свободное пребывание без каких-либо обязательств посещать лекции, практические занятия и другие образовательные дисциплины, проводимые на норвежском языке, в первое время недоступном для меня, пока я его не освоил на «бытовом» уровне, окончив бесплатные курсы.

Свободное пребывание предоставило мне возможность организовать рабочее время по графику, подчиненному работе над докторской диссертацией, используя для этих целей доступ к любой научной литературе на английском языке, консультации специалистов в университете и за его пределами, посещение лесных объек-

тов на всей территории страны. Понимая, что я «поймал журавля» в виде уникального случая изучать рыночную экономику, будучи свободным от выполнения каких-либо иных обязательств (общественных, семейных), я поставил цель – за время стажировки сформулировать и написать теорию экономической оценки использования лесных ресурсов. Я не разделял тогда и не разделяю до сих пор подхода, согласно которому можно оценивать готовность научных диссертаций в процентах к какой-то принятой базе. Но в данном случае стажировка в Норвегии подняла эту готовность на высокий уровень.

Для завершения работы нужны были материалы отраслевой статистики, чтобы экспериментально проверить «работоспособность» предложенной в диссертации экономической теории. На эту работу после моего возвращения из стажировки были мобилизованы сотрудники проблемной лаборатории и аспиранты.

В 1972 году издательство «Лесная промышленность» выпустило мою первую научную монографию «Экономика промышленного использования низкосортной древесины и отходов», что по существовавшим тогда правилам открывало дорогу к защите диссертации. И тут «зеленый свет», открывавший движение по этой дороге, стал менять цвет на «желтый», а порой и на «красные» оттенки.

На фоне сложившейся тогда практики защиты докторских диссертаций (соискатели которой в основном имели возраст более 60 лет) мой подъем на высшую ступень научной карьеры стал расцениваться «советом старейшин» на факультете (а это были три доктора наук) как своего рода вызов, опасный, прежде всего, потерей «старейшинами» их привилегированного положения. Стали плестись знакомые по фильмам и книгам на научную тему интриги по всем направлениям, главным из которых было наличие у соискателя «морального облика», соответствовавшего требованиям членства в КПСС. За давностью лет не хочется ворошить эти деяния, но все-таки нельзя обойтись здесь без фактов. Были установлены телефонные контакты с моей семьей на предмет получения информации о возможных отклонениях от требуемого «морального облика». Доказательных фактов на этом направлении найти не удалось.

Летом 1973 года Тимофей Сергеевич с женой, зятем и внуком без предварительной договоренности посетили дом моих родителей, объясняя это продолжением экскурсии по «Пушкинским местам». Целью поездки было лично убедиться в достоверности моей биографии в плане сословно-социального происхождения. Уверен, это трехдневное пребывание Тимофея Сергеевича в родительском доме рассеяло его сомнения относительно моей принадлежности по родословной к «классу эксплуататоров-кулаков».

Нужно было срочно искать другие «пятна» в моей биографии и моральном облике при отсутствии какой-либо объективной критики научных результатов. И опять в мою судьбу, а точнее в биографию, вмешались внешние силы.

После неожиданного ухода из жизни ректора академии В. И. Шаркова эту должность занял Алексей Иванович Киприанов, молодой амбициозный ученый, известный своими трудами в области химической переработки древесины. Свою деятельность в должности ректора Алексей Иванович начал с ревизии кадрового потенциала академии, включая выполнение плана подготовки докторов наук.

Я был приглашен к ректору на беседу по этому вопросу, после чего защита мною докторской диссертации вошла в план 1973 года. Поддержка, оказанная мне ректором, сломала сопротивление «совета старейшин» по выходу на защиту диссертации с использованием разного рода интриг, но при этом у них оставалась возможность вмешаться в процедуры и результаты голосования на совете.

Здесь необходимо дать пояснения относительно процедур защиты диссертаций в то время, до появления специализированных ученых советов с их дифференциацией по отраслям наук (технические, химические, экономические и др.). Кандидатские диссертации защищались на факультетских так называемых «хозяйственных» советах при отсутствии каких-либо обязательных норм по наличию в совете докторов и кандидатов наук. Единственным местом для защиты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по всем направлениям был так называемый «большой хозяйственный» совет, в который по должности входили ректор, проректоры, деканы и заведующие всеми кафедрами – общей численностью более 60 человек. И вот на таком совете 13 ноября 1973 года состоялась моя защита диссертации на тему «Экономические проблемы комплексного использования низкосортной древесины и древесных отходов», где оппонентами выступали не три, как это требовалось, а четыре доктора наук. Дополнительный оппонент был предложен факультетом, чтобы усложнить защиту потерей времени на его поиск.

При тайном голосовании не было бюллетеней с результатом «против» при пяти воздержавшихся. Защита диссертации традиционно была отпразднована в ресторане. На банкете присутствовали более сотни приглашенных гостей, среди которых были родители, близкие и дальние родственники.

Праздничная эйфория прошла и сменилась буднями: надо было ждать утверждения ВАК в ученой степени. И опять в дело вмешались внешние силы, в данном случае с их негативным воздействием. В 1974 году система аттестации научных и педагогических кадров подверглась радикальному реформированию. Высшая аттестационная комиссия (ВАК СССР) стала независимой от Министерства высшего образования государственной организацией, которая возложила аттестацию кадров на низовом уровне на специализированные по отраслям знаний советы. И здесь случилось то, что обычно происходит, когда вновь создаваемая организация уходит от ответственности за «прегрешения» прежней. «Прегрешением» прежней аттестационной комиссии были представленные учеными советами к рассмотрению аттестационные дела соискателей, по которым не были приняты решения. В списке таких «незавершенных» дел было и мое.

После создания и утверждения новой структуры ВАК всем соискателям было предложено пройти защиту диссертации на экспертном совете по направлению науки. Я получил официальное приглашение от экспертного совета по экономическим наукам представить содержание диссертации и ее научные результаты на заседании, которое должно было состояться вечером. Долгое ожидание утверждения в ученой степени как-то притупило закономерно возникавшие волнения. По приезду в Москву я пообедал в ресторане с аспиранткой Антониной Фроловой, которая собирала отзывы на автореферат. Свободного времени было достаточно, и мы решили посетить в то время открытое для всех «Новодевичье кладбище». Надолго за-

держались у свежего захоронения В. М. Шукшина, находившегося в убранстве гроздей калины красной. Хочется верить: крестьянский сын Василий Макарович напутствовал меня, также крестьянского сына, на успехи в жизни, которую он так любил.

Представление на экспертном совете диссертации с ответами на вопросы заняло не более получаса. История закончилась, когда я услышал слова председателя совета: «Рекомендовать к утверждению. Дальнейших успехов». Завершился подъем по карьерной лестнице, где верхняя ступень была отделена от предыдущей «длинным пролетом».

На следующий год после получения диплома доктора наук Алексей Иванович сделал мне предложение занять должность проректора по научной работе. На этой «лестничной площадке» я задержался довольно долго – до 1986 года, совмещая административную работу с учебной (заведующий кафедрой экономики) и научной (руководитель проблемной лаборатории).

С Алексеем Ивановичем у меня сложились ровные доверительные отношения. Нас сближали «любовь к жизни» и, в какой-то мере, происхождение из древнерусских демократий: он был родом из Новгородской области и называл себя ушкунником, о моем происхождении подробно написано в первой части эссе. У нас было одинаковое понимание роли науки в поддержании качественного образования. Это достигалось созданием новых научных лабораторий, высокой эффективностью работы аспирантуры с защитой 85% диссертаций в установленные сроки, привлечением студентов к научно-исследовательской работе.

Память накопила много интересных эпизодов из наших совместных поездок по стране. Сохранение и развитие научных школ было для нас приоритетной задачей. Академия занимала лидирующие позиции в научной сфере среди всех лесных вузов и отраслевых научно-исследовательских институтов.

Я ушел с должности проректора по научной работе сразу, как только Алексей Иванович был вынужден сделать это. Причины были обусловлены самой атмосферой подозрительности и доносов, в которую была погружена страна в течение короткого срока пребывания у власти Ю. В. Андропова.

Алексей Иванович вошел в затяжной конфликт с преподавательским составом кафедры гражданской обороны, представленным отставными военными, претендовавшими на получение особых полномочий в области народного контроля, в частности контроля за формированием контингента отдыхающих в спортивном лагере «Южный» в Адлере. Результатом конфликта стали письма «контролеров» в Выборгский райком КПСС с просьбой провести масштабную проверку всех видов деятельности академии.

В просьбе отказано не было: для проверки деятельности академии была направлена комиссия «народного контроля» – самое грозное оружие КПСС того времени. Читателям, незнакомым с этими реалиями, следует пояснить: вердикт данной комиссии по виду и мере наказания виновных, а они всегда были, не мог быть оспорен ни на каком уровне государственной власти, включая судебную. По процедуре вынесения решений вердикт комиссии народного контроля напоминал внесудебные приговоры «троек» в процессах 1937–1938 годов. Главным объек-

том проверки комиссия выбрала научную деятельность, поскольку в этой сфере тогда были задействованы большие финансовые ресурсы (около 7 миллионов рублей).

В течение двух лет шел поиск финансовых средств, использованных, по мнению комиссии, не по целевому назначению. Мне как проректору приходилось объяснять представлением справок каждый такой случай, приводя аргументы, продиктованные особенностями лесного дела в сравнении с другими отраслями экономики.

Так, нецелевым расходованием финансовых средств был принят выезд большого количества преподавателей, научных сотрудников и аспирантов кафедры водного транспорта в летний период на водные объекты для проведения экспериментов по сплаву леса. Комиссия отнесла такого рода расходы к нецелевым, назвав их «оплатой прогулов» или не разрешенных администрацией отпусков. Таких «фактов» нашлось много, и именно они стали основой заключения комиссии, представленного на заседании бюро Выборгского райкома КПСС.

Я и Алексей Иванович стоя выслушивали приговор комиссии и предложения членов бюро райкома по мерам нашего наказания. В памяти отчетливо сохранилось длинное эмоциональное выступление члена бюро – представителя пролетариата, знатного рабочего из объединения «Светлана», который назвал ученых «бездельниками» и предложил их на время «поставить к станку». «Слава Богу, к станку, а не к стенке» – подумал я, безропотно приняв наказание: выговор и денежный вычет из заработной платы по аналогии с взиманием алиментов. Все это происходило на «верхней площадке» карьерной лестницы после 9 лет работы проректором по научной работе.

Нужно было подвести итоги и принять решение, что делать дальше: оставаться в академии на должности заведующего кафедрой или искать трудоустройство на стороне. Возникшие к тому времени семейные проблемы ускорили процесс трудоустройства за пределами Лесотехнической академии и даже Ленинграда.

Длительное сотрудничество с учебными и научными организациями УССР (Украины) в лесном деле и экономике побудили меня принять участие в конкурсе на замещение должности заведующего сектором в Институте экономики Академии наук УССР (Киев). Документы были поданы, конкурс состоялся, меня пригласили приехать и обсудить обстоятельства переезда в Киев – город, условия для жизни в котором считались тогда комфортными по многим причинам.

Судьба приготовила очередную развилку, выход из которой предопределила Чернобыльская катастрофа 1986 года.

Поиски нового трудоустройства закончились приказом председателя Госкомлеса СССР А. С. Исаева от 9 марта 1989 года № 58, согласно которому по результатам проведенных выборов переводом я был назначен на должность ректора Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников и специалистов лесного хозяйства.

Предыстория назначения была следующая. Кафедра экономики лесной промышленности и лесного хозяйства длительное время работала над проблемой внедрения экономических отношений в лесное хозяйство в форме хозяйственного

ГОСКОМЛЕС СССР

ВУЗ

ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

● ПУШКИНО 1989

*Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов лесного хозяйства,
1989 г.*

расчета. В середине 1980-х годов совместными усилиями ученых-экономистов Лесотехнической академии и Ленинградского научно-исследовательского института лесного хозяйства при моем участии в качестве руководителя темы были подготовлены предложения по переводу лесного хозяйства на экономические (хозрасчетные) отношения, которые стали основой проводимого по постановлению Совета Министров СССР крупномасштабного экономического эксперимента в лесном хозяйстве. Именно это обстоятельство сыграло решающую роль в назначении меня на должность ректора. Александр Сергеевич Исаев сказал: «Заварил кашу, расхлебывай!» Это означало возложение на меня ответственности за кадровое обеспечение, то есть за результаты эксперимента.

История распорядилась по-своему: Всесоюзный институт превратился во Всероссийский, несколько раз менял правовой статус, а еще чаще – своего учредителя. Главной задачей меня как ученого было и до сих пор остается создание в лесном хозяйстве рыночных экономических отношений.

Опыт, разочарования и надежды в этом деле изложены во второй части сборника «На волнах памяти», изданного в 2017 году.

Глава 9. НА ОЛИМПЕ

*«Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте!
Спасибо вам скажет сердечное Русский народ»
Н. А. Некрасов «Сеятелям»*

Содержание данной главы не подчинено хронологии, а является мозаикой, составленной из отдельных эпизодов моей творческой жизни, в которых фигурировали люди, которых я считаю учениками, друзьями и единомышленниками, правда, не получив от них разрешения на эту оценку.

Занимая высокие должности в сфере науки и образования, имея ученые степень и звание, надо было так организовать творческую деятельность, чтобы ее результаты были не только интересны, но и доступны тем, кто, не страшась усталости, выбирает путь в мир науки. Здесь уместна аналогия с земледелием, некоторые знания о котором я приобрел в детские годы, где для получения высоких устойчивых урожаев зерновых недостаточно иметь элитные семена, а необходимо постоянно готовить почву путем агротехнических мероприятий. В науке эту миссию «подготовки почвы» выполняли и должны выполнять «научные школы», которые формируются высококвалифицированными учеными, обладающими организаторскими способностями. Научные школы, по моему глубокому убеждению, являются магистральным направлением развития вузовского образования. Научные школы состоят из Учителей и Учеников, но ведущая роль в них всегда принадлежит Учителям, которых в мире искусств (музыка, театр) любовно называют Маэстро, что в переводе с испанского означает «учитель».

Научные школы формируют эталонную организацию творческой деятельности и ее эффективное кадровое сопровождение при сбалансированном по интересам распределении прав и обязанностей между всеми участниками научного процесса. Только научные школы способны обеспечивать устойчивое развитие научно-технического прогресса аналогично тому, как это делает равномерно возрастной лес, являющийся идеальной основой устойчивого ведения лесного хозяйства.

Совместными усилиями (меня и Тимофея Сергеевича) в 1970–1980-х годах в академии была создана научная школа в области лесной экономики. Ни один вуз с лесной специализацией, ни один отраслевой научно-исследовательский институт не имели в то время ни такого количества докторов и кандидатов экономических наук, ни эффективно работавшей аспирантуры.

Основной заказ на подготовку кадров через целевую аспирантуру по экономической специализации поступал в академию из лесных вузов, в число которых входили Уральский, Архангельский, Воронежский лесотехнические институты, Сибирский технологический, Марийский и Хабаровский политехнические и Ухтинский индустриальный институт. Позднее статус целевой очной аспирантуры был изменен введением стажировки, которая предоставлялась выпускникам-отличникам, имевшим соответствующие рекомендации от вузов. С формальных позиций это решение продлевало срок очной аспирантуры до 4-х лет, что давало возможность для более качественного выполнения и защиты диссертационных работ.

Кафедра экономики лесной промышленности и лесного хозяйства, 1978 г.
. Т. С. Лобовиков сидит в правом ряду первый слева, я – второй справа

В 1970–1980-е годы на кафедре одновременно обучались от 20 до 30 аспирантов по очной форме и стажеров, при этом до 90% из них защищали диссертации в установленный срок.

За всей этой необычной для настоящего времени статистикой стояла целенаправленная работа, основу которой составляли:

- ✓ ответственность научных руководителей за порученное дело с отчетами на кафедре и ученом совете;
- ✓ наличие на кафедре хоздоговорных научных тем, к выполнению которых привлекались аспиранты;
- ✓ большая методическая работа, направленная на привитие выпускникам интереса и определенных навыков к научно-исследовательской работе.

На этом направлении нельзя не выразить признательность Тимофею Сергеевичу, который не только предложил ввести в учебный план подготовки инженеров-экономистов новую дисциплину «Основы научных исследований», но и подготовил конспект лекций и методическое руководство по этой учебной дисциплине.

От аспирантов требовалось обязательно выполнять все задания, предусмотренные планом их подготовки. Аспиранты были обязаны присутствовать на всех заседаниях кафедры (два раза в месяц) и на заседаниях специализированного ученого совета по защите кандидатских диссертаций. По истечении каждого года пребывания в аспирантуре соискатель выступал на кафедре с отчетом и представлением плана, концепции и результатов исследования.

*Аспиранты кафедры на субботнике, 1973 г.
Я – третий слева с большой лопатой*

На кафедре и в лаборатории аспиранты имели рабочие места и были в статусе «временных» штатных научных сотрудников, привлекавшихся к ведению практических занятий со студентами. Участие аспирантов кафедра была обязана получению «высоких» мест в социалистическом соревновании по привлечению студентов к научно-исследовательской работе и по проведению межвузовских студенческих конкурсов по экономическим дисциплинам. По итогам такого конкурса – олимпиады по экономическим наукам – в 1983 году команда студентов экономического факультета заняла первое место в городе, опередив команды Ленинградского университета, инженерно-экономического и финансово-экономического институтов.

По инициативе Тимофея Сергеевича при кафедре на общественных началах был создан «Дискуссионный клуб аспирантов», где аспиранты демонстрировали свои «авторские» работы (по аналогии с авторским кино в настоящее время) или выступали в роли оппонентов, когда такого рода работы представляли их коллеги. Руководители аспирантов, включая меня, выполняли исключительно роль модераторов дискуссий, не подавляя своим «научным весом» инициативы соискателей ученой степени. Заседания аспирантского клуба проходили либо в аудитории, либо в помещении «красного уголка» в общежитии, где проживали большинство аспирантов.

Непринужденные дискуссии длились около трех часов и заканчивались чаепитием, где демонстрировались кулинарные изыски, приготовленные аспирантками. В работе клуба принимали участие не только аспиранты возглавляемой мною кафедры, но и кафедры экономики деревоперерабатывающей промышленности. Успехи созданной и постоянно развивающейся научной школы лесной экономики в части аспирантской подготовки были впечатляющи в плане трудоустройства и карьерного роста выпускников.

Так, шесть выпускников аспирантуры стали заведующими кафедр отраслевых экономических дисциплин в университетах с лесной специализацией, ряд выпускников возглавили региональные структуры в сфере государственного и хозяйственного управления лесами. Для меня же самым главным достижением лесной экономической школы стало появление единомышленников, к сожалению, ныне составляющих узкий и постоянно сужающийся круг друзей и коллег, с которыми общее прошлое не ограничивалось отношением «учителя с учеником», а содержало в себе нечто большее, навсегда сохранившееся в памяти. При подготовке автобиографического эссе я решил включить в его текст короткие досье (правда, без привлечения документов) на тех людей, знакомство с которыми через научную школу по лесной экономике с последующим общением на сугубо дружеской основе оставило светлые пятна в моей линии жизни подобно солнечным бликам на водной глади*.

На заседаниях дискуссионного клуба я обратил внимание на аспиранта соседней кафедры Александра, которому, судя по его активности, были присущи лидерские качества, а его суждения по вопросам экономичес-

* Я умышленно не называю «владельцев этих досье» по фамилиям с указанием отчества, оставив только имена. В данном случае тот, кто опознает себя в литературном персонаже, не вправе предъявлять претензии к моим субъективным оценкам. Текст досье выделен специальным шрифтом.

кой теории были свободны от догм марксизма-ленинизма. Александр обратился ко мне за консультацией по теме диссертации.

Поддержав направление исследования, я поделился с ним опытом использования инструментов рыночной экономики при анализе эффективности производства, включая механизм построения производственных функций.

Рыночная теория факторов производства не только сделала нас единомышленниками, но и обеспечила Александру карьерный рост через последовательную защиту двух диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Александр – уроженец Архангельской области, выпускник Архангельского лесотехнического института по инженерной специальности – за короткое время стал членом совета директоров целлюлозно-бумажного комбината, заведующим экономической кафедрой Северного (Арктического) федерального университета, успешно совмещая административно-хозяйственную, научную и педагогическую деятельность.

Наши дружеские, за пределами профессиональных интересов, отношения сложились в результате мероприятий, сопровождавших успешную защиту аспирантами диссертаций обедами в ресторане гостиницы «Спутник», куда приглашалось руководство ученого совета. Мне запомнился летний вечер, когда Александр вызвался сопровождать меня домой пешком, взяв с собой гитару. У нас состоялся долгий полемический разговор на злободневные темы того времени, завершившийся сольным концертом Александра с исполнением песен под гитару.

Стояла белая ночь, но ее белизну обеспечивало не открытое небо, а опустившийся густой туман. В полном единении с природой звучали слова песни из кинофильма «Хроника пикирующего бомбардировщика»:

«Туман, туман,
Окутал землю вновь...
Далеко, далеко
За туманами любовь.
Долго нас любимым ждать
С чуждедальной стороны –
Мы не все вернемся из полета,
Воздушные рабочие войны».

И я, и Александр были тогда «в полете», слава Богу, не в пикирующем, а с набором высоты и не в условиях войны. Впереди были и звездное небо, и туманы, и все то, что составляет у человека его линию жизни.

Мне довольно часто по служебным делам приходится бывать в Архангельске, и всегда я нахожу время встретиться с Александром, сверить наши маршрутные полетные листы, послушать в его исполнении так полюбившуюся мне песню А. Колкера на слова К. Рыжова. Возраст сужает горизонты, окутывает их туманом, но слова этой песни остаются паролем к нашим отношениям.

«Поточный» метод подготовки кадров через аспирантуру при высоком качестве, когда все диссертации утверждались ВАК, получил широкую известность за пределами лесных вузов РСФСР. Этому способствовало наличие в академии двух специализированных ученых советов для рассмотрения докторских и кандидатских диссертаций по отраслевой экономике (специальность 08.00.05). Только в академии в штате экономических кафедр было четыре доктора экономических наук, что дало ей монопольное право иметь два совета, председателем которых я был вплоть до моего ухода из академии в 1989 году.

Несмотря на то что совет по защите кандидатских диссертаций проводил заседания ежемесячно, лист ожидания защит аспирантами и соискателями выходил за пределы полугодия.

Права на руководство подготовкой аспирантов, наряду с обладателями степени доктора наук (Б. С. Петров, И. С. Прохорчук, Т. С. Лобовиков, А. П. Петров), имели высококвалифицированные доценты (А. А. Родигин, В. Л. Джикович, Д. Е. Ситхина). В 1980-е годы докторами экономических наук стали Б. И. Павлов, Л. Б. Иванов, П. Н. Коробов.

Наиболее востребованным научным направлением при подготовке кандидатов наук была экономика комплексного использования древесины. В 1960–1970-е годы комплексное использование лесных ресурсов партийными съездами было провозглашено генеральной линией развития лесного комплекса Советского Союза и овладело умами не только руководителей предприятий во всех регионах, но и умами ученых, включая соискателей ученых степеней.

Только под моим руководством по названному научному направлению было подготовлено и защищено аспирантами и соискателями свыше 30 диссертаций. В это число не входило большое число соискателей, которым на кафедре оказывались консультационные услуги, но по формальным условиям они представляли другие организации.

Эффективной формой сотрудничества в области научной деятельности и подготовки кадров стали договора, заключаемые академией с научными институтами лесного профиля в союзных республиках. В рамках такого договора с НИИ «Силава» в Латвийской ССР мной были подготовлены два кандидата наук по экономической проблеме комплексного использования лесных ресурсов.

Ряд соискателей самостоятельно прокладывали дорогу к лесной экономической школе академии, ее потенциалу. И эта дорога впоследствии стала для многих из них взлетной полосой для карьерного роста.

Весной 1967 г. «дорога» привела в академию на кафедру экономики лесной промышленности и лесного хозяйства Юрия – выпускника Львовского лесотехнического института по специальности «лесное хозяйство» – в статусе очного аспиранта с экономической специализацией.

Юрий, родом из Закарпатья, был вдохновлен идеей доказать эффективность использования маломерной древесины от рубок ухода и отходов лесозаготовок в производстве древесных плит, получивших масштабное развитие в районе Украинских Карпат. По объективным и субъективным причинам именно регион Украинских Карпат стал в то время полигоном

для реализации проектов по комплексному использованию лесных ресурсов в условиях интеграции лесной промышленности и лесного хозяйства. Организационной формой такой интеграции были комплексные лесные предприятия, которые лесной наукой того времени рассматривались в качестве эталона эффективного лесопользования в малолесной зоне. Кстати, авторы этой идеи даже выдвигались на соискание Государственной премии. Комплексные лесные предприятия находились в подчинении Министерства лесной промышленности УССР. Исходя из сказанного, сотрудничество в области изучения опыта комплексного использования лесных ресурсов в УССР отвечало перспективным направлениям развития проблемной экономической лаборатории.

Уже на первом этапе сотрудничества оно вышло за границы профессиональных интересов и перешло в личностные отношения, и аспирант Юрий превратился в Юру, благо мы были почти ровесниками с разницей в три года не в мою пользу.

Юра продемонстрировал свои организационные способности, направленные на достижение поставленных целей, умение использовать сильные и слабые стороны окружающих его людей. Он прекрасно владел русским языком (при любви к украинскому), знал и ценил русскую классическую литературу, умело использовал в оценке окружавшей действительности цитаты из произведений Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Для меня дружба с Юрой открыла, возможно с большим опозданием, особый мир отношений между людьми, построенных на их поведенческой психологии (по Зигмунду Фрейдю). Я был несколько раз на его родине в большом закарпатском селе, когда еще был жив его отец, сельский агроном с двумя дипломами европейских университетов, полученными в довоенное время. Без матери Юра остался в школьном возрасте, не имея ни братьев, ни сестер.

Летом во время моего отпуска мы проводили время на реке Иршава с холодной горной водой, «работавшей» на людей, крутя мельничные жернова. Струи воды, падавшей с высокой плотины, солнечные блики на этом шумном водопаде создавали необъяснимую энергетику, заложившую основу нашей дружбы при взаимном доверии.

Юрий был дважды гостем в доме моих родителей: первый раз зимой, когда нас встречал на автобусной остановке отец на санях-розвальнях с овчинными тулупами для обогрева. Согревшись привезенной 60-градусной закарпатской сливовицей, закусив в магазине мерзлой капустой из консервной банки, мы тронулись в путь, «предаваясь бегу нетерпеливого коня» под аккомпанемент украинской песни:

«Ти казала во сараю
Не казала в яком краю.
Я прийшов, тебе нема
Пидманула, пидвела.
Ти ж мене пидманула,

*Ти ж мене подвела,
Ти ж мене молодого
З ума з розуму звела»*

Тогда никто из нас в обман не верил... Эта поездка завершилась посещением могилы А. С. Пушкина в Пушкинских горах. На февральском морозе, в утренних сумерках, после выпитой бутылки коньяка, принесенной в нарушение правил торговли официанткой до 11 часов, мы стояли с непокрытыми головами у памятника и читали вслух: я – стихи А. С. Пушкина, Юрий – стихи Т. Г. Шевченко.

Второе посещение Псковской области в сентябре закончилось водевилем со сватовством Юры к «голубоглазой славянке», тогда еще жительнице нашей деревни. Несмотря на то что мы были в неравном семейном положении (я – женат, Юрий – холост), наши отношения сопровождались авантурными приключениями, оставившими яркие воспоминания, те самые блики на волнах повседневности.

Приключения начались с помещения нас на ночь под надзор милиции после неудачной попытки поселиться в гостиницу без предъявления документов в Ужгороде, где соблюдался строгий пограничный режим. Здесь мой друг получил при оформлении протокола допроса новый социальный мандат или должность «десперант». Так со слуха милиционер представил в документе должность «аспирант», в которой Юра пребывал в то время. Наверное, до этого случая нарушителей общественного порядка среди аспирантов в Ужгороде не было.

Удивление милиционера вызвала даже не сама неизвестная ему должность, а сопровождающая ей низкая заработная плата. И сейчас слово «десперант» стало в наших отношениях своего рода паролем, открывающим доступ к событиям прошлой и настоящей жизни. Юра обладал артистическими способностями: внешний вид, аккуратность в одежде, языковый диалект – все выдавало в нем жителя восточно-европейских стран. Это позволяло нам, используя его артистизм и мой английский язык, проходить без очереди в рестораны и другие общественные заведения. Помню душный летний вечер в Москве, когда Юра предстал перед охранниками сыном польского консула, чтобы поужинать в ресторане «Пекин» в обход двухчасовой очереди.

Мои поездки в Закарпатье финансировались за счет хоздоговорных тем, заказчиком которых было Министерство лесной промышленности УССР, и сам министр проявлял «осторожный интерес» к приобретению ученой степени.

На научной платформе экономической школы академии Юра успешно защитил в 1971 году диссертацию и стал кандидатом экономических наук. Ему, как и мне, в карьерном движении благоволила судьба; на научном небосводе появилась новая звезда под названием «экология». Юра стал одним из первых ученых в СССР, который применительно к лесным ресурсам создал новое научное направление, основанное на эколого-экономической

оценке природопользования. За короткие сроки была подготовлена и защищена на специализированном совете под моим председательством диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук.

Политика вмешалась в карьеру моего друга. Вместе с независимостью Украины он получил должность ректора Национального лесного университета (бывшего Львовского лесотехнического). Научные труды и активная международная деятельность сделали Юрия действительным членом Академии наук Украины.

Юра приезжал на празднование моего семидесятилетия, позднее мы оба участвовали в работе Экологического форума, проходившего в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге в рамках СНГ. События последних лет свели наши отношения к телефонным разговорам, праздничным поздравлениям и электронной переписке.

В 1970-х годах «эпидемия» приобретения научных степеней стала распространяться не только на научно-педагогических работников вузов и отраслевых институтов, где наличие степени удостоверяло уровень их квалификации, но и на руководящих работников государственных и хозяйственных организаций.

Желающие утвердиться в ученой степени кандидата наук приезжали не только за консультациями по выбору темы диссертации, но уже с готовыми (в переплете) работами. В памяти остался случай, когда руководитель областного лесохозяйственного объединения Н., получив негативное заключение кафедры на представленную им диссертационную работу с моим приговором, выраженным словами: «В работе отсутствует наука», заявил с оптимизмом: «Сделайте так, чтобы наука была».

Я, в то время еще не обремененный административными обязанностями в должности проректора, дал согласие приехать на место работы соискателя, чтобы оценить возможности сбора и анализа первичной экономической информации. Сразу по приезду я был интернирован, правда, без милицейского надзора, с проживанием в обустроенном особняке. На столе лежали «забракованная» диссертация, пачки бумаги, письменные принадлежности. Я был поставлен на спецобслуживание по питанию с широким ассортиментом блюд на завтрак, обед и ужин и большим набором напитков. Были приготовлены спортивная одежда и инвентарь для лыжных прогулок (дело было зимой). Конечным результатом моего пребывания под «научным арестом» ожидалась новая редакция текста теоретических глав диссертации. Хозяин особняка оставил меня под надзором администратора – дамы выше средних лет с весьма невыразительной наружностью, тем самым исключив возможность нецелевого использования моего рабочего времени.

Результат был получен и принят заказчиком: появились теория и методика диссертации, а также план ее завершения.

К сожалению, очередная административная реформа в лесном хозяйстве ликвидировала учреждение, которым руководил соискатель, и у него пропал интерес к приобретению ученой степени.

На фоне ряда неудачных попыток войти в науку, используя экономическую школу академии, на ее базе были защищены докторские диссертации С. С. Байзаковым (в настоящее время действительный член Академии наук Казахстана) и

Т. Э. Канделаки (работал заведующим экономической кафедрой Сельскохозяйственного университета в Грузии). Наряду с подготовкой кадров высшей квалификации, кафедра экономики внесла значительный вклад в совершенствование учебного процесса путем подготовки и издания учебников.

Считаю полезным представить читателям действовавшую в то время систему учебно-методического обеспечения подготовки кадров. Высшие учебные заведения предоставляли в союзное министерство образования заявки на издание учебников и учебных пособий с указанием авторов с убедительным обоснованием выбора последних. Утвержденный план издания поступал в соответствующие издательства, которые заключали с авторами договора с выплатой гонорара в суммах, довольно значительных в сравнении с должностными окладами педагогических работников. Например, подготовка и издание учебника объемом 20 печатных листов обеспечивали его автору вознаграждение в сумме, достаточной для покупки автомобиля «Москвич».

Перед изданием рукопись учебника проходила неформальное внешнее рецензирование и качественное научное редактирование. Министерство образования отдавало приоритет учебникам с коллективом авторов, которые представляли разные учебные и научные организации. Как правило, учебники переиздавались каждые 5 лет, если были соответствующие заявки.

В 1984 году вышел в свет учебник «Экономика лесной промышленности» для инженерных специальностей в соавторстве с Ф. Н. Морозовым. При его переиздании в 1989 году соавторами стали Н. А. Бурдин и И. С. Ольшанский. К сожалению, мне не удалось издать подобный учебник для экономических специальностей. Монопольные обязательства на подготовку такого учебника взял на себя Тимофей Сергеевич, но реализовать эти обещания ему не удалось.

Замена централизованно планируемой экономики на рыночную сделала выше названные учебники малоприспособленными для использования в учебном процессе. К сожалению, учебник по экономике лесной промышленности с содержанием, адаптированным к рыночной экономике, до сих пор не появился и особых надежд на его появление у меня нет.

Другая ситуация сложилась с учебно-методическим обеспечением экономической подготовки специалистов лесного хозяйства. Решать эту задачу мне пришлось уже в должности ректора Всероссийского института повышения квалификации руководящих работников и специалистов лесного хозяйства, заботясь, прежде всего, о содержимом дополнительного образования, призванного в короткие сроки радикально изменить «экономическое мышление» у руководителей и специалистов.

Здесь опять помог случай... Находясь в служебной командировке для чтения публичной лекции в Университете Британской Колумбии, я познакомился с профессором Питером Х. Пирсом, автором университетского учебника по лесной экономике. В этом учебнике экономические отношения представлены на примере системы управления лесами в Канаде, где леса находятся в собственности провинций, и государственная собственность является доминирующей (в провинции Британская Колумбия – 93% общей площади лесных земель).

Я получил разрешение автора на перевод учебника на русский язык и его издание в Российской Федерации. Перевод при моем научном редактировании вы-

полнили бывшие аспиранты И. Г. Майоров и В. Н. Логацкий, работавшие тогда преподавателями в институте.

В 1992 году учебник «Введение в лесную экономику» с моим предисловием вышел в издательстве «Экология» со следующим грифом «Перевод и издание учебника сделаны по заказу Главного управления кадров и учебных заведений Комитета по лесу Минэкологии РФ и рекомендовано им в качестве учебного пособия для лесных вузов и техникумов». До настоящего времени данная книга остается единственным переводным учебным пособием в области лесной экономики. Тираж 3000 экземпляров не смог удовлетворить потребности всех желающих, и сегодня учебное пособие остается раритетом.

В учебном пособии подкупает практическая направленность теоретических положений лесной экономики, которая реализуется через постановку конкретных вопросов и ответов на них. Автор использует оригинальный подход, когда в каждой главе изложению теории экономических отношений предшествует раздел с названием в переводе на русский язык «Взгляд из леса», что обязывает экономическую теорию дать ответы на вопросы практиков, осуществляющих административное и хозяйственное управление лесами.

Переводное издание учебника Питера Пирса стало настольной книгой для научных работников, аспирантов и докторантов в работе над диссертациями*.

Переведенное на русский язык учебное пособие «Введение в лесную экономику» оказало большую помощь дополнительному образованию в создании новой учебной дисциплины «Экономические отношения в лесном хозяйстве». Основные положения вошли в изданный в 1993 году учебник для средних профессиональных учебных заведений в лесном хозяйстве «Экономика лесного хозяйства», соавторами которого были В. А. Ильин (в то время доцент Лесотехнической академии) и Г. Н. Николаева (заведующая кафедрой бухгалтерского учета ВИПКЛХ).

В 2002 году за счет бюджетных средств при моем авторском участии и научном редактировании был издан учебник «Экономика лесного хозяйства» для среднего профессионального образования. В то время 19 лесхозов-техникумов находились в ведомственном подчинении федеральных органов государственной власти в сфере лесных отношений. С тех пор прошло 15 лет, лесхозы-техникумы перешли в подчинение органов управления образованием в субъектах Российской

* В процессе подготовки эссе в моем распоряжении оказался учебник «Лесная экономика» с дарственной подписью авторов – профессоров Д. Чанга (Китай) и П. Пирса (Канада). В основу этого учебника, изданного Университетом Британской Колумбии, Канада в 2011 г. (Forest Economics, Daowei Zhang and Peter H. Pearse), положено содержание названного выше издания «Введение в лесную экономику». Присутствие в числе авторов профессора из Китая объясняется тем, что данный учебник получил признание при подготовке специалистов для лесного сектора в университетах Китая и стран Юго-Восточной Азии.

Все мои попытки в течение года найти финансовую поддержку для перевода на русский язык и издание данного учебника со стороны Министерства природных ресурсов и экологии, Федерального агентства лесного хозяйства и подведомственных им организаций, а также ряда лесных университетов к успеху не привели.

Федерации, некоторые из них «потеряли» лесные специальности, и главное, среднее профессиональное образование утратило централизованное учебно-методическое обеспечение через издание учебной литературы, переподготовку и повышение квалификации педагогических кадров.

В связи со сказанным, необходимо также переиздать учебник «Государственное управление лесным хозяйством», который был подготовлен и издан в 2004 году при моем участии в качестве одного из авторов и научного редактора (это было второе издание, а первое было в 1997 году).

Лесной кодекс РФ 2006 года и внесенные в него многочисленные поправки радикально изменили институциональную организацию лесных отношений, перераспределив властные полномочия между федеральными органами государственной власти в сфере лесных отношений, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и частным бизнесом.

К большому сожалению, издание учебников в сфере лесопользования, лесного права и лесной экономики на государственном уровне полностью прекращено. Каждый университет, каждое образовательное учреждение решает эту проблему по-своему, исходя из финансовых и интеллектуальных возможностей, в основном издавая учебно-методическую литературу для внутреннего потребления.

Находясь на Олимпе достижений в области науки и образования, меня никогда не покидало стремление всегда двигаться в направлении «сияющих вершин», следуя правилу велосипеда: если не ехать, то будешь падать.

По материалам защищенной докторской диссертации была издана монография «Экономика комплексного использования древесины» в соавторстве с Тимофеем Сергеевичем (1975 г., издательство «Лесная промышленность»). Научная платформа, представленная в данной монографии, стала основой развития региональных исследований по проблеме комплексного использования древесины. Результаты этих исследований опубликованы в монографиях с моим участием в качестве автора.

Монография «Комплексное использование древесины в малолесных районах» вышла в 1977 году в Саратовском государственном университете. Мой соавтор, Василий Семенович Арсенов, развил активную деятельность по продвижению достижений нашей научной школы, привлекая в аспирантуру молодых способных выпускников университета. Василий Семенович был в числе тех, кто в качестве моего гостя провел несколько дней в родительском доме, демонстрируя как навыки косыбы, так и опыт приготовления разных блюд из баранины, малоизвестных сельским жителям.

В 1983 году издательство «Лесная промышленность» выпустило красочно иллюстрированную монографию «Лесной комплекс в Карпатах» с участием меня и Юрия в качестве авторов, пропагандировавших наши совместные научные достижения.

Региональные исследования в области экономики использования лесных ресурсов сформировали экономическую концепцию развития лесного комплекса страны с дифференцированными подходами к малолесным и многолесным районам. Данная концепция была представлена мной в монографии «Организация комплексного использования лесных ресурсов» (издательство «Лесная промышленность», 1978 год).

В решении экономических проблем развития лесного комплекса были объединены интересы нашей вузовской научной школы с интересами научных отрасле-

вых организаций, располагавших в то время огромным потенциалом в плане привлечения интеллектуальных и финансовых ресурсов.

Ведущей организацией в этом направлении был Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт экономики лесной промышленности, который в 1970–1980-е годы не только определял экономический вектор стратегического развития лесного комплекса, но и создавал нормативную базу для текущего и перспективного планирования, включая разработку генеральных схем размещения лесопромышленных производств. Институт в то время во многом выполнял функции «компыаса, используемого для прокладки «маршрута» развития в условиях командной экономики огромного административного монстра – Министерства лесной и деревоперерабатывающей промышленности* с огромным количеством научных и проектных институтов. За экономическую работоспособность лесной отрасли на последнем этапе советской экономики отвечал директор института.

Я признателен научной судьбе за то, что она дала мне возможность работать с Николаем длительное время в советское и постсоветское время над самыми разнообразными экономическими проблемами. Николая всегда отличали основательность подходов к решению не только научных, но и других сопутствующих вопросов, обязательность в исполнении обещанного.

Николай начал свою научную деятельность в Центральном научно-исследовательском институте механизации лесной промышленности, сделал ее приоритетом оценку эффективности научно-технического прогресса на лесозаготовках на базе внедрения отечественной техники и технологий. Я думаю, что именно на этом направлении Николая ожидали наибольшие разочарования в постсоветский период. Результатом нашего сотрудничества стали изданные научные монографии: 1986 г. – «Лесной комплекс. Вопросы теории и практики» с участием профессора Н. И. Кожухова, 1990 г. – «Хозяйственный механизм в лесном комплексе». Обе монографии опубликованы издательством «Лесная промышленность».

Исходя из моего опыта издания учебников и монографий в соавторстве, нельзя не отметить довольно редкое качество соисполнителей представлять материалы к установленному сроку. Николай обладал этим качеством сполна.

Много времени мы проводили за пределами официальных «рабочих» мероприятий, иногда оставаясь для дискуссий и житейских размышлений в кабинетах, иногда посещая доступные места «общественного питания» в Москве и Ленинграде. Здесь ни я, ни Николай, к сожалению, не обладали той харизмой, которая позволяла бы нам без очереди поужинать в центральных ресторанах (и здесь не помогал мой английский язык, как это было в Украинских Карпатах). Я несколько раз воспользовался гостеприимством Николая, получив ночлег в его квартире в Химках, располо-

* На определенных этапах – Министерство управляло целлюлозно-бумажной промышленностью.

женных вблизи аэропорта Шереметьево. Краткосрочные двухдневные командировки в Москву были обычным явлением.

Институт, возглавляемый Николаем, в силу целого ряда причин нешел себя в рыночной экономике. В начале 1990-х годов лесная промышленность приватизировалась и потеряла интерес к государственному управлению. Реформы системы федеральных и региональных органов государственной власти в сфере экономических и лесных отношений практически ликвидировали научное и кадровое обеспечение развития лесного сектора.

К сожалению, о последствиях таких реформ никто не задумывался, каждый реформатор извлекал из них свою финансовую составляющую.

Николай длительное время отвечал за взаимодействие российской лесного сектора с Комитетом лесоматериалов в составе Европейской Экономической Комиссии ООН, получив «временную прописку» в Женеве. Его выступления на всех общественно и политически значимых форумах с доказательством ускоренного развития отечественного лесного комплекса не были услышаны.

*Деятельность института, возглавляемого Николаем, ушла в историю.
Жаль ...*

Наряду с отраслевой наукой партнерами по совместным исследованиям в 1980-е годы стали структуры Академии наук, в частности ее Сибирское отделение. Созданная академиком А. Г. Аганбегяном экономико-математическая школа выбрала объектом для экспериментальной проверки разработанных моделей лесной комплекс в районах Сибири и Дальнего Востока. Именно в этом районе в 1970–1980-х годах осуществлялось строительство крупнейших в мире по объему потребляемого сырья лесопромышленных комплексов (Братского, Усть-Илимского) со структурой производства, установленной директивными методами.

На начальном этапе потребителем крупномерной ангарской сосны стали целлюлозно-бумажные предприятия, и только значительно позднее, с осознанием масштаба финансовых потерь, крупномерную высококачественную древесину стали перерабатывать на пиломатериалы.

В сотрудничестве со специалистами Сибирского отделения АН СССР (профессор, доктор экономических наук И. Н. Воевода) были разработаны экономико-математические модели оптимизации структуры лесопромышленных комплексов, позволявшие уйти от гигантомании при проектировании новых лесопромышленных предприятий на базе безотходных технологий. Названные модели с результатами их применения представлены в монографии «Территориальные отраслевые комплексы на примере лесной промышленности и лесного хозяйства» (издательство «Наука», СО АН СССР, 1987).

К сожалению, плановая экономика оказалась не способной реализовать модели отраслевой оптимизации в лесном секторе в силу фондируемого распределения всех ресурсов. Это были вполне убедительные аргументы, исходя из реалий того времени.

Но полное непонимание у меня вызывал и вызывает отказ от применения оптимизационных моделей при подготовке Стратегии развития лесного комплекса

ранее до 2020 г., а в настоящее время – до 2030 года. Главной причиной такого подхода я вижу низкий профессиональный уровень разработчиков этих документов, получающих финансовые средства, но не располагающих ни опытом, ни знаниями.

В течение длительного времени я был тесно связан с проблемами освоения лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока: входил в рабочую группу под руководством академика А. Г. Аганбегяна по проблеме освоения природных ресурсов в зоне строящейся Байкало-Амурской магистрали, привлекался в качестве эксперта – консультанта при рассмотрении проектов строительства лесопромышленных предприятий в Госплане СССР.

Эта работа дала мне бесценный опыт в сфере организации государственного управления лесами, нашедший свое выражение в многочисленных публикациях на эту тему.

Реальную науку, как показывает практика, трудно удержать в национальных границах, даже в условиях политических ограничений советского времени. Я, используя возможности зарубежных командировок в должности проректора, налаживал оформленные договорами деловые связи с экономическими кафедрами лесных вузов стран Восточной Европы, входивших в политическую организацию – Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Опыт каждой из стран Восточной Европы в сфере лесной экономики был интересен тем, что ни одна страна не копировала полностью практику экономических отношений в СССР. В каждой стране предпринимались попытки разными способами приблизить экономические отношения к рыночным, сохраняя при этом политическую приверженность догмам марксизма-ленинизма.

Хозяйственный расчет в лесном хозяйстве, переход на который был осуществлен в СССР только в порядке эксперимента в конце 1980-х годов, имел длительную историю в Венгрии. «Гибкое» ценообразование на продукцию и услуги леса применялось в Польше и ГДР. Было много и других новаций, вызывавших интерес со стороны специалистов, занятых в лесном комплексе в Советском Союзе. Этот интерес заставил меня создать рабочую группу из числа лесных экономистов стран Восточной Европы, известных мне лично или по публикациям, для подготовки и издания монографии. Мою инициативу поддержало издательство с согласия соответствующих «компетентных» органов. В 1989 году монография «Интенсификация лесного комплекса стран-членов СЭВ» под моей редакцией и авторском участии увидела свет.

Приходится только сожалеть, что в очередной раз политика вмешалась в мои долгосрочные планы, правда, на локальном направлении, которое можно назвать так «изучение и введение зарубежного опыта в создание эффективной системы управления лесами в России».

Не стало Советского Союза, ушел в историю и СЭВ...

В новой политической ситуации мне пришлось решать эти задачи уже в должности ректора Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов лесного хозяйства, изучая и предлагая опыт управления лесами в странах с рыночной экономикой (III часть).

*Рабочая группа после поездки на участки Байкало-Амурской магистрали, Улан-Удэ, 1983 г.
В центре в первом ряду академик А. Г. Аганбеян, я – во втором ряду слева от него*

Глава 10. ПО НАКЛОННОЙ ВНИЗ: ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕСНОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

*«Я не боюсь непредсказуемости будущего,
мне жаль потерять прошлое»
Винсент Шермет. Воздухоплаватель*

Так распорядилась судьба с профессиональной деятельностью, что достижения в области лесной экономической науки и экономического образования, адресованные государственным и хозяйственным институтам, обслуживавшим политическую систему с централизованно планируемой экономикой, оказались не востребованными или, мягче сказать, недостаточно востребованными новой политической системой, базирующейся на рыночной экономике. Переход экономики на рыночные отношения не только радикально поменял методы и инструменты государственного и хозяйственного управления, но и содержание экономического образования на всех его уровнях, прежде всего высшего профессионального.

Либеральные экономические реформы начала 1990-х годов, осуществленные правительством Б. Н. Ельцина и Е. Т. Гайдара, вселяли большие надежды на успех, так как они были призваны заменить обанкротившуюся социалистическую экономику на работающую рыночную, доказавшую свое превосходство везде в мире, где были созданы для этого политические условия.

В Российской Федерации из-за отсутствия политической стабильности в 1990-е годы успех рыночных преобразований был ограничен отдельными отраслями, развитие которых, подчиненное законам рыночной экономики, приносило осязаемый и быстрый результат. Такими «выставочными» секторами (отраслями) стали:

- ✓ розничная торговля, где за короткое время через свободное ценообразование удалось преодолеть дефицит в товарах, наполнить ими полки магазинов и, в конечном счете, заменить экономику «дефицита» экономикой «изобилия», выполнить декларированную коммунистической партией продовольственную программу;
- ✓ финансовое и банковское дело, где превращение российского рубля в конвертируемую валюту создало возможности для привлечения зарубежных инвестиций, а также кредитов под импортные поставки товаров, востребованных населением;
- ✓ отрасли топливно-энергетического сектора, которые получили в распоряжение западные технологии, создали эффективный менеджмент через радикально проведенную кадровую политику и использовали рыночные механизмы во взаимоотношениях с государством и банковской системой.

Опыт названных отраслей, а также опыт развития экономики в целом за постсоветский период показал, что для успеха рыночных реформ на уровне отраслей или секторов необходимо иметь три условия:

- ✓ политическая воля руководства страны в плане признания приоритетов той или иной отрасли в развитии экономики; примером такого приоритета является развитие нефтегазового сектора, ориентированного на экспорт углеводородов;

✓ наличие в правовом поле законодательных и нормативных актов, регламентирующих государственное и хозяйственное управление отраслью с использованием рыночных законов и механизмов;

✓ научное и кадровое сопровождение развития отрасли через принятие обоснованных эффективных решений в области администрирования и хозяйственного менеджмента.

К сожалению, надо объективно признать, что даже по прошествии длительного времени с начала реформ присутствие названных условий в лесном секторе ограничено. Реформирование экономических отношений в лесопромышленном секторе началось и закончилось приватизацией предприятий в начале 1990-х годов и получением доступа к использованию лесов через государственно-частное партнерство, к сожалению, официально не признанное лесным законодательством.

Лесное хозяйство, базирующееся на монополии федеральной собственности на земли лесного фонда, продолжает осуществлять деятельность в сфере воспроизводства, охраны и защиты лесов при отсутствии ее экономической организации в условиях бюджетного финансирования, по сути дела – по стандартам «советской» экономики.

Лесное хозяйство продолжает оставаться единственной отраслью в сфере материального производства, где отсутствуют признанные законодательством продукция и услуги, а следовательно, собственный доход. В моем понимании, зная как устроено ведение лесного хозяйства в странах Европы и Северной Америки, государство в течение последних двадцати лет не предпринимало никаких попыток изменить названную выше ситуацию к лучшему, не проводило политические реформы с изменением форм собственности на леса, а также институциональные и экономические преобразования.

Об отсутствии приоритета лесной экономики в формировании «Основ государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации до 2030 года» свидетельствует тот факт, что в этом документе только 4 из 70 предложенных механизмов имеют прямую экономическую направленность. Это механизмы «достойны» того, чтобы их привести прямо по тексту документа:

✓ развитие системы стратегического и текущего планирования в лесном секторе экономики, охватывающей федеральный, региональный и муниципальный уровень на основе программно-целевого подхода, а также достаточной и достоверной информации;

✓ совершенствование системы платежей за пользование лесами;

✓ переход к определению расчетной лесосеки с учетом экономической доступности лесов и их деления по целевому назначению, а также уровня развития транспортной инфраструктуры, товарной и породно-возрастной структуры насаждений;

✓ введение норм обеспечения долгосрочных контрактов на выполнение работ, связанных с охраной, защитой и воспроизводством лесных ресурсов.

И это все политические задания по реформированию лесной экономики на период до 2030 года. Даже если эти задания будут выполнены в названный срок, ситуация с лесной экономикой кардинально не изменится, а без нее движение лес-

ного сектора в направлении постиндустриального развития на волнах постоянно возникающих кризисов будет напоминать маршрут «летучего голландца». Недооценка роли лесной экономики находит полное подтверждение в развитии лесного законодательства.

В числе более 40 федеральных законов, принятых в течение десятилетия действия Лесного кодекса РФ (2006) и призванных его улучшить, нет ни одного акта, который бы прямо или косвенно совершенствовал экономические отношения в лесном секторе в направлении их либерализации, как это делается во всех странах с высокой эффективностью ведения лесного дела.

Наоборот, действующий Лесной кодекс РФ и внесенные в него поправки заменяют рыночные экономические отношения, введенные прежним лесным законодательством, государственным администрированием с соответствующей им бюрократизацией и возрастающими коррупционными рисками. Для меня остается загадкой, что является аргументом, а что функцией во взаимоотношениях между ролью лесной экономики в развитии лесного сектора и состоянием лесной экономической науки? То ли лесная экономическая наука, не получая заказа ни от государства, ни от частного лесного бизнеса, приходит в состояние стагнации, будучи не востребованной, то ли наоборот, лесная экономическая наука в силу низкого уровня профессионализма не способна выполнять функцию «компас» при прокладке «маршрутов» развития лесного сектора.

Читатель, уже ознакомившийся с содержанием всех предыдущих глав части 2, наверняка не заподозрит меня не только в любви, но даже в толерантном отношении к централизованно-планируемой экономике. Из этого правила я вынужден сделать одно исключение, касающееся роли экономической науки и экономического образования в развитии социалистической экономики. Именно науке и образованию Советский Союз был обязан эпохальными достижениями в освоении космоса, развитии атомной энергетики, открытиям в области физики, химии, математики, отмеченными Нобелевскими премиями. Именно наука и образование продлили срок жизни Советского Союза как политической и экономической системы, в которой каждый гражданин, не имея прав и свобод, находился в полном подчинении у государства.

Наиболее значимая роль в функционировании социалистической экономики принадлежала экономическому планированию. Научные достижения в этой области ученых, родившихся в России, живших в ней или в СССР, получили широкое международное признание. Трое из них (В. Леонтьев, Л. Гурвич, Л. Канторович) стали лауреатами Нобелевской премии по экономике. Лесной сектор не был исключением в плане использования методов экономического планирования в его развитии.

Как уже было сказано в предыдущей главе, экономическое сопровождение деятельности Министерства лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности обеспечивал специально созданный для этих целей Научно-исследовательский и проектный институт в области экономики и информации (ВНИПИЭИлеспром) со штатной численностью более 200 человек.

Экономические отделы существовали во всех научно-исследовательских и проектных институтах, находившихся в подчинении отраслевых министерств; их число превышало 15 организаций.

По моей оценке, не претендующей по истечению длительного времени на бухгалтерскую точность, в СССР развитие лесного сектора обслуживала «экономическая команда» численностью не менее 500 человек, в состав которой входили как опытные практики профессионалы, так и ученые со степенями докторов и кандидатов экономических наук.

Экономические вопросы развития лесного сектора были предметом многочисленных научных конференций и семинаров с участием руководителей и специалистов министерств и ведомств, которые посещали эти мероприятия не только для церемониальных целей, а для непосредственного участия во всей программе. На моей памяти осталось много таких публичных мероприятий, среди которых самой оживленной была дискуссия о переводе лесного хозяйства на хозяйственный расчет и о стоимостной оценке лесов.

Главной задачей деятельности «экономической команды» было создание и постоянное совершенствование нормативной базы – основы текущего и перспективного планирования.

На постоянной основе издавались и обновлялись отраслевые справочники, содержащие экономические нормативы, которые были настольными пособиями для руководителей и специалистов предприятий. Названные справочники широко использовались в научных и образовательных учреждениях.

Интерес к нормативному планированию без каких-либо обоснований был утрачен в начале экономических реформ: с водой выплеснули ребенка. Последствия такой потери наиболее наглядно проявляются через существующую практику распределения бюджетных средств в формате субвенций и субсидий между регионами и учреждениями, когда отсутствие утвержденных нормативов доходов и затрат заменяется построением казуистических формул и положений.

Меня удивляет, а точнее пугает, желание органов государственной власти в сфере лесных отношений создать работоспособную долговременную стратегию развития лесного сектора, практически не прибегая к услугам лесной экономики в части использования экономико-математических методов. Но это удивление сразу проходит, если сказать, что в экономическом сопровождении развития лесного сектора занято не более 20 специалистов с экономическим образованием, находящихся в штате отраслевых научно-исследовательских организаций, подчиненных Рослесхозу и Минпромторгу. Для большей убедительности добавим, что от лесной экономической науки полностью отстранен кадровый потенциал университетов, где по моей оценке работают более 10 докторов экономических наук.

Проходящее удивление заменяется ощущением тревоги, когда видишь, как опустевшее кадровое пространство в сфере лесной экономики подвергается агрессивному нашествию непрофессионалов, т.е. людей, не имеющих экономического образования, но при наличии делегированных властных полномочий, действующих вопреки экономическим законам и правилам.

В мире природы так агрессивно ведет себя только борщевик (*Heracleum*. лат.), оккупируя опустевшие сельскохозяйственные земли.

Из всего сказанного выше очевидна не стагнация, а деградация лесной эконо-

мической науки, а последствия данного явления прежде всего негативно отразятся на лесном экономическом образовании.

На рынке «лесных экономистов», то есть выпускников университетов, получивших дипломы по экономическим специальностям, в начале 1990-х годов появилось очень много «липового» предложения. Рынок, включая лесной бизнес, кричал: «Дайте нам специалистов со знаниями в области рыночной экономики». Тогда частный бизнес зарождался с нуля: страна строила неизвестную рыночную инфраструктуру. Самыми востребованными на рынке труда становились экономисты, менеджеры и юристы. Вопрос стоял так, какие университеты и по каким программам могли дать высококачественное бизнес-образование? Надо было срочно найти преподавателей новых учебных дисциплин: профессоров и доцентов с кафедр общественных наук, апологетов марксизма-ленинизма срочно переводили в штаты вновь создаваемых кафедр с рыночной ориентацией, надевали на них мантии с эмблемой западных экономических школ.

Настольной книгой для обучения студентов по всем экономическим дисциплинам стал переведенный на русский язык учебник П. Самуэльсона «Экономика» (М., издательство «Прогресс», 1964).

В лучшем положении оказались лесные университеты, ставшие партнерами западно-европейских университетов по прямым договорам или межгосударственным соглашениям. В этом случае преподавателям российских университетов предоставлялась возможность пройти дополнительное обучение или стажировку за рубежом по программам бизнес-экономики и воспользоваться для подготовки учебных материалов имевшейся литературой.

Эйфория от «липового предложения» прошла быстро: рынок труда насытился специалистами с неполноценными дипломами, т.е. людьми, помягче сказать, не получившими качественного экономического образования. Со стороны государства последовал ответный удар: все бюджетные места по экономическим направлениям подготовки магистров и бакалавров были изъяты у вузов с лесной специализацией и переданы профильным (экономическим) университетам.

При определенных условиях вузам с лесной специализацией оставлена возможность осуществлять такую деятельность, но только в форме платных услуг. Зная, что на платные места, как правило, поступают абитуриенты с низким качеством базового образования, нетрудно спрогно-

*Рыночная лесная экономика
нуждается в защите*

зирать неудовлетворенность работодателей, как со стороны частного бизнеса, так и государственных структур, уровнем профессиональной подготовки кадров.

Наряду с подготовкой магистров и бакалавров по профилям экономических направлений лесная экономика должна присутствовать в учебных планах подготовки кадров по направлению магистратуры и бакалавриата «Лесное дело». Здесь ситуация усложнена тем, что подготовку кадров по этому направлению в стране ведут более 50 вузов, из которых только 3 являются специализированными лесотехническими.

Напомню, что в Советском Союзе подготовку кадров для лесного хозяйства осуществляли только 13 институтов. При таком масштабном предложении образовательных услуг ни государство, ни частный бизнес не в состоянии управлять в качестве работодателей ни содержанием учебных программ по экономическим дисциплинам, ни качеством педагогического процесса. Подготовка же магистров, на мой взгляд, является неподъемной задачей для большинства университетов при отсутствии у них научной деятельности.

Низкое качество знаний выпускников вузов в области лесной экономики подтверждается данными тестового контроля, который проводит на постоянной основе Всероссийский институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов лесного хозяйства. Процент слушателей с неудовлетворительной оценкой знаний по дисциплине «Рыночные отношения в лесном хозяйстве» составляет в зависимости от занимаемых должностей в органах государственной власти в сфере лесных отношений от 30 до 60. И главное здесь в том, что у руководителей и специалистов отсутствуют практико-ориентированные знания, устанавливаемые профессиональными стандартами или административными регламентами испол-

*Круглый стол по лесному образованию. Сентябрь 2017 г.
Слева от меня ректор Воронежского лесотехнического университета
М. В. Драпалюк*

нения государственных функций и предоставления государственных услуг. Радует одно: неудовлетворенность существующим состоянием в области подготовки кадров становится предметом обсуждения на многих конференциях и форумах.

То, что у студенческой молодежи есть тяга к экономическим знаниям, я убедился при чтении публичных лекций по экономической тематике в Уральском лесотехническом университете в ноябре 2017 года.

Если при первой лекции для заполнения аудитории был, наверняка, использован административный ресурс, то перед началом второй лекции студентами были заняты все проходы в аудитории. Недостаток отведенного времени для проведения интерактивной дискуссии был восполнен появлением в электронной почте вопросов, адресованных мне благодарными студентами.

При всей признательности студентам за проявленный ими интерес к моим лекциям, не могу не сказать о различиях в организации учебного процесса и форме преподавания в наших и зарубежных университетах. Это подтверждает мой почти 15-летний опыт чтения лекций магистрам в Университете Восточной Финляндии (г. Йоэнсуу) и Фрайбургском университете в Германии (2003–2008 гг.).

Студенты в зарубежных университетах более раскованны и любопытны, процесс чтения лекций превращается в диалог лектора с аудиторией.

Сказанное лишний раз подтверждает значение профессионализма преподавателей в учебном процессе. На этом направлении государство нанесло еще один удар по «лесной экономике», упразднив по разным причинам деятельность в вузах специализированных ученых советов по защите докторских и кандидатских диссертаций по экономическим наукам.

*Публичная лекция по экономике
Уральский лесотехнический университет, ноябрь 2017 г.*

*Магистры Университета Восточной Финляндии после лекции,
ноябрь 2017 г.*

В определенном плане такое решение можно признать справедливым, своего рода наказанием за прегрешения прошлого, когда в 1990-х и нулевых годах при попустительстве ВАК в науку вошло большое количество докторов и кандидатов экономических наук, предъявлявших к защите «липовые» диссертации.

Длительное отсутствие специализированных советов с «туманными» перспективами их открытия закрывает дорогу к преподавательской деятельности для талантливой молодежи, так как лишает ее возможности получать достойную зарплату и двигаться по карьерной лестнице.

Исходя из моей практики, трудно представить успешную преподавательскую деятельность людей, которые, двигаясь «каменистыми» тропами, покоряют сияющие вершины науки, не получая за это соответствующих вознаграждений в виде ученых степеней и званий.

Движение вниз по наклонной в сфере лесной экономической науки и образования достигло дна...

Мне, длительное время находившемуся на вершине научных достижений, горестно осознавать эту правду. Даже в этой ситуации я полон оптимизма: постоянно горящие маяки знаний и прогресса призвуют молодое поколение прийти и поднять на должный уровень лесную экономическую науку и образование.

*Будущие лесные экономисты:
ученые и практики,
отзовитесь,
где вы?
АУ!*

Часть III. ВСЮ-ТО Я ВСЕЛЕННУЮ ПРОЕХАЛ

*«Чем быстрее летают самолеты,
тем дольше добираться до аэропорта»
Из подслушанного разговора в аэропорту*

Глава 11. В СТРАНЕ ВИКИНГОВ

*«Некоторые норвежцы говорят,
что Дания – это французская Скандинавия,
Швеция – английская Скандинавия,
а Норвегия – русская Скандинавия»
Из подслушанного разговора в Норвегии*

Для покорения Вселенной первой страной Всевышний избрал Норвегию. На мой взгляд, в этом выборе было что-то мистическое, корнями уходящее в историю Древней Руси, когда русские князья в X–XI веках приглашали из Скандинавии на службу отряды викингов (норманнов) и даже, случалось, специально отправлялись за ними в Скандинавию*. Возможно, кто-то из этих «пришельцев» остался на земле кривичей в районе реки Великой во времена княжения Святой Ольги. И вот для меня настала пора взглянуть на землю возможных предков...

Но это лирическое вступление сделано по прошествии 50 лет после осмысления всего свершившегося за это время. А тогда, в 1960-х годах, у меня были другие заботы, называемые «прозой жизни».

Научной стажировке в Норвегии предшествовала большая подготовительная работа – необходимо было представить свои научные достижения в области лесной экономики сообществу зарубежных ученых. Это происходило в условиях цензуры в публикациях, ограничений на выезд за границу и на приглашение зарубежных ученых, при отсутствии привычных в настоящее время коммуникаций по интернету или факсу.

Профессор Т. С. Лобовиков проявлял большую заинтересованность в развитии сотрудничества с лесными экономистами европейских стран, в первую очередь Финляндии, которая в 1960-х годах начала успешную реализацию программы интенсификации лесного хозяйства с масштабным привлечением на эти цели кредит-

* Акунин, Б. Часть Европы. История российского государства от истоков до монгольского нашествия. – М. : АСТ, 2014 – 396 с.

ных ресурсов. Такое же «движение» в нашу сторону осуществляли финские ученые с мировыми именами, в частности профессор Хельсинского университета Лаури Хейкинхеймо. Благодаря совместным усилиям, он смог приехать в академию. В ректорате и на кафедре состоялись рабочие встречи, по результатам которых был очевиден интерес обеих сторон продолжать сотрудничество, включая публикации о выполненных научных работах.

Профессор Л. Хейкинхеймо высоко оценил результаты работы по оценке экономической доступности лесных ресурсов, назвав их пионерными даже с позиций инструментариев рыночной экономики. За этими комплиментами последовали практические действия: аннотация трудов проблемной лаборатории по оценке экономической доступности лесных ресурсов появилась в переводе на английский язык в журнале, издаваемом Лесным советом скандинавских стран.

Так Тимофей Сергеевич и я получили признание со стороны сообщества лесных экономистов не только Скандинавии, но и Европы. Для читателей, которые не жили в советское время, необходимо сделать пояснения, как тогда осуществлялось международное сотрудничество в области науки и образования. Самой распространенной формой сотрудничества был обмен стажерами-исследователями на бартерной основе, когда расходы на их пребывание оплачивала принимающая сторона. В нашей стране к кандидатам на зарубежную стажировку предъявлялись следующие требования:

*Первые шаги к сотрудничеству. Лесотехническая академия, 1967 г.
Слева – профессор Л. Хейкинхеймо*

- ✓ возраст до 35 лет;
- ✓ наличие ученой степени;
- ✓ членство в КПСС;
- ✓ наличие семьи (мужа или жены), а еще убедительнее – детей;
- ✓ знание иностранного языка страны пребывания (английский язык был приоритетным).

Моя биография на то время отвечала всем названным требованиям: оставалось только ждать квоты по обмену. Эта квота доводилась Министерством высшего образования СССР ежегодно до каждого вуза с указанием страны командирования.

В 1967 году я выиграл «внутриинститутский» конкурс со стажировкой во Фрайбургском университете в Западной Германии. По процедуре отбора необходимо дать еще одно пояснение. Для того чтобы стажировка состоялась, нужно было получить подтверждение принимающей стороны, в данном случае Фрайбургского университета, по моей кандидатуре. И здесь, я уверен, решающую роль сыграло присутствие моей фамилии в списке лесных экономистов, о чем было сказано выше.

У Фрайбургского университета исчезли сомнения, что под моей фамилией в Западную Германию придет «реальный» ученый, а не сотрудник специальных служб. Это было время «холодной» войны и взаимного недоверия.

Я получил приглашение от профессора Герхарда Шпайделя, подарившего мне позднее учебник с дарственной надписью*.

Несмотря на то что принимающая сторона разрешила прохождение моей стажировки с использованием английского языка, я уделил почти год, включая месяц отпуска в родительском доме, самостоятельному изучению немецкого языка, восстановив в памяти школьные знания.

В очередной раз высокая политика изменила планы, перестроив маршрут линии жизни. События в Чехословакии 1968 года поставили крест на многих международных мероприятиях, включая и обмен учеными.

Моя стажировка в Западной Германии не состоялась...

В 1969 году я выиграл очередной институтский конкурс среди претендентов на зарубежную стажировку, местом проведения которой стал Сельскохозяйственный университет в Норвегии. Были получены заграничный паспорт с выездной и въездной визами, а также напутствия компетентных органов, ответственных за политические и моральные качества моей личности. Для меня это была первая зарубежная командировка.

В обычной практике того времени командировкам в «капиталистические» страны предшествовали поездки (деловые или туристические) в «страны народной демократии», чтобы советский человек набрался опыта общения с иностранцами с соблюдением множества ограничений, ставших основанием для появления большого количества анекдотов на эту тему.

* Шпайдель, Г. Экономика лесного хозяйства. – Университет Фрайбург, 1967 (G. Speidel Forstliche Betriebswirtschaftlehre).

Отъезжающих за рубеж надо было постепенно подготовить к восприятию повседневной жизни людей, свободных в своих действиях, не выстаивавших длинные очереди за товарами в магазинах, не обремененных служением несбыточным идеалам.

У меня не было такого подготовительного периода, мне никто не дал совета, что не только можно, но и нужно взять в багаж, чтобы сэкономить валюту. Речь могла идти о стандартном продуктовом наборе командированного за рубеж или туриста, который включал алкогольные напитки в установленной норме, твердокопченые колбасы, мясные и рыбные консервы в обязательном сопровождении кипятивника. Все это отсутствовало в моем чемодане в габаритах ручной клади, а в кошельке лежали выданные Министерством высшего образования норвежские кроны в сумме, достаточной только для оплаты транспортных расходов от аэропорта в Осло до города Воллебек на железнодорожной станции Ос туда и обратно.

22 сентября 1970 года самолет ТУ-134 вылетел из аэропорта «Шереметьево», сделал промежуточную посадку в Стокгольме и доставил меня в международный аэропорт Форнебу в пригороде Осло. Сотрудник советского посольства встретил меня и довез до железнодорожного вокзала в Осло, который станет для меня родным местом на протяжении предстоящих десяти месяцев пребывания в Норвегии.

Я купил билет на пригородный поезд и через полчаса оказался на железнодорожной станции, где меня встречал директор Института экономики Асберн Свенсруд. Короткое по времени знакомство, обед в университетской столовой, размещение в комнате со спартанской мебелировкой с душевой и туалетом в общем пользовании на этаже.

Здание университета.

Второй этаж, крайнее окно справа – моя комната, 1970–1971 гг.

Мне выдали месячную стипендию, если не изменят память, в размере одной тысячи норвежских крон, или около двухсот долларов США по курсу тех лет.

Покупательную способность стипендии я оценил уже утром на следующий день, когда за завтраком в буфете университета я купил чашку кофе и два бутерброда. Расчет показал, что выданной стипендии хватило бы только на завтраки в скромном ассортименте.

Одоловший меня «жизненный» пессимизм, вызванный этим расчетом, стал уходить после встречи с моим научным руководителем, а более точно, «жизненным» наставником Рольфом Сеттером, который доставил в мою комнату электрическую плитку, холодильник и другие предметы кухонного обихода, необходимые для приготовления еды на дому.

При совместном посещении близлежащего магазина он же провел инструктаж, как можно дешево устроить жизнь в плане удовлетворения физиологических потребностей. С первого дня нашего знакомства профессор Рольф Сеттер проявил ко мне отцовскую заботу. Мы стали друзьями при значительной разнице в возрасте.

Профессор Рольф Сеттер (Rolf Sather), далее буду называть Рольфом, был в годы войны и немецкой оккупации Норвегии в рядах вооруженного сопротивления, участвуя в партизанской войне с оккупантами на севере страны. Провел более года в концлагере и был освобожден Красной армией. Член рабочей партии, занимал ответственные посты в ее руководстве на муниципальном уровне.

Человек с левыми политическими убеждениями, социал-демократ. Противник советской системы и коммунистической идеологии, при этом проявлявший искреннюю симпатию к России, ее народу.

При моем пребывании в его доме, а это было довольно часто, разговоры на политические темы всегда инициировала его жена, ссылаясь на судьбу А. И. Солженицина, Б. Л. Пастернака и других деятелей культуры, покинувших Советский Союз по политическим мотивам.

*Под надежной опекой и заботой.
Справа: профессор Рольф Сеттер
(фото из газеты)*

Политика исчезала из разговора сразу после посещения сауны и в процессе ужина с пивом и советской «Старкой». Ужин с «напитками» иногда возвращал нас с Рольфом обратно в сауну, где мы в предбаннике танцевали греческий танец «Зорба» (Сиртаки) под музыку М. Теодоракиса.

Рольф сделал для меня доступным посещение многих лесных объектов при максимальной экономии моих расходов. Благодаря содействию Рольфа я принимал участие во многих общественных и культурных мероприятиях, из которых в памяти сохранилось открытие Лесного музея, где состоялось мое визуальное знакомство с королем Норвегии.

В первый же уикенд после моего прибытия в Норвегию Рольф познакомил меня с Дитером Освальдом, о котором подробно позднее в этой главе.

Рольф мечтал посетить Советский Союз и сделал это в 1981 году, приехав в Ленинград в качестве туриста. Мы провели с ним два дня, гуляя по городу и пригородам, и даже одну ночь провели в моей квартире, вызвав тем самым переполох среди лиц, ответственных за туристическую программу.

Рольф так организовал мою стажировку, что я влюбился в Норвегию и называю ее второй родиной, открывшей мне мир, отличный от моей малой и большой Родины (часть I).

Жизнь в бытовом содержании наладилась полностью после посещения посольства, что являлось обязательной нормой по целому ряду причин, и получения доступа к «сервисам», которыми обладали работники посольства и советских учреждений за рубежом, а также советские граждане, находящиеся в командировках. В сервис входило приобретение продовольственных и промышленных товаров в специализированных магазинах, пользование библиотекой, куда поступали литературные журналы, просмотр кинофильмов. Признаюсь, особое чувство благодарности Родине за ее заботу о гражданах, находившихся на чужбине, я испытал, покупая продовольственные товары и алкогольные напитки по ценам, свободным от акцизных и таможенных сборов. Пользование данным сервисом вошло в мою жизнь как ее самый необходимый и планомерно осуществляемый элемент: раз в две недели меня подвозили до Осло на автомобиле университетские преподаватели, проживавшие в столице.

Решение житейских вопросов без оглядки на бюджет высвобождало энергию и время, необходимые для занятия научной деятельностью, результаты которой известны читателю по II части эссе.

Занятия научной деятельностью были подчинены строгому плану действий, включавшему:

- ✓ посещение института для получения консультаций, приобретения навыков общения на английском, а позднее – на норвежском языке;
- ✓ работа в библиотеке университета, включая заказ книг и журналов из других организаций и стран;
- ✓ работа с литературой в комнате, где все полки были завалены научными книгами и журналами;
- ✓ выезды в Осло с посещением государственных и научных организаций;
- ✓ занятия на курсах норвежского языка в течение первых трех месяцев.

Главной задачей в первый месяц моей стажировки было убедить норвежцев, что мое пребывание в университете подчинено исключительно научным целям. Признаюсь, в первые недели чувствовался «холодок» в отношениях с окружающими и даже некоторая подозрительность. Это было понятно, так как в своей послевоенной истории университет не принимал специалистов из Советского Союза ни в каком статусе. Поэтому закономерным был вопрос: «Who are you Mr. Petrov?» (Кто вы, господин Петров?) Напомню, это было время на пике «холодной» войны, а страна пребывания Норвегия была членом НАТО.

Передо мной стояла задача: найти форму демонстрации моих научных намерений, чтобы рассеять подозрения и раскрыть себя окружающим. При общении с сотрудниками института я заметил их интерес к организации лесного дела в Советском Союзе из-за отсутствия какой-либо информации на эту тему в печатных изданиях. Я предложил сделать сообщения в любом формате, естественно на английском языке, на экономические темы, представлявшие интерес не только для Института экономики, но и для других учебных и научных подразделений университета.

Текст четырех сообщений в формате лекций был издан тиражом 50 экземпляров каждая. Лекции были отправлены за пределы университета в научные и образовательные учреждения не только Норвегии, но и всех Скандинавских стран. Такой «шаг» в налаживании профессиональных отношений обеспечил мне признание как ученого-исследователя и растопил холодок недоверия.

Обучение норвежскому языку.

Методисты института: слева – Венке. В центре – Кари

Я получил достаточную известность в профессиональном лесном сообществе Норвегии, два отраслевых журнала заказали мне для издания статьи.

Процесс моего вхождения в социальную жизнь через общение с людьми за пределами университета не был простым и занял много времени. В этом процессе можно выделить два этапа:

✓ первый – до новогодних и рождественских каникул, которые я провел дома в Ленинграде, путешествуя через Данию и Финляндию по льготному студенческому билету, выданному университетом;

✓ второй – после возвращения с каникул и до отъезда домой в июле.

На первом этапе я присматривался к окружавшим меня людям, помня наставления компетентных органов. Круг общения был ограничен в основном сотрудниками университета. Мне не удалось избежать даже душевного состояния, которое называется ностальгией.

Чувство тоски по родине особенно остро проявлялось в вечернее время при прослушивании передач радиостанций, вещавших на русском языке. Такое состояние души, на мой взгляд, лучше всех передал Петр Лещенко в словах его песни:

*«Я тоскую по Родине, по родной стороне моей.
Я теперь далеко-далеко в незнакомой стране.
Я тоскую по русским полям,
Эту грусть не унять ни на миг»*

В состоянии ностальгии у меня даже родилось неуклюжее по меркам профессиональной поэзии стихотворение, как рецидив юношеских увлечений:

*На шумных волнах эфира
О судьбах людских рассказ
О чувствах великой силы
Элегией ставшей для нас.
Пути выбираем мы сами
Горим и сгораем дотла.
И вот на погасшее пламя
Ложится слезою смола.
Роняет ее одиноко
Стоящая рядом сосна.
И пламя взлетает высоко,
Бледнеет на небе луна.
Огонь обнимает, ласкает,
Трепетным светом дарит.
Угли догорают, мерцая,
Сосна одиноко стоит.*

К счастью, мое затворничество и ностальгия длились не долго. Информация о «советском» стажере-исследователе, доказавшем публикациями свой научный профессионализм, стала достоянием всего университетского сообщества. Неожиданно ко мне обратился с просьбой профессор-биолог перевести на английский язык статью из журнала, издаваемого в Советском Союзе. Эта работа, помимо противодействия ностальгии, хорошо оплачивалась. Но по действовавшим тогда пра-

вилам все подданные Советского Союза, находившиеся в командировке за рубежом, были обязаны сдавать государству деньги, полученные свыше официально установленных окладами или стипендиями заработков. Моя попытка следовать данной инструкции не нашла понимания со стороны работников посольства, и я был освобожден от поборов по причине «неосведомленности».

Вскоре появилась еще одна приятная обязанность – стать учителем-репетитором русского языка для гражданина Финляндии, трудоустроенного в лесном научно-исследовательском институте и женатого на местной жительнице. Занятия проводились один раз в неделю по два часа дома с использованием магнитофона для выполнения домашнего задания.

Целью обучения было получение учеником начальных знаний и навыков, достаточных для последующего самостоятельного изучения русского языка в научных целях. Платой за обучение был домашний обед в ассортименте и с качеством блюд, который был недостижим при кулинарии в домашних условиях с использованием электрической плитки.

Много ценных указаний по финансовому обустройству жизни за рубежом я получал от посольских работников, особенно тех, кто был занят предоставлением «сервисов» нашим соотечественникам, о которых я упоминал раньше. Для меня открылись «секреты» финансовых операций по превращению норвежских крон в товары, остродефицитные в советской торговле. К таким товарам высокого спроса относились тогда мохер, кримплен и вся электроника.

К сожалению, я не преуспел в этом бизнесе, и он не заменил мне то главное, что дала научная стажировка.

Все события, когда мое поведение перестало соответствовать требованиям компетентных советских органов, произошли на втором этапе пребывания в Норвегии.

Первое событие, когда я вынужденно исполнил роль доктора Живаго, – главного героя одноименного романа Бориса Пастернака, случилось в феврале. Секретарь института, или методист кафедры по нашему штатному расписанию, Кари пригласила меня и стажера из Индии приехать к ней домой, чтобы отпраздновать день рождения. Кари жила с мужем, сотрудником банка, и двумя детьми в собственном доме, который был построен на отвесной скале Осло-фьорда. К тому времени я овладел разговорным норвежским языком в объеме, достаточном, для поддержания беседы за столом, так как сама Кари и другие гости плохо говорили по-английски. В отношении подарка сомнений не было. Исходя из имевшегося опыта, советская водка воспринималась норвежцами как лучший подарок.

К полуночи я стал собираться домой, чтобы воспользоваться общественным транспортом и одновременно соблюсти требования морального кодекса строителей коммунизма, особенно строгие для советских граждан, находившихся за рубежом. Мой коллега индус так и сделал: его приверженность нормам буддизма оказалась сильнее моральных принципов марксизма-ленинизма.

Хлебосольные хозяева задержали меня, чтобы в русских традициях при наличии запасов спиртного посвятить празднованию и второй день, благо он был выходным. В этом предложении я не усмотрел умысла, пока не наступило утро следующего дня, и я не услышал доносившийся с кухни шумный разговор между Кари и

ее подругой, которая ранним вечером ушла домой вместе с мужем-летчиком Скандинавской компании САС и зачем-то вернулась утром. Причину женской ссоры мне тут же на английском объяснила подруга. Оказалось, что она просила Кари и та обещала привести меня к ней после полуночи в гости в соседний дом для продолжения знакомства после отбытия мужа в международный рейс. По разным причинам Кари обещание не выполнила, и сейчас появился шанс наверстать упущенное. Так на короткое время я стал доктором Живаго с его эротизмом, блестяще продемонстрированным Омаром Шерифом в американском фильме, который как раз в те дни шел на экранах кинотеатров.

Позднее мне стал понятен умысел Кари, которая зарезервировала меня для обучения норвежскому языку.

Между тем моя популярность как учителя русского языка росла. Муниципальные (городские) власти обратились ко мне с просьбой провести обучение русскому языку местных жителей, проявивших по разным причинам интерес к этому делу. На начальном этапе в группе состояли 25 человек, для большинства из которых русский язык был востребован для научных целей. Но, как выяснилось позднее, были в группе и любители...

Занятия проходили один раз в неделю вечером по 3 часа в школьном формате, включавшем представление нового материала, проверку домашних заданий и получение задания на дом для последующего занятия.

Для обучения использовался специальный учебник, где русский язык изучался через руководство на английском. По разным причинам количество «учеников» в группе постоянно сокращалось: свидетельство об окончании курсов получили только 13 человек, которыми были те, кому русский язык был необходим в профессиональных целях. Половина из числа окончивших краткосрочные курсы продолжала изучать русский язык самостоятельно, в том числе в переписке со мной в течение пяти–десяти лет. Жаль, что эта переписка, подтверждавшая мой профессионализм как учителя русского языка, не сохранилась...

Мое учительство в Норвегии запомнилось двумя событиями.

На первом организационном уроке я с удивлением узнал в одной из «учениц» преподавателя норвежского языка Халдис Сансдален. Она проявляла большое усердие, стараясь освоить произношение звуков, отсутствующих в западных языках. Как сейчас помню, после третьего урока она подошла ко мне с просьбой провести с ней дополнительные занятия, чтобы улучшить произношение мягких согласных «ц», «цц» и других. На мой вопрос, где и когда, был получен прямолинейный ответ: у тебя в комнате, в любое время. Вариантов не было: с отстающими учениками всегда занимаются, в том числе и в Норвегии.

При дополнительном обучении выяснилось, что реальным призванием Халдис была норвежская поэзия. Позднее я получил от нее сборник стихов, один из которых был посвящен нашему знакомству.

Пасхальную неделю в апреле я провел с ее семьей в горах, совершая ежедневные лыжные прогулки, а вечерами слушая концерт, представленный дуэтом – игрой на гитарах, исполнителями которой были Халдис и

еще одна участница нашей компании – американка Сьюзен, работавшая по контракту преподавателем английского языка.

Мы были довольно длительное время в переписке, отправляя друг другу поздравительные открытки.

В начале 1980-х годов Халдис приезжала в составе туристической группы в Ленинград. Последний раз мы встретились в 1982 году, когда я выступал с публичными лекциями в университете. По информации моих друзей-норвежцев поэзия Халдис получила большое признание в стране.

*Пасхальная неделя в горах, 1971 г.
Слева: Халдис, Сьюзен,
Ханс (муж Халдис)*

*Лыжная прогулка, 1971 г.
Справа: Сьюзен*

Второе событие запомнилось благосклонным отношением судьбы к моей жизни.

Окончание курсов и вручение свидетельств я решил провести в русских традициях, устроив застолье на дому у одной «ученицы», бывшей сотрудницы шведского посольства в Москве.

Моим вкладом в застолье было спиртное, количество которого я оценил исходя из норм его потребления в Скандинавии, когда спиртное покупали хозяева вечеринок.

В том, что мое учительство удалось, стало очевидно, когда участники застолья, пребывая в сверх приподнятом настроении, перешли на общение на русском языке не только между собой, но даже с родственниками по телефону.

Поддержание приподнятого настроения потребовало дополнительной энергии, а следовательно, потребления алкоголя сверх мной установленных норм. Срочно принял решение о необходимости дозаправки участников энергетически-

ми напитками. Чтобы ускорить доставку спиртного из моей комнаты, я взял у хозяйки дома велосипед.

Дорога была короткой, но с большим уклоном вниз. Она пересекала постоянно загруженное автомобилями шоссе, соединяющее Осло со шведской территорией. Перед перекрестком я нажал на задний тормоз, который, как оказалось, отсутствовал, о чем меня не предупредили хозяева.

Перекресток был пройден, но ускорение движения нарастало. Впереди стояло здание, а перед ним раскинулась маленькая лужайка с одиноко растущим развесистым дубом. Погасить скорость удалось только, сделав вокруг дуба несколько кругов, что спасло меня от серьезных травм при столкновении со стоявшими перед зданием автомобилями. С тех пор дуб стал моим талисманом, сопровождающим меня на всех этапах жизни. На моем дачном участке дубы охотно размножаются естественным путем...

Возвращаясь к незаконченному событию. Застолье продолжилось и завершилось в русских традициях: ученики не подвели учителя.

На фоне описанных выше вполне безобидных, свойственных молодости событий, судьба приготовила мне испытание с трудно предсказуемыми последствиями на момент его возникновения.

При посещении посольства ко мне обратился сотрудник, представившийся атташе по науке и культуре, с просьбой предоставить информацию о научных разработках лаборатории микробиологии Сельскохозяйственного университета.

Здесь следует пояснить, что просьба компетентных органов означала приказ, не выполнить который было нельзя.

До этой просьбы я не проявлял ни любопытства, ни интереса к структуре университета, к тому, какой научной деятельностью занимаются другие, не лесные его подразделения. Я понимал опасность «лобовых» действий по сбору такого рода информации, поскольку не исключал возможности какой-либо слежки за мной. Исполнению просьбы или задания были поставлены сроки.

По возвращении домой последовала неделя бессонных ночей, когда я проектировал разные варианты «добычи» требуемой информации и их последствия как со стороны заказчика, так и объекта интересов. Задача пугала своей неразрешимостью...

Опять делу помог случай, который не предусматривался ни одним из вариантов. Помогла моя известность.

Городские власти вместе с университетом в плане культурных мероприятий предусматривали проведение вечеров культуры зарубежных стран, где главными действующими лицами были иностранцы, обучавшиеся в университете или проживавшие в городе. Мне предложили провести вечер «советской» культуры и назвали время этого мероприятия.

Предложение было принято. По вопросу реализации мероприятия я обратился в посольство, где получил не только политическую поддержку, но и необходимые материалы, пропагандировавшие советскую культуру. В эти материалы входил набор документальных фильмов о достижениях Советского Союза в музыке (концерт Краснознаменного хора имени Александрова) и балетов в постановке

Большого театра. Проведение вечера советской культуры сопровождалось большой рекламной кампанией: по всему городу были развешаны афиши с моей фамилией и портретом.

Зал в помещении муниципалитета был полон. Смешанные чувства гордости за нашу культуру и волнение перед большой аудиторией сопровождали меня весь вечер.

Показу фильмов в течение полутора часов предшествовало мое тридцатиминутное выступление на английском языке, в которое, по возможности, я вставлял отдельные фразы на норвежском, что вызывало оживление среди присутствовавших. После выступления и показа кинофильмов последовали вопросы. Их было много, в основном на социально-бытовые темы. Не избежал я и политического вопроса, который звучал примерно так: «Не возникло ли желание не возвращаться в Советский Союз, а получить политическое убежище в Норвегии?» Мой ответ последовал незамедлительно. В переводе на русский язык он звучал примерно так: «Мне очень понравилась страна Норвегия. Могу ли я называть ее второй родиной? Если «да», пусть у меня будут две родины, два дома». Мой ответ был встречен аплодисментами. Никогда больше в разговорах эта тема не поднималась.

По завершению мероприятия ко мне подходили много незнакомых людей, благодаривших за проведенный вечер и за признание Норвегии моей второй родиной. Среди этой шумной толпы я увидел мужчину средних лет со слезами на глазах, который выражал свои чувства на хорошем русском языке. Это был первый за полгода проживания случай, когда я встретил иностранца, владевшего русским языком практически без акцента.

Таким иностранцем был в прошлом житель Латвии Пауль Якобсон, призванный на военную службу в Красную армию, оказавшийся в плену на территории Германии, оккупированной союзными войсками. После освобождения из плена Пауль женился на немке, а позднее, по неизвестным причинам, переехал с семьей в Норвегию. На момент нашего знакомства у него было двое взрослых детей. Но самое интересное ждало меня, когда Пауль сказал, что он является сотрудником той самой лаборатории, деятельность которой вызывала интерес наших компетентных органов. Ошибки в этом признании не могло быть: разговор шел на русском языке. Трудно было контролировать возникшее волнение, когда Пауль пригласил меня в ближайший уикенд к нему домой.

Я чувствовал, что судьба делает из меня на время Штирлица, за несколько лет до выхода на экран фильма с этим героем. В доме Пауля меня встретили сверхгостеприимно. Хозяин разговаривал со мной исключительно на русском языке, хотя другие члены семьи этот язык не знали. Тему о работе лаборатории в разговоре я умышленно не затрагивал, боясь навлечь подозрение. У меня на тот момент не было легенды: кому и зачем нужна такая информация.

Следующая встреча с Паулем проходила на лыжной прогулке через две недели. К этому времени легенда была уже готова. Суть ее сводилась к интересу, якобы проявлявшемуся к лаборатории со стороны моего друга, профессора из лесотехнической академии, который является специалистом в области микробиологии

применительно к лесным торфяникам. Для убедительности я назвал фамилию друга, будучи уверенным в невозможности проверки.

На мою просьбу дать информацию о деятельности лаборатории через ее научные труды Пауль ответил без промедления: «Дайте почтовый адрес друга, я отправлю труды завтра». С моей стороны возникло замешательство: мне нужны были труды здесь, а не присланные по почте в Ленинград.

Срочно вношу коррективы в легенду, убеждая Пауля в том, что почтовое отправление сделает институт экономики, добавив труды лаборатории к имеющемуся комплекту книг по экономике. Мои аргументы подействовали, и при следующей встрече в моих руках оказался предмет интереса наших компетентных органов – научные труды лаборатории, которые были доставлены лично заказчику.

До сих пор я не пришел к единому мнению: какая из двух ролей была сыграна лучше – доктора Живаго или Штирлица, но память о них – это солнечные блики на беспокойных волнах жизни.

После успешно проведенной операции я был постоянным гостем в семье Пауля, возвращаясь каждый раз домой с сумкой, полной пирогов и других деликатесов домашнего приготовления. Я поддерживал с Паулем отношения по переписке, обмениваясь поздравительными открытками до тех пор, пока он не ушел в мир иной. Это был светлый, добрый человек, всегда грустивший о потерянной родине.

Семья Якобсонов: в центре Пауль

Норвежская сага* в дополнение к научным результатам и опыту международного общения подарила мне друга, которым стал Дитер Освальд.

Встреча с Дитером состоялась в первый уикенд после моего прибытия в Норвегию в доме Рольфа Сеттера, по инициативе последнего. Дитер был с женой – норвежкой Гюн. Поженились они год назад.

Дитер говорил со мной по-английски, но часто привлекал слова и выражения из русского языка. Этот феномен объяснила его биография.

Родословная Дитера идет от прибалтийских немцев, живших когда-то на территории современной Литвы. Эти земли до Первой мировой войны входили в Российскую империю, а позднее, после передела Европы, вошли в состав Германии времен Третьего Рейха.

Русскому языку Дитера учила бабушка. Эта учеба оставила в памяти Дитера много детских стихотворений и пословиц. После Второй мировой войны матери Дитера, судя по его рассказам волевой и энергичной женщине, удалось получить разрешение на переезд семьи из Литвы, ставшей союзной республикой в составе СССР, в Западную Германию.

Дитер получил высшее лесное образование, закончив Фрайбургский университет. Именно там Дитер, будучи студентом, очаровался приехавшей в университет по обмену норвежкой.

Мне не известны реальные причины переезда Дитера в Норвегию с получением в этой стране гражданства. Думаю, их было две: проблемы с трудоустройством по лесной специальности в Германии и нежелание его жены оставлять родовое гнездо с домом и земельным участком в провинции Телемарк с удивительно красивой природой.

Во время моего пребывания в Норвегии Дитер работал научным сотрудником в Институте технологий и механизации лесозаготовок, директором которого был ученый с мировым именем, профессор Ивар Сам-

*Дитер и Гюн,
начало семейной жизни*

* Только работая над эссе, я узнал, что слово «сага» имеет древнескандинавское происхождение «saga».

сет, позднее занимавший должность президента Международного союза лесных научных организаций (ИЮФРО).

Дитер с женой жили в съемном доме, который стал для меня родным. Здесь мы отмечали разные праздничные даты и события с приглашением иностранных специалистов из Индии, США, Мексики, Болгарии и других стран. Дитер был душой этого добровольного интернационала, стараясь в чем-то помочь каждому. Помню, как мы полным интернационалом отмечали рождение у Дитера и Гюн их первенца, когда сама мать находилась в роддоме.

Уже после моего отъезда домой в трудоустройстве и жизни Дитера произошли перемены. Три года Дитер работал по контракту в Британской Колумбии в компании, заготавливающей древесину на севере провинции. Затем вернулся в Норвегию и поселился в родовом гнезде Гюн, получив трудоустройство в системе управления частными лесами, где достиг определенных карьерных успехов. Какое-то время, до переселения в дом собственной постройки, Гюн и Дитер оставались фермерами, ведя сельское и лесное хозяйство на собственной земле, располагая для этого необходимой техникой.

Я был гостем этого дома в 1982 году, когда был приглашен для чтения лекций в Сельскохозяйственном университете. Это посещение запомнилось, в первую очередь, запойным чтением в течение двух ночей романа А. Солженицына «Архипелаг Гулаг», тогда недоступного в СССР.

В 1991 году я последний раз был в этом старом доме в составе делегации новгородских лесозаготовителей, целью приезда которых было заключение контрактов на поставку в Норвегию хвойных и лиственных балансов. Новгородская делегация увезла с собой не только подписанные контракты, но и большой объем продовольственных и непродовольственных товаров, собранных населением в порядке гуманитарной помощи.

В новом доме у Дитера я был несколько раз: последний мой приезд состоялся вместе с женой в 2003 году, когда Дитер и Гюн провели познавательную экскурсию с посещением исторических и природных объектов.

В постсоветское время Дитер часто посещал Россию: в 1998 году он был гостем на моем юбилее, затем три раза был руководителем групп норвежцев – специалистов в области лесного дела, изучавших опыт ведения лесного хозяйства в Ленинградской и Новгородской областях, на территориях, где пролегли маршруты их предков-викингов.

Заслужив популярность в российском лесном сообществе, Дитер несколько лет входил в жюри международного юниорского конкурса «Подрост» и работал консультантом в проекте ФАО по лесному образованию.

В отношении к окружающим его людям в Дитере сошлись два «национальных» начала: немецкое с обязательностью исполнения обещаний и русское со стремлением сделать людям добро.

На своей земле – в родовом имени Гюн, Телемарк, Норвегия, 1982 г.

Дитер часто в разговорах приводил на русском языке определение, которое давала его бабушка хорошим людям: «Душа человек». Это определение полностью относится к ее внуку.

У меня сложились деловые и даже товарищеские отношения с работниками советского торгпредства – семейной парой. Валерий В. с женой приезжали ко мне в гости в Воллебек. Для их приема я «арендовал» съемный дом Дитера, и последний принимал деятельное участие в этом мероприятии.

Два раза впервые в моей жизни меня вывезли на рыбалку, которая оказалась лишенной спортивного азарта из-за обилия рыбы в местных озерах. Выяснилось, что норвежцы в отличие от нас не потребляют в пищу ни в каком виде рыбу, выловленную в пресных водоемах, предпочитая ее морские виды, в том числе искусственно выращенные. Такое же индифферентное отношение у них и к сбору грибов за исключением лисичек и белых.

Валерий привлек меня к спортивным мероприятиям, дважды я выступал за сборную по футболу, составленную из советских граждан, временно пребывавших в Норвегии. Итог был неутешительный как для меня лично, так и для сборной.

Но мою самую большую признательность Валерий заслужил в решении «магазинных» и финансовых вопросов. Мне удалось избежать больших трат, переправив домой большой объем груза, состоявшего из книг, журналов и сезонных товаров паромом, минуя те ограничения, которые существуют при авиационных перевозках.

Продуктивность научной стажировки в плане подготовки докторской диссертации во многом определялась режимом дня с сочетанием работы и отдыха.

В зимнее время почти каждый день я совершал лыжные прогулки. В весенне-летний период их заменяла езда на велосипеде на 30 километров по дороге вдоль Осло-фьорда до берега Северного моря. Этот здоровый устоявшийся быт был нарушен в последние две недели перед отъездом домой, когда каждый день был зарезервирован для «прощальных» мероприятий с коллегами по институту, соучастниками совместных общественных и социальных дел. Я и те, кто меня приглашал, отчетливо понимали, что следующая встреча может не состояться: мир был на пике «холодной» войны, «железный занавес» плотно закрывал двери и окна.

Институт организовал товарищеский обед, за которым сотрудники предложили устроить для меня коллективные проводы в аэропорту. Мне понадобились большие дипломатические усилия, чтобы отговорить их от этой не безопасной для меня затеи.

Перед отъездом состоялась встреча со студентом Биргером Сульбергом по его инициативе, который слушал мои выступления в институте. Тогда ни он, ни я не думали, что наши пути в экономической лесной науке пересекутся через 20 лет в новых условиях и в другой стране. К этому времени Биргер, уже профессор лесной экономики, будет одним из создателей Европейского института леса в городе Йонсуу в Финляндии. За короткое время, когда Биргер был директором этого института, он сделал многое для включения в международную деятельность стран, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза.

Европейский институт леса профинансировал подготовку и издание под моей редакцией на английском и русском языках монографии «Лесная политика в странах с переходной экономикой в Белоруссии, России и Украине».

Профессор Биргер Сульберг создал в институте новое научное направление по созданию экономико-математических моделей прогнозного развития лесного сектора в Европейском Союзе.

К сожалению, круг моих друзей-норвежцев времен моей стажировки сужается. Но любая встреча с жителями страны викингов, где бы она не происходила – в Риме, на сессии Комитета ФАО, Буэнос-Айресе во время международного лесного конгресса и в других местах – возвращает меня к событиям почти 50-летней давности, которые открыли мне иной мир, другую экономику, а главное, ввели меня в международное лесное научное и образовательное сообщество.

Глава 12. БРОСОК ЗА ОКЕАН

*Колумб Америку открыл
Страну для нас совсем чужую...
Песня студенческой общаги
времен 1960-х годов*

Десятимесячное пребывание в Норвегии – капиталистической стране, ставшее подарком судьбы, одновременно сделало меня популяризатором не известной для многих окружавших жизни за «железным» занавесом. Мне задавали много вопросов на политические, экономические, социальные и культурные темы. Сейчас эти вопросы, когда весь мир находится в плену у интернета, кажутся наивными, в какой-то мере даже глупыми. Но тогда они были искренними и требовали ответа.

Я охотно отзывался на приглашения кафедр, фундаментальной библиотеки, соседних с академией лесных организаций проводить встречи, сопровождая беседы показом фотографий и норвежской музыкой с использованием дефицитного по тем временам кассетного магнитофона.

За норвежской стажировкой последовали командировки в так называемые страны «народной демократии», где академия имела договора сотрудничества с лесными вузами, составной частью которых было совместное выполнение научных тем.

Партнерами академии по научному сотрудничеству были Лесной университет в Софии (Болгария), Зволенский технический университет (Чехословакия), Шопронский университет (Венгрия) и Дрезденский технический университет (ГДР). Мне как проректору устанавливалась квота на зарубежные командировки – одна поездка в год в социалистическую страну. Командировка в капиталистическую страну была предметом совместного решения Министерства высшего образования СССР и областного комитета КПСС. Принятию решения предшествовало оформление большого количества документов, в частности, утверждение характеристики на партийном комитете и на бюро райкома КПСС и представление медицинской справки с обязательным освидетельствованием врачом-психиатром.

Результатом межвузовского научного сотрудничества стало присвоение мне звания почетного доктора Шопронским университетом. К сожалению, это решение не получило официального признания на родине, так как оно было принято Шопронским университетом без предварительного согласования с компетентными органами в СССР по причинам, мне не известным.

Я получил разрешение на командировку в Финляндию для чтений публичных лекций в Хельсинском университете (1980 год) и в Норвегию – в Сельскохозяйственном университете (1982 год). Но при этом мне без объяснения причин было отказано в участии в заседании рабочей группы в рамках деятельности Римского Клуба – международной общественной организации, созданной в 1968 году, объединяющей представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты.

Заседание, где было запланировано мое выступление, состоялось в 1985 году в Хельсинки при пустовавшем рабочем месте с флагом СССР.

Также не состоялась моя поездка в 1987 году для чтения публичной лекции в Университете Британской Колумбии (Канада). Как мне стало известно, не состоялась и сама лекция, так как претендента на ее прочтение, предложенного Министерством высшего образования вместо меня, не принял университет.

Вместо этих поездок меня обязали совершить первый бросок за Атлантический океан, но не для приобретения знаний и опыта, а для их передачи руководителям и специалистам лесного дела в Республике Куба.

Местом моего двухмесячного пребывания в должности приглашенного профессора был Сельскохозяйственный университет в Пинар-дель-Рио в западной провинции Кубы. Здесь под покровом теплой и темной тропической ночи я встретил свое пятидесятилетие при заботливом участии в этом мероприятии семейной пары Петра и Галины, выпускников лесотехнической академии. Петр К. работал здесь длительное время по контракту с университетом, являясь консультантом в области производства плетеной мебели.

За время командировки я прочитал курс лекций для руководителей и специалистов лесных организаций по экономике и планированию в объеме 36 часов с последовательным их переводом на испанский язык.

*Куба, Лесной университет в Пинар-дель-Рио, 1988 г.
Слева – будущий ректор, справа – Галина и Петр*

Лекции получили признание, были адаптированы к университетской программе подготовки специалистов и изданы большим тиражом на испанском языке.

Наличие свободного времени, когда я, проживая в отеле, не был обременен хозяйственными делами, создало условия для изучения испанского языка с целью повседневного общения с кубинцами. Делал я это самостоятельно, почти не прибегая к услугам университетских преподавателей. Накопленный словарный запас оказался достаточным для коммуникаций в дружеских компаниях с кубинским ромом. Других возможностей для общения практически не было: торговля в магазинах и на рынках отсутствовала.

В финансовом отношении командировка на Кубу обернулась банкротством. Выполненную работу университет оплатил в неконвертируемой национальной валюте – песо, на которые можно было купить без карточек только кубинский ром, бутылка с которым до сих пор хранится в моей «винной» коллекции. Перед возвращением домой по существовавшим тогда правилам песо были трансформированы в валютные сертификаты, которые были платежным средством при покупке товаров в специальных магазинах «Березка». Так случилось, что эти магазины были через месяц закрыты, и в результате сертификаты превратились в советские рубли с постоянно снижающейся покупательной способностью.

Главным результатом «кубинской» командировки стало усиление моего критического отношения к централизованно планируемой экономике. Экономика Кубы в полной мере подтвердила ее неэффективность. В субтропической стране с благодатным климатом у меня не было возможности за песо покупать в магазинах даже фрукты и овощи, которые мне «доставали» слушатели курсов только им известным путем, да и сами магазины в привычном понимании слова отсутствовали и были заменены распределением всех продуктов по карточкам.

При возвращении домой самолет сделал промежуточную посадку в одном из аэропортов Канады. Я вошел в здание аэропорта, и у меня подспудно возникло желание когда-нибудь увидеть эту страну, о которой я так много узнал, перелистывая красочные лесные журналы в публичной библиотеке.

И вот мои мечты сбылись, подтверждая истину, что любая цель достигается, если есть страстное желание сделать это.

В 1989 году Университет Британской Колумбии повторил приглашение принять участие в серии публичных лекций, проводимых семейным фондом МакМиллана, собственником крупнейшей лесопромышленной компании, работавшей на острове Ванкувер (H.R. MacMillan Family Fund). В это время я уже работал ректором Всесоюзного института повышения квалификации кадров в лесном хозяйстве, и решение о моем командировании принимал председатель Государственного комитета по лесу академик Александр Сергеевич Исаев.

Александр Сергеевич, всемирно известный ученый, заинтересованный в развитии международного сотрудничества, не только не воспротивился моей командировке, но и дал мне поручение – изучить опыт Канады по управлению лесами, который был необходим для проведения преобразований в лесном секторе в условиях перестройки. Мне предстоял длительный перелет по маршруту Москва – Ван-

кувер с пересадкой в Монреале и опять, как это было с норвежской стажировкой, без оплаты командировочных расходов.

Приглашающая сторона гарантировала возмещение всех расходов за время десятидневного пребывания в Британской Колумбии по прибытию в Ванкувер. В целях социальной и языковой акклиматизации организаторы программы поселили меня на три дня в доме-особняке университетского профессора Яна Солечки, поляка по происхождению, свободно говорившего на русском языке. Это было его предложение, продиктованное обычным «славянским» гостеприимством.

На другой день по приезду Ян провел со мной экскурсию по городу с посещением супермаркетов, где было изобилие продуктов. При сохранившейся в памяти картины пустых полок в московских магазинах это подействовало на меня убийст-

венно, а ведь я в окружении подобного изобилия провел в Норвегии десять месяцев. Как следствие, вопросы политики и экономики стали главной темой разговора с Яном за ужином, где хозяин подробно рассказал мне про опыт Польши в реформировании политической и экономической системы.

Лекция «Организация и управление лесной промышленностью и лесным хозяйством в СССР» состоялась 21 сентября при большом стечении заинтересованных лиц: университетских преподавателей, чиновников и лесных предпринимателей. Время на представление материалов лекции, вопросы и ответы, последовавшие комментарии было ограничено одним часом. Этого времени хватило на то, чтобы лекция привлекала внимание журналистов местных газет, где появились статьи, одна из которых объявила меня «лес-

*Славянское гостеприимство, Ванкувер. 1989 г.
Справа – профессор Ян Солечки*

ным прорабом перестройки». Это было напечатано, несмотря на то что я проявлял необходимую по тем временам осторожность, не делая каких-либо политических заявлений ни в самой лекции, ни в ответах на вопросы.

На следующий день после лекции состоялось посещение лесов в окрестностях города Ванкувер, поразивших меня ранее неизвестными породами и размерами деревьев.

Мое пребывание в Британской Колумбии включало участие в международной конференции по использованию северных смешанных лесов, которая в течение трех дней проходила в городе Форт Сент Джон на севере провинции. На этой конференции, где я сделал доклад на тему создания и развития лесопромышленных комплексов в СССР, состоялся ряд деловых встреч, по результатам которых для меня стал очевидным интерес как ученых, так и практиков к представлению канадской системы лесопромышленных комплексов в качестве возможной модели при «перестройке» лесных отношений в СССР. Тогда никто не мог предвидеть, что новые лесные отношения будут создаваться уже в другом государстве – Российской Федерации.

Профессор университета Британской Колумбии Давид Хейли, ответственный за выполнение десятидневной программы моего пребывания и сопровождавший меня при посещении всех лесных объектов, выразил желание приехать за счет средств университета ко мне для чтения лекций по опыту Канады и для встречи с представителями органов государственной власти. Эйфория от ожидания политических и экономических перемен в лесных отношениях под впечатлением канадской практики лесопромышленных комплексов буквально захватывала мое воображение. Сразу по возвращению домой было направлено приглашение профессору Д. Хейли при-

Чудо-лес в окрестностях Ванкувера, 1989 г.

*Водная прогулка. Ванкувер, 1989 г.
Справа профессор Д. Хейли*

ехать для чтения лекций с подписью А. С. Исаева, что по тем временам было достаточно для получения въездной визы.

Осенью 1990 года Давид Хейли, вооруженный многочисленными презентациями и набором нормативных документов, стал гостем института. Для его размещения с учетом бытовых условий того времени была использована съемная квартира в г. Пушкино с предоставлением трехразового питания.

Лекции профессора Д. Хейли в Госкомлесе СССР были настолько убедительными, что его руководство увидело в канадской модели государственно-частного партнерства будущее развитие лесного сектора. Именно в то время идея лесной аренды стала завоевывать умы лиц, принимавших политические решения в области лесных отношений.

Два дня я и профессор Д. Хейли были гостями Научно-производственного объединения «Силава» в Латвийской ССР, директором которого был Имант Карлович Иевинь, человек с безукоризненной научной репутацией, удивительными организаторскими способностями, рано ушедший из жизни в условиях социальных и политических потрясений 1990-х годов.

Сопровождая профессора Д. Хейли в течение всего времени его пребывания в СССР, я убедился, что одних научных аргументов, чтобы заинтересовать отечест-

венные государственные власти заимствовать канадский опыт лесоправления, явно недостаточно. У меня возникло желание представить канадскую систему лесоправления в ее практическом исполнении, пригласив в институт профессионала-управленца.

На эту роль подошел директор регионального департамента в структуре министерства лесов провинции Британская Колумбия Ганс Шольц, который консультировал меня во всем вопросам во время участия в конференции в Форт-Сент-Джоне.

Ганс Шольц получил высшее лесное образование в Западной Германии во Фрайбургском университете, когда там учился Дитер Освальд.

Я обратился к нему с просьбой приехать на неделю уже не в Советский Союз, а в Российскую Федерацию, для чтения лекций и проведения консультаций по вопросам лесоправления. Моя просьба была согласована с только что назначенным на должность председателя Комитета по лесу Министерства экологии Российской Федерации Валерием Александровичем Шубиным. Письмо содержало еще одну просьбу – выяснить возможность официального посещения Британской Колумбии российской делегацией во главе с В. А. Шубиным.

*Союз советской науки и канадского пролетариата.
Форт-Сент-Джон, Британская Колумбия, 1989 г.*

В апреле 1992 года Ганс Шольц был гостем института с проживанием в близлежащем санатории «Пушкино», где, учитывая реалии того времени, ему были созданы все необходимые условия. Господин Шольц, будучи профессионалом в области лесоуправления, представил аппарату Комитета по лесу обстоятельный доклад о законодательном и нормативном обеспечении лесных отношений в условиях государственно-частного партнерства в Канаде в целом и в провинции Британская Колумбия в частности.

В процессе переговоров господин Шольц передал Валерию Александровичу приглашение министра лесов посетить провинцию Британская Колумбия с приложением программы недельного пребывания. По причинам мне не известным командировка Валерия Александровича в Британскую Колумбию не состоялась. По непроверенным слухам, инициативу по выбору путей развития лесных отношений в новой политической системе взяли на себя другие приближенные к Валерию Александровичу «консультанты», убедившие его по возможности сохранить в лесоуправлении «советские» административные методы.

Напомню, что все эти события проходили в 1992 году, накануне принятия Верховным Советом «Основ лесного законодательства», заложивших фундамент для развития рыночных отношений в лесном хозяйстве.

Можно лишь предположить, что если бы канадский опыт управления лесами предстал перед глазами руководителя лесного хозяйства России, судьба этой отрасли могла бы сложиться по-другому*. Можно было избежать многих негативных последствий при использовании лесов на базе арендных отношений, включая большие коррупционные издержки.

Пребывание господина Шольца в институте было окружено вниманием и заботой. Его словарный запас русского языка пополнился словом «похмелье», не переводимым ни на английский, ни на немецкий языки. Моя дружба с Гансом Шольцом продолжалась длительное время, к сожалению, только по переписке.

Канада стала страной, которая дала мне путевку в международные лесные организации. Осенью 1990 года в Монреале состоялся Конгресс Международного союза лесных научных организаций (ИЮФРО), где я был избран членом исполкома этой «уважаемой» в научном мире организации, основанной в 1892 году. Подробнее о моей работе в этой организации в главе 14 части III.

Здесь скажу только то, что мое участие в работе исполкома и членство в рабочих группах сделали меня убежденным сторонником развития науки и образования в системе международного сотрудничества. Я остро ощущал потребность в таком сотрудничестве исходя из тех условий, в которых проходило становление новых рыночных отношений в лесном секторе Российской Федерации при открытом и, более опасном, закрытом сопротивлении этому процессу со стороны определенных групп влияния.

Круг коллег-единомышленников, представлявших разные страны, постоянно расширялся, а самое главное, единомыслие было основано на искреннем желании

* Канадская система управления государственными лесами положена в основу лесной политики Китая.

поделиться с нами, российскими учеными и практиками, знаниями и опытом, как эффективно развивать лесной сектор. В этих отношениях не было никакой фальши, никаких скрытых целей, кроме желания через науку и образование направить в нужное русло развитие лесных отношений.

Большой вклад в формирование меня как апологета рыночной экономики внесло месячное пребывание в Соединенных Штатах Америки в сентябре–октябре 1993 года. Программа в формате семинара была подготовлена Лесной службой США для повышения квалификации руководителей и специалистов в области лесного дела развивающихся стран Юго-Восточной Азии и Африки.

Участниками семинара от Российской Федерации наряду со мной были Алексей Корниенко (Федеральная служба лесного хозяйства), Елена Куликова и Валентин Шалаев (оба преподаватели из Московского университета леса).

Основное требование к участнику семинара – знание им английского языка в объеме, достаточном для делового и повседневного общения. Организаторы семинара оплачивали все расходы во время пребывания в США, включая авиационные билеты (Москва – Нью-Йорк – Москва). Программа семинара с шестидневной рабочей неделей предусматривала посещение лесных объектов при постоянном передвижении на автобусе по пяти северо-восточным штатам: Мичиган, Висконсин,

*Российские участники семинара в США, 1993 г.
Слева направо – Валентин Шалаев, Елена Куликова, Алексей Корниенко, я*

Миннесота, Монтана и Южная Дакота. Лесные объекты в большинстве были расположены на лесных землях, являющихся федеральной собственностью. Специальное внимание было уделено также управлению частными лесами.

Самолет из Нью-Йорка, куда мы прилетели из Москвы американской компанией «Дельта», доставил нас на место сбора всех участников – в Мичиганский университет.

Запомнился сюжет при знакомстве участников семинара друг с другом. Когда нас, российских участников, представляли всей аудитории, раздавались восторженные возгласы со стороны молодых людей из африканских стран: «Калашников, Катюша». Слышать такое признание было, с одной стороны, весело, а с другой стороны, обидно. И все же по ходу семинара «российская группа» поменяла отношение к себе со стороны участников семинара. Мы стали лидерами по активности при проведении дискуссий после посещения лесных объектов. По результатам семинара мне было поручено от имени всех участников выступить с благодарственной речью при вручении свидетельств руководителем Лесной службы США в Вашингтоне.

Конечным пунктом двадцатидневного автобусного маршрута был город Рапид-Сити в штате Южная Дакота, известном горными массивами, покрытыми древними лесами. Здесь находится диковина Среднего Запада – горда Рашмор с барелье-

*Инструктаж перед поездкой в лес. США, штат Мичиган, 1993 г.
Слева от инструктора – Елена и я*

фом, изображающим отцов-основателей американской государственности: первого президента Джорджа Вашингтона, автора декларации независимости Томаса Джефферсона, освободителя негритянских рабов Авраама Линкольна и Теодора Рузвельта – видного международного миротворца.

В горах штата находится пещера Джевал, вторая в мире по протяженности лабиринта в 257 километров на глубине более 190 метров. Столь большое внимание штату Южная Дакота объясняется событием, которое случилось со мной на следующий день после приезда в Рапид-Сити; программой семинара здесь было предусмотрено четырехдневное пребывание. Это событие ввело в круг моих друзей и единомышленников Елену.

*Мы все вышли из Африки.
США, штат Мичиган, 1993*

До поездки в Соединенные Штаты Америки я не был знаком с Еленой. В научном сообществе нас разделяли разные направления: у меня – экономика, у Елены – защита лесов от вредителей. Длительное пребывание в автобусе сблизило нас желанием, как можно лучше понять систему лесоправления в США, сравнивая ее с нашей – российской.

В первые дни семинара Елена вела себя как ученик-отличник, не только с жадностью впитывающий все новые знания, но и провоцирующий учителя на предоставление дополнительных знаний. При этом я замечал ее робость, стеснительность в отношениях с руководителем семинара, профессионалом в лесном деле и высококлассным педагогом при постановке дискуссионных вопросов. Робость возникала из боязни сделать ошибки при общении на английском языке.

Мои настойчивые рекомендации, не бояться ошибок в разговорном английском при наличии большого словарного запаса, сделали свое дело: во второй половине семинара Елена уже стала помощницей руководителя

при решении организационных вопросов. Обычно за завтраком мы втроем садились за один стол, чтобы обсудить программу на предстоящий день. Так и было в первое утро в гостинице в Рэпид-Сити. За завтраком я почувствовал глухую боль, поднимавшуюся от низа живота и заполнявшую грудную клетку, и резко возникший озноб. При себе в поездке я не имел никаких лекарств, чтобы погасить возникшую боль, приняв ее за сердечный приступ.

Тут же была вызвана карета скорой помощи, доставившая меня в городскую госпиталь. Нет смысла подробно описывать процедуры оказания медицинских услуг в американских госпиталях, так как они были профессионально показаны в телевизионном сериале «Скорая помощь» в начале нулевых годов. В течение короткого времени врачи поставили диагноз, исключивший сердечно-сосудистые заболевания.

Подозрение пало на заражение вирусами тропической лихорадки, хотя тропические страны я не посещал, за исключением Кубы с эффективно работавшей медициной. Врачи, сделав необходимые анализы, возвратили меня в гостиницу, не выдав никаких рецептов на приобретение лекарств до выяснения причин заболевания.

Лихорадочное состояние длилось в течение всего времени пребывания группы в Рэпид-Сити. Температура то поднималась до 39,5 градусов, то резко опускалась до 37. Какое-то время я оказывался в бредовом состоянии. Все время у моей кровати находилась Елена, меняя полотенца и принося питье. Это не была забота дежурной медсестры, отбывающей положенное регламентом время у постели больного. Это была забота человека, испытывавшего сострадание, видя состояние, в котором я находился.

Ситуация осложнялась неопределенностью в отношении дальнейших действий: участники семинара улетали через четыре дня в Вашингтон для подведения итогов семинара.

Забота Елены вкупе с лекарствами свершили чудо. В состоянии физической слабости, но без приступов лихорадки я вместе с группой улетел в Вашингтон. Произошедшее событие подтвердило истину: друзья познаются в беде.

Мои дружеские отношения с Еленой, начало которым положил американский семинар, продолжают до настоящего времени. Работая в должности директора лесной программы Всемирного фонда дикой природы (WWF России), Елена сделала многое для развития лесного образования, привлекая к этому ВИПКЛХ.

Мы какое-то время вдвоем работали (на общественных началах) в Европейском институте леса, прилагая усилия для вовлечения российской лесной науки в международные проекты. На данном направлении оптимизм Елены не иссякает даже в условиях, которые нельзя назвать благоприятными. В этом меня убедила последняя встреча с Еленой, которая состоялась в ноябре 2017 г. в Йоэнсуу (Финляндия).

Вернемся к благополучно завершившемуся «медицинскому» событию в плане его последствий. Все расходы по оплате услуг госпиталя покрыла медицинская страховка. Парадоксально, но по результатам сделанных анализов я так и не получил никакого медицинского заключения.

Причина проявилась тремя годами позже, когда симптомы болезни повторились во время командировки в Архангельск, когда я был в гостях у Александра. Был поставлен диагноз: воспаление желчного пузыря. И этот диагноз объяснил, что случилось за завтраком в Рэпид-Сити, основным блюдом которого был обжаренный бекон.

В Вашингтоне мы пробыли три дня, один из которых был отдан полностью экскурсиям по музеям и городу.

Увозя с собой из Америки полный багаж впечатлений и знаний, я не думал, что еще несколько раз придется пересекать Атлантический океан.

По возвращению домой я развил через образование бурную деятельность по пропаганде североамериканского опыта управления лесами на базе государственно-частного партнерства. К сожалению, я не приобрел в то время достаточного количества сторонников на верхних «этажах» власти: победила аренда лесов в российском исполнении, которую нельзя назвать экономическим партнерством.

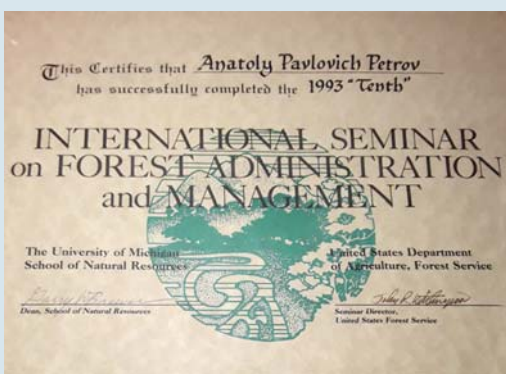

Испытание болезнью. Госпиталь в Рэпид-Сити, США, штат Южная Дакота, 1993 г.

*Семинар закончен, итоги подведены, Вашингтон, 1993 г.
Справа от меня руководитель семинара из Лесной службы США*

Только в 2015 году с большим запозданием Федеральным законом № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» государственно-частное партнерство как форма рыночных отношений получило «легальную прописку» в российском законодательстве. К сожалению, действие этого закона не распространяется в полной мере на лесные отношения, установленные Лесным кодексом РФ 2006 года. Федеральный закон от 29.12.2017 № 471-ФЗ делает очередную попытку возратить конкурсы в систему экономических отношений между государством и частным бизнесом, т.е. реали-

*Сертификат, выданный
Лесной службой США
по завершению семинара*

зовать на практике те идеи, которые я популяризовал в учебном процессе в 1990-е годы.

После первых бросков за океан в Канаду и США мне пришлось много ездить по стране, прежде всего по многолесным районам Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока с проведением выездных занятий, зарабатывая на этом деньги в условиях сократившегося бюджетного финансирования дополнительного образования. Выездные занятия были проведены на Сахалине, в Архангельской, Читинской, Тюменской и Омской областях, Ханты-Мансийском автономном округе. После этих занятий, на которых я рассказывал о зарубежном опыте управления лесами, в институт стали поступать письма с просьбой организовать и провести краткосрочные стажировки для руководителей и специалистов в странах Северной Америки по вопросам лесоуправления в рыночной экономике.

Мне не составило большого труда, используя адреса коллег, с которыми сложились профессионально дружеские отношения во время пребывания в Канаде и США, провести переговоры на предмет возможности и условий проведения стажировок. На удивление, на этом направлении не возникло никаких нерешаемых вопросов. Мне гарантировались визовая поддержка и программа стажировки с учетом интересов будущих «стажеров».

Первую заявку на поездку за океан для изучения опыта двух стран – США и Канады – в сфере лесоуправления я получил от органа государственной власти субъекта РФ в Восточной Сибири (не буду называть ни наименование этого органа государственной власти, ни его руководителя по этическим причинам).

Обязанности принимающей стороны по моей просьбе взяли на себя Министерство лесов провинции Британская Колумбия и региональное управление Лесной службы США в штате Вашингтон. Они предложили десятидневную программу и назначили профессионалов-руководителей и специалистов для работы с нами – российскими стажерами – на каждое мероприятие.

В сентябре 1994 года российская делегация с моим участием в качестве «научного» руководителя и, как позднее выяснилось, по совместительству переводчика вылетела рейсом Аэрофлота по маршруту Москва – Сиэтл с последовавшей пересадкой и полетом до Ванкувера. Так как для большинства участников стажировки это был первый выезд за границу, я провел с ними необходимый инструктаж, как человек, имевший опыт зарубежных командировок.

В первую очередь я довел до них требования таможенной и пограничной службы США, с которыми имел дело год назад. Проводя такой инструктаж, мне хотелось убедиться, насколько управляема будет группа, сформированная преимущественно из директоров лесхозов. Дело в том, что это был мой первый опыт изучения зарубежного опыта в качестве руководителя группы с ответственностью не только за себя, но и за обучаемых, по сути дела, малоизвестных мне людей.

Я строго предупредил о запрете американской таможни на ввоз в страну мясных продуктов за исключением консервов. При полете к Сиэтлу я повторил просьбу, получив заверения всех участников в ее исполнении. Дальше случилось то, что можно было предполагать, зная менталитет нашего человека, его отношение к соблюдению законов и норм поведения.

При прохождении таможенного досмотра специально обученные собаки, вызывавшие умиление со стороны дам – участников стажировки, быстро вскрыли факт обмана.

Владельцы чемоданов и сумок были вынуждены предъявить служащим таможен мясные продукты, преимущественно куски сала, завернутые в газетную бумагу. Предъявление продуктов делалось с показной брезгливостью, с явной демонстрацией залу «русского» стандарта жизнеустройства с игнорированием норм поведения.

Из случившегося я постарался извлечь уроки. Наверное, я не был строг, а может быть, непоследователен в воспитании, но случаи непослушания в быту продолжались, что объяснялось, в какой-то мере, незнанием участниками английского языка.

В мои каждодневные обязанности входило:

- ✓ согласование с представителями принимавшей стороны плана мероприятий на предстоящий день в соответствии с программой;
- ✓ доведение до участников согласованного плана, а также рекомендаций по экипировке (одежда, обувь) при посещении лесных объектов;
- ✓ размещение участников в отелях с просьбой не пользоваться платными услугами, самой популярной из которых в то время (1994 год!) был просмотр порнофильмов;
- ✓ выполнение функций финансиста и бухгалтера с оплатой наличными расходов на транспорт, питание и проживание, используя для этих целей «общий кошелек», куда поступали взносы каждого участника;
- ✓ подведение итогов по мероприятиям прошедшего дня с учетом мнений и пожеланий всех участников.

Стажировка удешевлялась тем, что принимающие организации, как в Канаде, так и в США, брали на себя часть расходов. Бесплатными были услуги по обучению, а также, в большинстве случаев, расходы на транспорт.

Как правило, лесопромышленные предприятия презентовали нам бесплатные обеды, проходившие в дружеской церемониальной атмосфере. Принимавшая сторона делала все возможное, чтобы удовлетворить профессиональные интересы нашей группы, используя для этой цели методы практико-ориентированного обучения.

В этой поездке, как и во многих последующих, объектами демонстрации были:

- ✓ лесные ресурсы, методы их учета и оценки;
- ✓ технологии лесохозяйственного и лесозаготовительного производств, транспортировка леса, дорожное строительство;
- ✓ лесопильное, фанерное и целлюлозно-бумажное производства с безотходными технологиями.

При посещении каждого объекта участникам предоставлялась возможность задавать вопросы. Мне часто приходилось, нарушая этику и процедуры перевода, адаптировать вопросы таким образом, чтобы последние были понятны с учетом больших различий в терминологии и менталитете «учителей и учеников». Любимым вопросом российских участников в этой поездке и во всех последовавших был: «Где лесхозы, и почему они отсутствуют в системе лесоуправления?»

*На все вопросы были ответы.
Британская Колумбия, 1994 г.*

Я знал из опыта обучения в институте, что наши руководители и специалисты не могли себе представить систему управления лесами без лесхозов в статусе государственных предприятий. Проведением «коротких» лекций на русском языке я старался предупредить возникновение такого рода вопросов, на которые ни американцы, ни канадцы не могли ответить. К сожалению, бывали случаи, когда мне не удавалось предотвратить «не удобные» для хозяев вопросы.

В памяти сохранился такой случай, имевший место на территории США. Специалисты регионального управления Лесной службы США делились опытом в сфере охраны лесов от пожаров, рассказывая, как организовано и финансово обеспечено тушение крупных лесных пожаров. Вдруг неожиданно, а скорее всего, ожидаемо, исходя из его повторяемости, возник вопрос об оплате труда огнеборцев. Ответ был простой, как и сама система оплаты труда, когда заработок по условиям контракта определяется дневной ставкой и количеством фактически отработанных дней. Именно простота исчисления заработка удивила задавшего вопрос, от которого последовали рекомендации, как сделать систему оплаты труда более привлекательной как для огнеборца, так и для работодателя. Суть предложения состояла в том, чтобы вместо, например, пяти рабочих дней по факту предъявить к оплате десять, а разницу в оплате разделить между сторонами контракта. Предложение явно имело под собой «доказательную» базу. При всей неуместности данного

«рационализаторского предложения» я, будучи наемным переводчиком, довел его до представителя лесной администрации. Для того чтобы американец прочувствовал выгоду от предложенного нововведения, мне пришлось по его просьбе провести дополнительную дискуссию с задавшим вопрос, в результате которой я был вынужден признать предложение шуткой.

Такого рода курьезные случаи в общении с канадцами и американцами возникали часто, но они всегда заканчивались при полном понимании с обеих сторон.

Добрую память о пребывании в Британской Колумбии оставило посещение населенного пункта, где проживали «русские духоборы», предки которых в конце XIX – начале XX века, еще при жизни Льва Николаевича Толстого, покинули родину под влиянием религиозного учения великого писателя. Для того чтобы сохранить национальную идентичность, язык и культуру русских людей, духоборы проживали общиной с трудоустройством взрослого населения на одном предприятии – лесопильном заводе «Kolesnikoff». Гостеприимство духоборов наша группа оценила, будучи приглашенной на обед, в меню которого по религиозным убеждениям отсутствовали не только алкогольные напитки, но и мясные блюда.

Незабываемым для меня остался вкус борща, где мясо заменило кулинарное мастерство хозяйки дома.

*Хозяева всегда были гостеприимны.
Федеральная лесная служба США, Штат Вашингтон, 1994 г.*

Разговор за столом проходил на старославянском русском языке с использованием слов и оборотов речи, отсутствующих в современном языке. Но при этом моя услуга в качестве переводчика не понадобилась. Расставание с Россией конца XIX века – начала XX века было до слез трогательным. До нас общину духоборов посетил, находясь в Канаде с государственным визитом, Михаил Сергеевич Горбачев. Память о его визите духоборы сохраняют с любовью в многочисленных фотографиях и газетных статьях.

Информация об успешности нашей поездки за океан за опытом стала достоянием не только руководства Федеральной службы лесного хозяйства, где я презентовал результаты, но и руководителей органов управления лесным хозяйством в субъектах Российской Федерации. По их просьбе с согласия руководителя лесной службы В. А. Шубина я обратился с письмом в Министерство лесов Британской Колумбии с благодарностью и пожеланием принять еще одну российскую делегацию. Руководство министерства, по-видимому, утомленное предыдущей поездкой, переадресовало мою просьбу Министерству природных ресурсов провинции Онтарио, которое не только дало согласие, но и предложило десятидневную программу пребывания осенью 1995 года.

На этот раз делегация была сформирована преимущественно из руководителей органов управления лесным хозяйством в субъектах Российской Федерации.

*В гостях у «русских духоборов».
Лесопильный завод «Kolesnikoff» Британская Колумбия, 1994 г.*

Маршрут следования был таков: рейс Москва – Монреаль, а дальше перелет чартерным рейсом до города Су Сент-Мари, расположенного на канадском берегу реки, впадающей в одно из Великих озер – Онтарио. Чартерный рейс выполнял легкомоторный самолет вместимостью до 20 пассажиров. Самолет имел один салон, общий для летного состава и пассажиров. Полет проходил в течение трех часов в ночное время. Над нами не было облаков, светила яркая луна и мерцали удивительно яркие звезды. Полет был незабываемым. Руководитель нашей стажировки от принимавшей стороны Барни Смит, встретивший нас в аэропорту Монреаля, перед отлетом «вкусил» российское гостеприимство и был настроен его продолжить на борту. Летчики дали согласие не только на продолжение гостеприимства, но и на его музыкальное сопровождение в исполнении мужского хора.

Не думаю, что можно еще раз срежиссировать и осуществить концерт художественной самодеятельности под луной и звездами в условиях введенных ограничений при пассажирских авиаперевозках. Под крылом самолета под слова песни А. Пахмутовой о «зеленом море тайги» проплывали смешанные леса провинции Онтарио с большим участием канадского клена, пребывавшего в багряном осеннем наряде.

Содержание образовательной программы и порядок ее выполнения были аналогичны тем, которые были реализованы в провинции Британская Колумбия. За-

*Под крылом самолета леса с канадским кленом. Онтарио, 1995 г.
Слева руководитель Лесной службы провинции Онтарио Барни Смит*

давались те же вопросы, имели место курьезные ситуации во взаимоотношениях российских участников, которые нет смысла воспроизводить в памяти из-за отсутствия занимательных и поучительных сюжетов.

В памяти осталась прогулка на катере по акватории озера Онтарио, принадлежащей Канаде. Помню, как резвилась, выпрыгивая из воды, крупная рыба, местообитанием которой могут быть только водоемы, не отравленные вредными стоками. В этой связи в моей памяти всплыли страницы учебника «Политэкономия», по которому я учился на первом курсе, где в качестве демонстрации варварского отношения капитализма к окружающей природной среде приводилось состояние североамериканских Великих Озер, отравленных ядовитыми стоками. Возможно, так оно и было в эпоху индустриализации, но во время нашего пребывания Великие Озера предстали туристической зоной с большой антропогенной нагрузкой, где удалось достигнуть целей устойчивого управления природными ресурсами.

На мой взгляд, информация, полученная участниками двух стажировок в странах Северной Америки, оказала определенное воздействие на формирование рыночно-ориентированных лесных отношений, что нашло отражение в Лесном кодексе РФ 1997 года. Назову эти новации, к сожалению, исчезнувшие из текста Кодекса в 2006 году.

Российские стажеры перед зданием Министерства природных ресурсов провинции Онтарио, Су Сент-Мари, 1995 г.

*На берегу Великих Озер.
Озеро Онтарио, Онтарио, 1995 г.
Справа – Михаил Кудряшов, руководитель
управления лесного хозяйства
Архангельской области*

Для доступа к использованию лесов были предложены четыре формы:

- ✓ аренда участка лесного фонда;
- ✓ безвозмездное пользование участком лесного фонда;
- ✓ концессия;
- ✓ краткосрочное пользование участком лесного фонда.

Лесной кодекс РФ 1997 года признал лесные конкурсы главным инструментом для выбора эффективных лесопользователей при аренде лесных участков и концессиях. К сожалению, по политическим причинам концессии как форму долгосрочного пользования лесами не удалось реализовать на практике, что не должно стать упреком для разработчиков Кодекса.

Для установления платы за древесину на корню был избран подход со «справедливым» распределением лесного дохода по трем ад-

ресам: федеральный бюджет, региональный бюджет и лесхозы. Все сказанное выше определяло маршрут движения лесного хозяйства к рыночной экономике. В этой связи мне поступила очередная заявка от Федеральной службы лесного хозяйства, организовать и провести «за океаном» еще одну стажировку по программе, ориентированной на изучение опыта США и Канады в сфере экономических отношений, обслуживающих государственно-частное партнерство в лесном секторе.

В силу разных обстоятельств был выбран штат Калифорния, где есть леса, находящиеся как в федеральной собственности, так и в собственности штата.

В феврале 1998 года российская делегация в составе 8 человек под моим научным руководством высадилась на Тихоокеанском побережье под тропическим грозным ливнем. Программа стажировки удачно сочетала:

- ✓ проведение теоретических занятий с двухдневным обучением в местном университете;

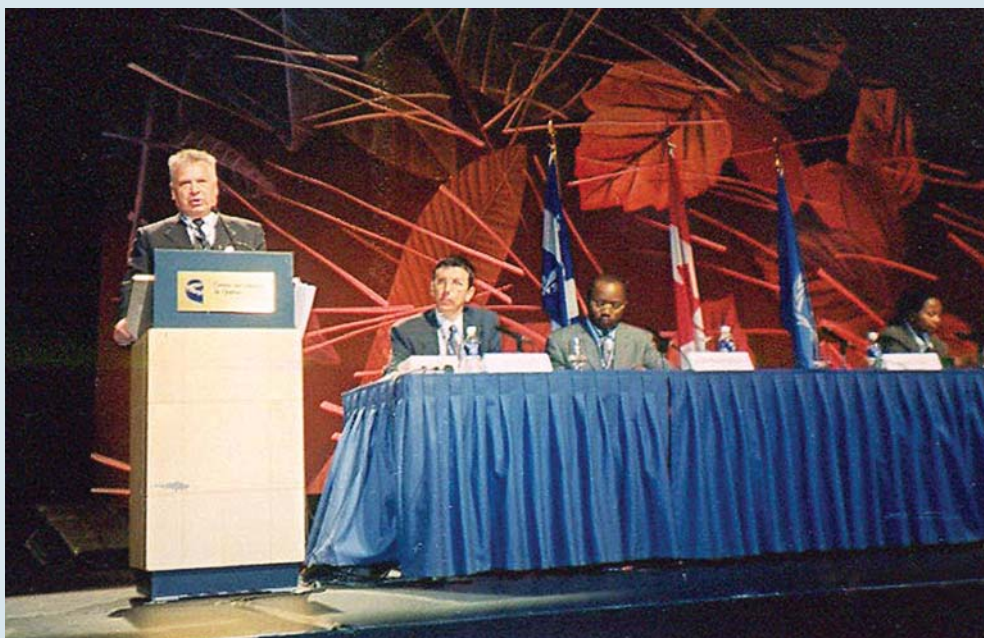
✓ посещение лесных объектов с практическими занятиями по лесной экономике, финансированию и планированию;

✓ культурные мероприятия, в частности посещение Голливуда.

Результаты стажировки стали предметом обсуждения на коллегии Федеральной службы лесного хозяйства с обнадеживающими планами по изменению подходов к установлению и распределению дохода от использования лесов.

Коллегия полагала, но Всевышний распорядился по-своему. В 1998 году экономик страны потряс финансовый кризис с крупномасштабной девальвацией национальной валюты, в 2000 году ликвидируется Федеральная служба лесного хозяйства. Наступило короткое, но опасное по своим последствиям безвременье в развитии экономических лесных отношений...

Моя последняя поездка за океан в Канаду уже с иной, не образовательной целью состоялась в сентябре 2003 года. Я был приглашенным ключевым докладчиком на пленарном заседании XII Международного лесного конгресса, проходившем в Монреале. Доклад имел следующее название «Через науку и образование к гармонии между лесом и обществом». Многочисленную российскую делегацию возглавлял тогда руководитель Федерального агентства лесного хозяйства Валерий Павлович Рощупкин, сделавший многое для развития международного сотрудничества в лесном деле.

*XII Международный лесной конгресс
Канада, Монреаль, 2003 г.*

*XII Международный лесной конгресс
Канада, Монреаль, 2003 г.
Слева Максим Лобовиков*

В 2009 году мне пришлось еще один раз пересечь Атлантический океан для участия в работе XIII Международного лесного конгресса, который проходил в Буэнос-Айресе.

Деловые отношения института с Министерством лесов провинции Британская Колумбия в сфере лесного образования через участие канадских специалистов в конференциях и семинарах продолжались вплоть до 2013 года. Последняя двухдневная конференция с приглашением на нее в качестве ключевых докладчиков трех руководителей структурных подразделений министерства состоялась осенью 2013 года и получила широкое освещение в средствах массовой информации.

Журнал «Дерево.RU» в двух номерах (4 и 5) за

2015 год поместил мою статью с хоккейным названием «Россия-Канада: с лесным счетом», где приведен сравнительный анализ российской и канадской систем лесоправления.

Результаты моего длительного сотрудничества с Канадой убедительно иллюстрируют слова песни Александра Городницкого:

*«Над Канадой небо синее,
Меж берез дожди косые.
Хоть похоже на Россию,
Только все же не Россия».*

Глава 13. ПОКОРЕНИЕ ЕВРОПЫ

*«Европейцы – непревзойденные эксперты во всем,
что касается умения, они превосходно знают как.*

*Мы же, азиаты, обладаем мудростью,
ибо понимаем зачем»*

Борис Акунин «Левифан»

Переход от централизованно планируемой экономики к рыночной, осуществленный в 1990-х годах, показал, что лесной сектор в сравнении с другими отраслями наиболее трудно и долго адаптируется к новому порядку государственного и хозяйственного управления лесами. Повинны в этом как несовершенная по рыночным меркам институциональная организация лесоуправления, сохранившая от советской системы механизмы администрирования, так и неэффективная кадровая политика, когда «проводниками» преобразований становились профессионально неподготовленные руководители и специалисты, своими действиями порой дискредитировавшие рыночную организацию лесных отношений.

В этой связи надо отдать должное руководителю Федеральной лесной службы Валерию Александровичу Шубину, который, осознав негативные последствия неэффективной кадровой политики, сделал многое, чтобы изменить ситуацию к лучшему, укрепив кадровый потенциал в системе лесоуправления. Реформы 1990-х годов дали свободу не только экономике, но и образованию, предоставив возможность осуществлять переподготовку кадров и повышение их квалификации по программам, учитывающим заинтересованность обучаемых в изучении опыта тех стран, достижения которых в области лесного дела хорошо известны.

Напомню читателям, что в это время были сняты ограничения на зарубежные командировки для российских граждан, включая тех, кто находился на гражданской государственной службе. Для меня как ректора остро встал вопрос: найти зарубежных партнеров, готовых участвовать в подготовке и реализации совместных образовательных программ на долговременной основе при минимально возможных расходах бюджетных средств на эти цели, учитывая неудовлетворительное состояние экономики в то время.

Стажировки российских специалистов в странах Северной Америки можно было рассматривать лишь как эксклюзив из-за их дороговизны.

Федеральной службой лесного хозяйства было принято политическое решение: при изучении зарубежного опыта в области лесных отношений ориентироваться на Финляндию, которая, в свою очередь, проявляла заинтересованность в пропаганде своих достижений в сфере технологий, науки и образования.

При поиске партнеров я убедился в искренности намерений не только финских, но и других зарубежных коллег при предоставлении России возможности изучать накопленный опыт в сфере функционирования рыночной экономики в лесном секторе. Существующей пропаганде, объявившей 1990-е годы «лихими», присущи попытки принизить роль и эффективность международного сотрудничества в

области лесной науки и образования в условиях открытого общества 1990-х – начала 2000-х годов. Такое сотрудничество объявляется сейчас чуть ли не распродажей интересов Родины или каких-то несуществующих государственных секретов и тайн.

Хочу заверить, что такая позиция несправедлива по отношению к тому, что было сделано институтом в целях познания и распространения зарубежного опыта в области лесных отношений.

Ориентация на Финляндию, как базовую страну для изучения зарубежного опыта, облегчала выполнение поставленной задачи тем, что к этому времени у меня сложились хорошие личные отношения с рядом финских коллег, занимавших видные позиции в органах государственной власти, научных и образовательных учреждениях.

Первый российско-финский семинар состоялся в институте в 1994 году. Для этой цели пришлось арендовать на стороне аудиторные помещения и гостиницу для проживания финских специалистов. В то время институт не располагал собственной материально-технической базой для проведения международных мероприятий. Семинар имел успех, признанный всеми его участниками, что послужило основанием для принятия решения о включении зарубежной стажировки специалистов в программу их профессиональной переподготовки с длительным (более 1 000 часов) сроком обучения.

Приняв такое решение, Валерий Александрович сделал профессиональную переподготовку (с включением в ее программу зарубежной стажировки) условием для создания кадрового резерва лиц, замещавших государственные должности руководителей и их заместителей в органах управления лесным хозяйством в субъектах Российской Федерации. Ежегодно по этой программе по очной форме проходили обучение 25 человек.

В течение 1990-х и 2000-х годов, до принятия Лесного кодекса РФ 2006 г., по программе профессиональной переподготовки в институте прошли обучение свыше 250 человек.

Ситуация изменилась в худшую сторону, когда Лесной кодекс РФ 2006 г. передал кадровую политику регионам. В последние годы выпуск специалистов по программе профессиональной переподготовки «Государственное строительство и управление» составляет от 3 до 5 человек.

Выводы очевидны, последствия ожидаемы...

Первую стажировку участников программы в Финляндии в 1997 году возглавил руководитель управления кадров и учебных заведений Рослесхоза В. А. Туркин. Примечательно, что эта стажировка была единственной за всю историю международного сотрудничества, когда все расходы финансировал российский бюджет в условиях, когда курс национальной валюты по отношению к доллару США был на отметке 6 рублей.

Финансовый кризис 1998 года с масштабной девальвацией национальной валюты резко осложнил условия проведения зарубежных командировок не в части политических ограничений, а в плане их финансового обеспечения. Шаг навстречу был сделан финской стороной, когда Министерство сельского и лесного хозяйства Финляндии приняло программу сотрудничества с Россией в области лесного

дела с десятилетним сроком действия. Базовой организацией сотрудничества в области лесного образования был выбран университет в Йозенсуу (в настоящее время – Университет Восточной Финляндии). Финансовые отношения в рамках этой программы складывались следующим образом. Финская сторона предоставляла образовательные услуги за счет бюджета программы. Все остальные расходы по транспорту, проживанию и питанию обучаемых были за счет российской стороны. Исключение было сделано только для преподавателей и учебно-методических работников института как партнеров по программе. Все расходы по обучению названного персонала взяла на себя финская сторона.

Опережая ход событий, скажу, что я до сих пор продолжаю сотрудничество с университетом в области лесной науки и образования.

Я был соруководителем при подготовке двух докторских диссертаций финских коллег. Специалисты университета, включая профессора Тимо Карьялайнена, принимали участие в выполнении научных работ института по экономике лесопользования с учетом опыта Финляндии.

В течение последних 15 лет университет приглашает меня для чтения лекций по теме «Лесная политика Российской Федерации» для магистров из университетов многих стран.

*Дорога к знаниям. Лесничество на стажировке. Финляндия, 1997 г.
Я – сзади в центре, слева – руководитель управления кадров Рослесхоза
Виктор Туркин*

В 1999 году, понимая финансовые сложности в реализации российско-финского образовательного проекта, финские коллеги предложили мне вместе с ними нанести деловой визит соседям-шведам, чтобы, по возможности, объединить усилия в сотрудничестве с Россией. Предложение было принято без раздумий.

Ночной паром доставил нашу компанию в Стокгольм, где я до этого времени не бывал.

Переговоры начались в Шведском лесном агентстве. В них участвовало много сотрудников, выразивших желание участвовать в образовательном проекте. Вопрос, как всегда в таких случаях, свелся к финансированию: где и как взять деньги, желательно «длинные». Была названа шведская организация, которая сотрудничает с развивающимися странами в области природопользования и экологии. Этой организацией было Шведское агентство по международному сотрудничеству (Sida), руководство которого по звонку приняло меня уже без участия финских коллег. Устранение финских коллег от переговоров, как это стало ясно позднее, характеризовало отношения между шведами и финнами, когда речь заходила о сферах влияния этих стран в международных делах. На мой взгляд, именно эта конкуренция сыграла главную роль в успешном завершении моих переговоров с руководством Sida.

По просьбе функционеров агентства я назвал проблемы, требовавшие решения для устойчивого развития лесного сектора России в условиях переходной экономики, поставив на первое место вопросы кадровой политики. Мои предложения по сотрудничеству в области лесного образования нашли не только понимание, но и, к моему удивлению, быстрое (в течение двух недель) решение в форме подготовки и реализации проекта, сторонами которого стали Шведское лесное агентство, которому Sida передавало финансовые средства, и институт. Именно эти две организации стали сторонами международного договора, который действовал в течение 10 лет. Сейчас в это трудно поверить, но тогда даже не потребовалось получение согласия учредителя – Федерального агентства лесного хозяйства – на сотрудничество с государственной структурой в Швеции, достаточно было уведомления по телефону.

Условия договора предписывали ежегодное составление и утверждение плана мероприятий и, как следствие, бюджета на их выполнение.

По моей просьбе главной задачей российско-шведского образовательного проекта стало участие шведской стороны в проведении стажировок российских специалистов, обучавшихся по программе профессиональной переподготовки «Государственное строительство и управление», о которой упоминалось ранее.

Участие шведов обеспечивалось:

- ✓ обучением в институте слушателей приглашенными высококвалифицированными специалистами из стран, изучение опыта которых было предусмотрено программой. Такое обучение получило название «теоретическая подготовка»;
- ✓ десятидневной стажировкой слушателей в странах-участницах проекта для изучения практического опыта ведения лесного дела с посещением предприятий и лесных объектов.

На начальном этапе странами-участницами проекта были Швеция и Эстония, через год к ним присоединилась Латвия.

Маршрут движения российских стажеров был следующий: самолет Москва – Стокгольм, международный люксовый автобус для поездки по территории Швеции, паром Стокгольм – Таллинн, люксовый автобус для поездок по территории Эстонии и Латвии, поезд Рига – Москва. Все транспортные расходы по названному маршруту, а также расходы на проживание в гостиницах и питание финансировал бюджет Sida, а точнее, шведские налогоплательщики.

Нетрудно оценить масштабы финансового вклада Швеции в укрепление кадрового потенциала лесного хозяйства России, если напомнить, что по представленному маршруту проследовали для получения знаний 10 групп общей численностью свыше 200 слушателей.

Первая стажировка российских специалистов прошла с моим участием в 2000 году. Состав участников стажировки был установлен Федеральным агентством лесного хозяйства буквально накануне его упразднения в мае месяце.

Чтобы поднять международный престиж проекта, шведская сторона предложила усилить его политический статус, включив в число участников представителей федеральных органов законодательной и исполнительной власти, чтобы в Стокгольме провести совместные парламентские слушания по развитию лесного сектора в наших двух странах. Это предложение вначале было встречено с энтузи-

*Стажировка в Швеции, 2000 г.
Руководители органов управления лесным хозяйством в субъектах РФ.
Я – в центре, справа – Марья Густафсон*

азмом, но потом, как это часто бывает в отношениях с властью предрасположенными, пошли отказы от участия в поездке по разным причинам. В конечном счете, в «политическую» группу вошли три сотрудника Минфина РФ, пять сотрудников Центрального аппарата Рослесхоза и... один депутат Государственной Думы.

Парламентские слушания в Стокгольме не состоялись.

Всеми признанным успехом в изучении зарубежного опыта проект обязан Шведскому лесному агентству, а именно – его генеральному директору, госпоже Марии Нурфалк. В этом статусе Мария приехала в Россию, встретилась с коллективом института, прочитала лекцию для слушателей и посетила Сергиево-Посадский опытный лесхоз.

С российской стороны успешной реализации проекта я во многом обязан руководителю Федерального агентства лесного хозяйства Валерию Павловичу Рощупкину. Несмотря на занятость, он принимал участие в семинарах, которыми обычно заканчивалось недельное обучение каждой из десяти групп в институте.

Проекту повезло: непосредственными его руководителями были высококвалифицированные сотрудники Шведского лесного агентства Берт-Аке Наслунд и Марья Густафсон.

*На торжественном ужине в городской ратуше Стокгольма. Стокгольм, 2001 г.
В центре генеральный директор Шведского лесного агентства
Мария Нурфалк*

Марья Густафсон заслужила особую признательность не только с моей стороны, но и со стороны всех сотрудников института и слушателей, прошедших обучение в нулевые годы. Она за время действия проекта в общей сложности выполнила учебную нагрузку в количестве более 700 часов, из которых более половины была представлена временем на руководство группами российских стажеров, сопровождая их по вышеназванному маршруту.

Марья – финка по национальности, шведка по гражданству – оказалась русской по душе. Все мероприятия проекта с участием Марьи оставили незабываемый след в памяти всех российских участников – от Чукотки, мечта посетить которую, к сожалению, не сбылась, до Калининграда, от Архангельска до Сочи.

Марья была в восторге от русской культуры, посещения театров и музеев. Истинное наслаждение доставляли ей русские песни. «Миллион алых роз» в исполнении Аллы Пугачевой стали ее любимой песней, своего рода ключом к «кладовой памяти» тех лет.

Марья предприняла попытку выучить русский язык, даже поступила на курсы в Санкт-Петербурге по программе с проживанием в русской се-

*Российско-шведский образовательный проект успешен. Пушкино, 2003 г.
В центре руководитель федерального агентства лесного хозяйства
В. П. Рощупкин, справа руководитель проекта Берт-Аке Наслунд*

мье. Думаю, что неуспех в этом деле был обусловлен исключительно ошибкой организаторов в подборе семьи...

Попытки Марьи демонстрировать некоторое знание русского языка зачастую приводили к курьезным эпизодам. Так полюбившуюся фразу «наливай» Марья часто применяла не по назначению, что, естественно, поднимало ее авторитет среди участников многочисленных застолий.

Марья оказалась хорошей ученицей, переняв опыт российских коллег по употреблению алкогольных напитков в тех местах, где это не разрешено. Этот опыт она продемонстрировала мне в кафе Стокгольма, где мы распили принесенную в дамской сумочке русскую водку.

Я и Ольга Михайловна были гостями на ее «даче», расположенной на маленьком острове в Балтийском море. В программу пребывания входили пешие прогулки, водная прогулка на катере и обязательно сауна. Одним утром к нашей компании присоединился молодой олень, который ощипывал как лакомство высаженные Марьей цветы.

В моей памяти «остров Марьи» – это выставочная модель гармонии человека с природой, где человек является лишь ее частью, а не хозяином.

*Шведский и финский образовательные проекты.
Слева – менеджер Шведского проекта Марья Густафсон,
в центре – менеджер финского проекта Лаура Кауппила*

Даже короткое пребывание на этом острове может заменить лекцию по экологическому воспитанию населения.

После окончания проекта Марья продолжала обучать шведов любить Россию, организуя специальные туры в Санкт-Петербург и Ленинградскую область для пенсионеров, в прошлом работавших в лесных организациях. Последним был тур в 2014 году, где объектом для посещения, наряду с достопримечательностями Санкт-Петербурга, были выбраны Линдуловская лиственничная роща и город Выборг.

За активную работу по приобщению населения к лесоуправлению в 2017 году Марья была удостоена государственной награды Латвии «Золотая шишка», которую вручил президент страны.

Российско-шведский проект не ограничивался участием зарубежных специалистов в проведении стажировки в институте и при выезде в другие страны. Большое внимание было уделено проведению региональных семинаров с участием в них зарубежных специалистов. Такие семинары состоялись в Вологде, Рязани, Владимире и даже на базе национального парка в Сочи.

Косвенным результатом российско-шведского проекта стало изучение опыта ведения лесного хозяйства в Прибалтийских государствах (Латвия, Эстония). Это

Передаем в полевых условиях зарубежный опыт регионам.

Владимирская область, 2004 г.

*Слева – Жанна Герасимова, Андрес Талиярв, Марья Густафсон,
крайний справа – Н. Д. Белоусов*

опыт был поучителен тем, что в этих странах на начало 1990-х годов были одинаковые с Российской Федерацией стартовые условия для проведения рыночных реформ. И у нас, и у них лесное хозяйство находилось на сметно-бюджетном финансировании, а субъектами лесных отношений были лесхозы, соединявшие в себе государственные и хозяйственные функции.

В самом начале политических реформ страны Прибалтики стали формировать лесную политику, опираясь на зарубежный опыт, которым охотно, даже иногда себе в ущерб, делились «страны-опекуны»: для Эстонии – Финляндия, Латвии – Швеция, Литвы – Дания и Норвегия. «Опекунство» в первую очередь предусматривало подготовку кадров, в основном из молодых амбициозных выпускников университетов, не имевших «советского» прошлого.

Российская Федерация, как было сказано в части II, при проведении политических преобразований, начала искать свои пути реформирования лесных отношений, игнорируя как северо-американскую модель государственно-частного партнерства, так и европейскую модель управления государственными лесами на базе государственных предприятий.

В начале 1990-х годов Прибалтийские государства «протестировали» у себя систему лесных отношений между государством и частным бизнесом, основанную на аренде. На это тестирование ушло менее 5 лет, чтобы отказаться от этой модели, убедившись в ее неэффективности. Через создание государственных лесных предприятий лесному хозяйству возвратили его доход.

В негласном соревновании между государственными лесными предприятиями в странах Европейского Союза в середине нулевых годов победителем было государственное акционерное общество «Леса Латвии», рентабельность которого превышала 40%.

Чтобы поделиться опытом, руководство акционерного общества во главе с Робертом Стрипниексом, амбициозным талантливым менеджером, организовало в 2005 году семинар с участием руководителей и специалистов государственных предприятий всех стран Евросоюза. На этом семинаре по приказу Рослесхоза мне было поручено представлять Российскую Федерацию. Обучающий семинар был проведен в необычном формате – на большом плоту, который двигался усилиями плотогонов по живописной реке Гауя, делая остановки для демонстрации лесных объектов.

Для того чтобы сделать опыт Латвии в устойчивом лесоправлении доступным для желающих его изучить в нашей стране, институт заключил с акционерным обществом договор о сотрудничестве. Согласно договору латвийские коллеги предоставляли консультационные услуги российским специалистам на безвозмездной основе, и самое главное, консультации проводились на русском языке с использованием терминологии из советского прошлого.

Образовательная стажировка в Латвии стала очень популярной как среди руководителей и специалистов госсектора, так и частного бизнеса. По результатам российско-шведского проекта в институте под моей редакцией было издано учебное пособие «Управление лесами в переходной экономике (опыт реформ в России и странах Балтии). Зарубежными авторами являются: Б. А. Наслунд и М. Густафсон

Изучаем опыт Латвии по ведению лесного хозяйства, река Гауя, Латвия, 2005 г.

– Шведское лесное агентство, А. Талиярв – Министерство экологии и природных ресурсов Эстонии, А. Мелниш – государственное акционерное общество «Леса Латвии». Пособие стало настольной книгой для всех, кто прошел обучение по российско-шведскому проекту.

Развитию российско-шведских отношений в области лесного образования способствовало избрание меня в 2000 году членом Шведской Королевской академии сельского и лесного хозяйства.

Участие в работе академии осуществлялось по двум направлениям, главным из которых было ежегодное церемониальное собрание членов академии, всегда проходившее в день именин Короля – 28 января. Собрания завершались торжественным ужином в голубом зале Стокгольмской ратуши, известном по аналогичным торжествам по случаю вручения наград нобелевским лауреатам. Процедура торжественного ужина была строго регламентирована. За ужином всегда присутствовал кто-нибудь из королевской семьи, иногда сам Король. Первый тост всегда был за здоровье Короля с соответствующим музыкальным сопровождением.

Мое участие в церемониальных мероприятиях давало возможность расширить круг знакомств не только со шведскими учеными, но и из других стран.

Наряду с церемониальными мероприятиями академия проводила международные конференции, на одной из которых я был ключевым докладчиком по проблеме формирования долгосрочного прогноза развития лесного сектора Российской Федерации.

В процессе реализации российско-шведского проекта мне удалось объединить его мероприятия с аналогичными действиями, выполняемыми в рамках государственной программы Финляндии по сотрудничеству в области лесного образования. И здесь нельзя не отдать должное представителю Министерства

*Шведская Королевская академия сельского
и лесного хозяйства,
Избрание членом академии, Стокгольм, 2001 г.*

сельского и лесного хозяйства Финляндии госпоже Лауре Кауппила, которая в течение короткого времени по сути дела превратилась в штатного сотрудника института.

Заслугой финских коллег стала передача нам опыта в области интерактивного обучения, превращающего практические занятия в диалоговые семинары, когда учителям и обучаемым предоставляется полная свобода для дискуссий. Кроме того, сотрудничеству с финскими коллегами в области лесного образования институт во многом обязан созданию новой формы обучения, а именно – деловых игр, позднее апробированных на федеральном и региональном уровнях.

Параллельно с сотрудничеством со скандинавскими и прибалтийскими странами институту удалось установить долгосрочные отношения с федеральным лесным научным центром в Гамбурге (Германия). Началом этих отношений стало мое знакомство с директором Центра господином Карстеном Торое, состоявшееся во время моей работы в исполкоме ИЮФРО. В разговоре с ним я использовал те же «дипломатические приемы», которые позднее способствовали появлению российско-шведского проекта. Но в отличие от Швеции, сотрудничество с которой в области лесного дела не зафиксировано историей, у меня было больше аргументов в пользу налаживания научного сотрудничества с Германией, ссылаясь на исторические факты, уходящие корнями в эпоху Петра Великого. Мои доводы оказались убедительными, и за нашей встречей последовали действия.

В этой связи нельзя еще раз не отметить, насколько благоприятной была международная обстановка для сотрудничества в области науки и образования в конце 1990-х и начале 2000-х годов.

По приглашению федерального центра в 1997 году в Германию приехала первая группа руководителей и специалистов лесного хозяйства, проходивших обучение в институте. Основу группы составляли директора лесхозов Республики Татарстан во главе с министром лесного хозяйства. Опыт Германии привлекал россий-

*На родине классического лесоводства
Земля Нижняя Саксония, Германия, 1997 г.
Справа – руководитель лесного департамента Вальтер Койфель*

ских специалистов прежде всего тем, что хозяйственные работы в государственных лесах выполняли государственные предприятия, по внешним признакам очень похожие на столь любимые директорами советские лесхозы. В то время и даже сейчас, по прошествии почти 30 лет, для многих руководителей лесного хозяйства будущее отрасли при отсутствии лесхозов воспринимается с трудом.

Изучение опыта управления государственными лесами в части хозяйственной деятельности стало главной целью стажировок российских специалистов в Германии, которые в основном проходили на территории так называемых «восточных» земель, ранее принадлежавших ГДР. Это позволяло российским специалистам изучить процесс становления рыночных отношений, а в итоге – понять различие в деятельности бывших советских лесхозов и государственных предприятий в Германии.

Успешно проведенная стажировка первой группы, в состав которой входил работавший министром лесного хозяйства Республики Татарстан Алмас Аминович Назиров, стала основанием для заключения долгосрочного соглашения о сотрудничестве между институтом и федеральным лесным центром Германии, которым предусматривался ежегодный обмен делегациями лесных специалистов.

Программу пребывания немецких специалистов в России разрабатывал институт с учетом их пожеланий в части выбора региона и лесных объектов. Про-

грамма стажировок российских специалистов в Германии была практико-ориентированной. Занятия на лесных объектах с демонстрацией новых технологий, методов интенсивного ведения лесного хозяйства занимали основное место в бюджете времени.

За десятилетний срок действия российско-германского проекта опыт Германии в части эффективного ведения лесного хозяйства стал достоянием более 100 российских специалистов. За этот период между организаторами мероприятий с обеих сторон сложились доверительные дружеские отношения. Во многом я отношу этот результат проекта к заслугам его руководителя с немецкой стороны господина Карстена Торое.

Я познакомился с профессором Торое в рабочей группе ИЮФРО по вопросам лесной экономики. Мы как-то сразу прониклись доверием друг к другу и обязательностью при выполнении обещаний.

В течение реализации проекта я был гостем в его доме в Гамбурге. Наша беседа о прошлом, настоящем и будущем отношений между народами России и Германии длилась так долго, что его супруга прерывала разговоры приглашением на кофе и на прослушивание музыкальных этюдов, которые она исполняла на пианино.

*После отлива следует прилив.
Я и Карстен Торое (справа) уверены в этом.
Северное море, Германия, 2003 г.*

Когда я, отвечая на вопросы, рассказывал о годах моего детства за годы оккупации фашистской Германией, Карстен, рожденный после войны, пребывал в состоянии личной вины за содеянное.

Наутро он повез меня на экскурсию в музей, расположенный в пригороде Гамбурга. Музей создан на базе завода, который во время войны был трудовым лагерем, где работали советские военнопленные, производя военную продукцию.

Музей демонстрировал все ужасы фашистских концлагерей во имя того, чтобы история не повторилась.

При посещении музея у меня было сложное душевное состояние: с одной стороны, очевидность вины немецкого фашизма, с другой стороны, мое доброе отношение к Карстену, которого не покидало чувство раскаивания от увиденного.

На другой день Карстен и я стали гостями его брата-фермера, который продемонстрировал эффективность немецкого сельского хозяйства, управляясь со стадом молочных коров. В моей памяти сразу возникли картинки колхозного двора на моей малой родине, где такое стадо обслуживали 7 работников при дневном надое молока на корову около 7–10 литров. Рожденный от земли, я не мог избавиться от такого рода сравнений при каждом посещении Германии.

После ухода Карстена на другую работу и в силу других обстоятельств российско-германский образовательный проект прекратил свое существование к большому разочарованию организаторов с обеих сторон.

Наряду с руководством образовательным проектом у меня было длительное по времени сотрудничество с немецкими организациями в области лесной экономики, начатое еще в советское время. Партнером по сотрудничеству был лесной научно-исследовательский институт в Эберсвальде, небольшом городке недалеко от Берлина, вошедшем в историю как место создания ИЮФРО 125 лет назад. Предметом совместных научных исследований была экономическая оценка лесных ресурсов с учетом экологических и социальных факторов.

Известность меня как ученого-экономиста среди немецкой научной общест-венности, активная работа в международных лесных организациях, в том числе на юбилейном конгрессе ИЮФРО в 1992 году, стали основанием для включения моей кандидатуры в список иностранных ученых, претендовавших на избрание лауреа-том премии Пфайля фонда Топфера в Германии. Это событие требует дополнитель-ных разъяснений.

Семья Топферов – крупные землевладельцы, ведущие высокодоходное интен-сивное зерновое сельское хозяйство на севере Германии. Семья Топферов осуще-ствляет меценатскую деятельность через учрежденный фонд, используемый для премирования отечественных и зарубежных ученых и деятелей культуры. Мне из-вестны двое лауреатов из бывшего Советского Союза и России, получивших пре-мии за достижения в области литературы. Это – поэтесса Белла Ахмадулина и поэт Юзеф Алешковский, на церемонии вручения премии которому в Москве я присут-ствовал.

Профессор В. Л. Пфайль (Wilhelm-Leopold-Pfeil) (1783–1859) – немецкий ученый, основоположник учения о лесе – создал в Германии первое лесное учебное заведение. Вручение мне диплома лауреата и денежной премии проходило в июне 2000 года в зале заседаний ученого совета лесного института в Эберсвальде, где в свое время преподавал профессор Пфайль. Непосредственному акту вручения диплома лауреата предшествовало мое выступление с выражением признательности за оценку моего высокого вклада в лесную науку.

Диплом лауреата вручала внучка основателя фонда – госпожа Бирте Топфер.

Материальное значение денежной премии было усилено предоставлением возможности один раз в два года проводить семейный десятидневный отдых в бывшем

родовом имении Топферов в местечке Зиген, расположенном рядом с Балтийским морем на земле Шлезвиг-Гольштейн. Я с женой воспользовался этой возможностью трижды. Дни, проведенные в гармонии с природой, при полной беззаботности и соблюдении режима (Deutsche Ordnung), стали для меня незабываемыми. Дело в том, что ни раньше, ни позже я никогда не отдыхал, используя услуги домов отдыха и санаториев.

Соседями по отдыху были лауреаты всего набора премий за все годы их вручения из Германии и других европейских стран. Каждый день, когда позволяла погода, мы ходили на море, пересекая поле с колосющейся пшеницей с особым знакомым с детства запахом «созревающих хлебов».

Глядя на это поле, память тут же воспроизводила строчки из любимого стихотворения М. Исаковского:

Диплом лауреата премии В. Л. Пфайля вручает внучка основателя фонда госпожа Бирте Топфер Эберсвальд, 2000 г.

*«Как хорошо, колосья раздвигая,
Сюда ходить вечернею порой.
Стоит стеной пшеница золотая
По сторонам дорожки луговой».*

В главном доме была большая библиотека с набором книг на разных языках, приобретенных за всю историю семейством Топферов. В этом же здании была комната с пианино, которое использовалось заезжими музыкантами, включая лауреатов музыкальной премии и студентов консерваторий, получавших стипендии от фонда Топфера.

Я обзавелся друзьями, в основном гражданами Германии. Каждый вечер заканчивался для нас беседами за столом с рейнским вином, и здесь на помощь приходил мой доморощенный немецкий язык.

Это были 2000-е годы, когда никто не мог подумать, как изменится политический климат в Европе, а следовательно, атмосфера для общения людей. И сейчас я получаю от администрации фонда информацию о событиях и людях, в них участвующих, при финансовой поддержке немецких меценатов.

Моя известность в профессиональном лесном сообществе Германии привела к приглашению меня к чтению лекций во Фрайбургском университете по программе магистратуры «Леса и лесное хозяйство России». Подтвердился закон диалекти-

*На отдыхе в родовом имении основателя фонда Топфера.
Зиген, земля Шлезвиг-Голштейн, Германия, 2004 г.*

ки: в мире все развивается по спирали. Исполнилось то, что не смогло исполниться в 1968 году, когда не состоялась моя стажировка в Западной Германии из-за событий в Чехословакии.

Имея за плечами большой опыт преподавательской работы, я не встречал раньше студентов с такой мотивацией получения знаний в той области, которая вряд ли им пригодится в реальной карьере. На мой вопрос, зачем нужны знания о лесах в стране, удаленной от Фрайбурга на столь значительное расстояние, студенты отвечали: «Скоро мы будем жить в единой Европе с общим рынком труда».

Это был 2005 год. Такого оптимизма у студентов, обучавшихся в университете Восточной Финляндии в 2017 году по аналогичной программе, я уже не увидел, хотя среди студентов были и немцы.

Мое возвращение в центральную Европу не ограничилось пребыванием в Германии. В 2002 году я был избран почетным доктором Зволенского технического университета в Словакии. Это событие было подготовлено длительным научным сотрудничеством в области лесной экономики, в рамках которого под моим руководством были подготовлены и защищены сотрудниками университета в 1980-х годах две кандидатские диссертации.

В 1991 году на ученом совете лесотехнической академии защитил докторскую диссертацию по экономике Иван Коленка, вошедший в круг моих близких друзей,

Избрание почетным доктором Зволенского технического университета, Словакия, 2002 г.

несмотря на то что все встречи с ним в России и Словакии проходили в горячих дискуссиях на политические темы, главной из которых было место славянства в Европе. В этом вопросе я придерживался позиции А. С. Пушкина, известной по стихотворению «Клеветникам России», где поэт писал: «спор славян между собой домашний старый спор, уже взвешенный судьбою».

Много раз мне пришлось бывать в Венгрии, где моим другом был ректор Шопронского университета Андраш Винклер, человек с большим чувством юмора и внутренней свободы, присущей венграм в большей степени, чем славянам.

В памяти сохранился случай, когда мы продемонстрировали гражданам Западной Европы «преимущества» нашего длительного пребывания в социализме.

В начале 1990-х годов в рамках мероприятий ИЮФРО в пригороде Кракова проходило заседание рабочей группы с нашим участием. Проживали мы в отеле с ограничением по времени на пользование холодной и горячей водой. Имевшие длительный опыт проживания в странах в условиях «экономики дефицита» я и Андраш использовали душевые кабины ранним утром, понимая, что при ограниченных ресурсах важно быть первыми в очереди. С каким превосходством мы смотрели тогда на неумытых коллег из Западных стран... Пустяк, а так было приятно.

*Россия – Испания: общие интересы в лесном деле. Барселона, 1997 г.
Слева – профессор Эдуардо Рохас*

У меня сложились дружественные отношения с лесными профессионалами в Польше, об опыте которой в управлении государственными лесами я писал во многих статьях.

Дважды я выступал с публичными лекциями в университетах Испании, где приобрел коллегу-единомышленника в лице будущего директора лесного департамента ФАО в Риме господина Эдуардо Рохаса.

Так сложилась моя биография, что с деловыми поездками я был в большинстве европейских стран за исключением государств Бенилюкса, Греции и стран на территории бывшей Югославии. Но цели этих поездок были разные, многие из них были определены моим участием в деятельности международных лесных организаций (глава 14).

Глава 14. ПОД МЕЖДУНАРОДНЫМ ЗОНТИКОМ

*«Обозначить разногласия и остаться друзьями.
Не та ли суть цивилизованного существования»
Иэн Максен «Амстердам»*

Председатель Госкомлеса СССР академик Александр Сергеевич Исаев предложил мне принять участие в заседании исполкома Международного союза лесных научных организаций (ИЮФРО), которое состоялось в Вене весной 1990 года, на предмет «смотрин» в качестве кандидата на членство в этом административном органе при условии избрания на конгрессе.

Будучи действительным членом Академии наук, Александр Сергеевич высоко оценивал роль международного сотрудничества в развитии лесной науки, поэтому добился согласия исполкома включить в его состав представителя от Советского Союза. До этого времени лесная наука в Советском Союзе развивалась обособленно, вне членства в международных организациях в формате двухстороннего сотрудничества с приоритетами стран, входивших в Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

В процессе «смотрин» я получил информацию о моих будущих обязанностях в качестве члена исполкома – представителя лесной науки Советского Союза, потенциал которой в то время определяли более 50 научных и образовательных организаций.

Утверждение меня членом исполкома состоялось на конгрессе ИЮФРО осенью 1990 года в Монреале. Получив мандат, я начал активную работу по вовлечению научных и образовательных организаций в деятельность рабочих групп по различным направлениям науки. Деятельность ИЮФРО институционально организована так, что основным ее звеном являются рабочие группы, создаваемые на добровольной интернациональной основе. Руководителями рабочих групп становятся ведущие ученые с мировыми именами. Основным источником финансирования являются ежегодные взносы (в долларах США) организаций, получивших членство в ИЮФРО. Требование платить взносы в конвертируемой валюте в условиях, когда ее хождение было под запретом, усложняло процесс вовлечения советских организаций в международное сотрудничество. Именно финансовые проблемы сделали мое членство в исполкоме неполноценным с точки зрения возможности участия в многочисленных международных мероприятиях, прежде всего заседаниях исполкома, которые проходили ежегодно в разных странах, в том числе в таких экзотических для советских людей, как Австралия, Малайзия и Перу.

При свободе выезда из страны и отсутствии проблем с получением въездных виз мне не удалось посетить названные страны. Особенно сожалею о несостоявшейся командировке в Австралию, где могла проживать моя двоюродная сестра, угнанная во время войны в Германию и, судя по непроверенным данным, счастливо устроившая свою жизнь на пятом континенте.

В начале моего членства в исполкоме командировочные расходы оплачивали спонсоры, что позволило мне принять участие во всех мероприятиях юбилейного конгресса ИЮФРО в честь 100-летия образования в сентябре 1992 года в Эберсвальде.

К сожалению, именно спонсорское финансирование моего участия в работе конгресса не позволило мне своевременно покинуть Германию и приехать на похороны отца, для чего нужно было поменять не только рейс, но и авиакомпанию.

Более многочисленным было представительство российских ученых на конгрессе ИЮФРО, состоявшемся в 1995 году в финском городе Тампере, где я уже сложил свои полномочия члена исполкома, оставшись соруководителем рабочей группы по переходной экономике.

Наиболее значимым результатом моего участия в работе исполкома стало расширение круга лесных профессионалов и географии их деятельности. Записная книжка с адресами и телефонами при отсутствии цифровой памяти распухла: зарубежные поездки с оплатой за счет приглашающей стороны стали занимать большое место в бюджете рабочего времени (около 10 командировок в год в 1990-е и 2000-е годы).

В рамках реализации российско-финляндского проекта по лесному образованию у меня сложились деловые отношения с администрацией созданного в

*Исполком Международного союза лесных научных организаций,
Тампере, Финляндия, 1995 г.
Я – первый слева во втором ряду*

1993 году Европейского института леса. Уже на стадии создания института его будущие директора – профессор Б. Сульберг (Норвегия) и доктор наук Р. Пайвинен (Финляндия) – привлекали меня к формированию научной тематики, которая позволила бы создать условия для участия российских научных лесных организаций в международных проектах. В отличие от ИЮФРО Европейский институт леса при его создании получил статус неправительственной организации с головным офисом в Йоэнсуу (Финляндия), получавшим финансирование из трех источников:

- ✓ ежегодный грант, предоставляемый правительством Финляндии;
- ✓ научные проекты, выполняемые за счет бюджета Европейского Союза;
- ✓ взносы организаций, имеющих членство в институте.

Учредителем института наряду с Финляндией являются европейские страны, получившие соответствующий мандат от своего органа законодательной власти.

Вопросы правового статуса, в котором функционирует институт, его управление и финансирование решаются на ежегодном собрании представителей стран-учредителей. Страны-учредители не имеют перед институтом финансовых обязательств по уплате взносов. Как уже было сказано, эта обязанность возлагается на организации, оформившие членство в институте.

Административные функции в институте выполняют его директор и правление, члены которого избираются на собрании стран-учредителей. В 1999 году на

*Заседание правления Европейского института леса,
Бордо, Франция, 2001 г.*

собрании в Цюрихе по представлению дирекции я был избран членом правления на срок 6 лет. Мое членство в правлении института сопровождалось следующими обязательствами:

- ✓ участием в ежегодном собрании представителей научных организаций с оценкой результатов выполненных ими научных работ и утверждением плана научной деятельности института на последующие годы;
- ✓ ежегодным участием в заседании правления института по результатам аудита его финансовой деятельности.

Собрания по формированию научного «портфеля» института проводились каждый год в одной из стран-учредительниц на базе лесной научной или образовательной организации. За время моего членства в правлении Европейского института леса гостеприимными хозяевами были лесные организации в следующих странах: Дания (2000), Франция (2001), Ирландия (2002), Португалия (2003) и Великобритания (2004).

Гостеприимство хозяев особенно проявлялось во время обязательно предусмотренного программой посещения лесных объектов, где демонстрировались национальные достижения в области ведения лесного хозяйства.

В отличие от моего членства в исполкоме ИЮФРО все расходы по зарубежным командировкам для участия в ежегодных собраниях оплачивались за счет бюджета

*Лесная наука: от Уральских гор до Атлантического океана
Португалия, 2003 г.*

В центре – профессор Биргер Сольберг, Норвегия

та института. Во всех командировках в названные выше страны меня сопровождала жена. Мне удалось так спланировать время командировок, что 2–3 дня оставалось для туристических целей.

Финансовые результаты деятельности Европейского института леса подводились на ежегодном заседании правления в головном офисе в Йоэнсуу.

За тридцать лет сотрудничества с лесными организациями Финляндии и членства в Европейском институте леса я приезжал в этот небольшой уютный городок в Восточной Финляндии с населением около 30 тысяч человек и международным аэропортом с рейсами в столицы европейских государств более 30 раз. Прогуливаясь по улицам этого городка, посещая его магазины, я почти всегда слышал приветствия его жителей, кто был знаком со мной по образовательным и научным делам.

Маршрут следования до Йоэнсуу по железной дороге поездом «Лев Толстой» из Москвы с пересадкой на станции Куовала я готов выполнить с закрытыми глазами.

Закономерен вопрос: что удалось и что не удалось сделать для российской науки за время моего членства в правлении Европейского института леса?

Не удалось выполнить главную задачу – сделать Российскую Федерацию государством – учредителем Европейского института леса через принятие соответствующего документа парламентом – Государственной Думой. Несмотря на благоприятный международный климат в начале 2000-х годов и поддержку руководителя Федерального агентства В. П. Рошупкина Российская Федерация до сих пор не является учредителем Европейского института леса.

Я не вижу за этим несостоявшимся решением политической причины или какого-то иного умысла. Как уже не раз упоминалось в эссе, развитие лесного сектора в России не вошло в число приоритетных задач экономики страны.

*Лондон, 2004 г.
Жена – Ольга Михайловна*

Мне удалось привлечь к выполнению международных лесных проектов целый ряд российских научных и образовательных учреждений и даже содействовать созданию филиала института на базе Санкт-Петербургского лесотехнического университета (бывшей академии), к сожалению, не получившего адекватного финансирования с российской стороны.

Как следствие шестилетнего участия в деятельности института европейское лесное хозяйство предстало передо мной во всем многообразии форм и методов его организации, что до настоящего времени позволяет мне использовать копилку знаний и опыта для консультирования тех, кто справедливо считает, что лучше учиться на чужом опыте, на чужих ошибках. В настоящее время отношения между Европейским институтом леса и российским лесным научным сообществом практически отсутствуют, что, на мой взгляд, не на пользу российской лесной науке.

Дело в том, что научный потенциал лесного сектора европейских стран в суммарном исчислении неизмеримо выше, чем в России. И дело не только в объемных показателях, но и, в первую очередь, в инновационных технологиях научных исследований с учетом многофункциональной роли лесов в экономике.

В отставании экономической науки в области планирования и моделирования экономических отношений я убедился, принимая участие в международных проектах под эгидой Всемирной продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН), о деятельности которой я впервые узнал, работая с книгами и журналами в публичной библиотеке во время аспирантуры.

ФАО была создана в послевоенном 1945 году для борьбы с голодом. ФАО выступает в качестве форума, где развитые и развивающиеся страны на равных обсуждают и согласовывают политические решения в сфере продовольственной безопасности по трем видам деятельности: сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыбководство. Российская Федерация присоединилась к уставу ФАО в 2006 году, хотя Советский Союз был в числе основателей этой международной организации.

Путь к этой организации за три года до присоединения к ней Российской Федерации показал мне бывший аспирант, в прошлом гражданин ГДР, Зассе Фолкер. Под моим научным руководством Фолкер защитил кандидатскую диссертацию, будучи до этого выпускником инженерно-экономического факультета лесотехнической академии. Какое-то время до объединения Германии Фолкер работал в лесном институте в Эберсвальде. После объединения Германии лесной институт в Эберсвальде стал филиалом федерального лесного центра в Гамбурге во главе с профессором К. Торое.

В поисках карьерного роста Фолкер уволился из федерального центра и перешел на работу сначала в Комитет по лесу Европейской экономической комиссии ООН в Женеве, а затем – в региональное отделение ФАО по странам Восточной Европы и СНГ с офисом в Будапеште. Именно путем взаимодействия с этим отделением в первой половине 2000-х годов началось мое длительное сотрудничество с ФАО, получившее высокую оценку награждением меня в 2006 году серебряной медалью.

Взаимодействие осуществлялось по двум направлениям:

✓ мое личное участие в качестве докладчика на конференциях и в семинарах, проводимых в странах с переходной экономикой;

✓ привлечение института к выполнению проектов за счет бюджета региональных отделений ФАО. Наиболее успешным проектом, получившим высокую оценку на семинаре в Анталии (Турция), была разработка лесной политики в странах Средней Азии и Закавказья.

В 2005 году при содействии Фолкера я посетил головной офис ФАО в Риме, расположенный в старом городе в полукилометре от Колизея. Это было мое первое посещение Рима, оставившее неизгладимое впечатление от всего увиденного и, прежде всего, от желания и умения итальянцев сохранять в памятниках и архитектуре свою многовековую историю.

С присоединением Российской Федерации к уставу ФАО в администрации Департамента лесоматериалов и лесного хозяйства появился российский представитель, которым стал мой бывший аспирант – Максим Лобовиков (племянник Т. С. Лобовикова). После защиты диссертации Максим некоторое время работал в лесотехнической академии, но основной карьерный рост Максима определила его международная деятельность. Пройдя научную стажировку в университетах США, он с 1993 по 2000 год занимал научные должности в лесных организациях Финляндии, включая Европейский институт леса. С 2000 по 2007 год он был директором экономической программы Международной организации по бамбуку и ротану ИНБАР (Пекин). Благодаря участию Максима при организационном, методическом

*Все дороги ведут в Рим, 2012 г. Проект ФАО ООН
«Прогноз развития лесного сектора Российской Федерации до 2030 года»*

и финансовом содействии ФАО в 2011–2012 годах был выполнен проект «Прогноз развития лесного сектора Российской Федерации до 2030 г.», руководство которым российская сторона возложила на меня.

Это был уникальный случай, единственный на моей памяти, когда исполнители проекта, не обремененного финансовыми обязательствами перед государством, получили полную свободу для представления идей и стратегических решений в их многовариантной постановке. На добровольной основе авторами прогноза стали 22 ученых и высококвалифицированных специалистов, представлявших органы государственной власти, частный бизнес, научные и общественные организации.

К сожалению, срок выполнения проекта был ограничен одним годом, ограничены были и финансовые средства, что не позволило использовать в прогнозных оценках оптимизационные модели, которые являются главным инструментом долгосрочного планирования развития лесного сектора в странах Европы и Северной Америки.

В качестве научного руководителя проекта я представлял его результаты на заседании Комитета лесного хозяйства ФАО в Риме осенью 2012 года, которые вызвали большой интерес. Материалы прогноза в том же году были представлены Европейской Экономической Комиссии ООН в Женеве.

Как это часто бывает в последнее время с экономическими новациями, органы государственной власти в сфере лесных отношений отказались следовать международным стандартам стратегического планирования с использованием инструментария рыночной экономики, заменив их методами из арсенала директивного планирования в условиях не подлежащего реформированию лесного законодательства. Объяснение этой ситуации, характеризующей кризис лесной экономической науки, дано в главе 10 части II.

На основе моих попыток привлечь зарубежный опыт в практику лесоправления, очевидным стал факт, что сдерживающим фактором на этом направлении является существующий кадровый потенциал в лесном деле. Это обстоятельство стало обоснованием моего предложения продолжить сотрудничество с ФАО через подготовку и реализацию образовательного проекта. К моему удивлению, проект получил поддержку как с российской стороны, так и со стороны ФАО, несмотря на то что такие проекты являются инструментом оказания международной помощи только развивающимся странам.

Процедуры запуска проекта оказались довольно обременительными по времени, однако в 2012 году проект с названием «Укрепление кадрового потенциала региональных лесных администраций Российской Федерации» был подписан двумя сторонами и начал движение.

Приоритетом укрепления кадрового потенциала признавалось совершенствование организации среднего профессионального лесного образования и подготовки рабочих кадров. И здесь, как это уже случалось много раз, планируемую ситуацию изменили внешние непредсказуемые решения: учреждения среднего профессионального лесного образования были выведены из-под юрисдикции федеральных органов власти и переданы в управление регионов. И, как следствие,

проект потерял задуманную конструкцию и был отменен. Проект можно было переориентировать на высшее лесное образование, но российская сторона не выразила ни желания, ни готовности сделать это.

В 2015 году мое сотрудничество с ФАО изменило направление: федеральные органы государственной власти рекомендовали мне войти в состав группы экспертов высокого уровня Комитета ООН по всемирной продовольственной безопасности. Перед экспертами была поставлена задача – в течение двух лет подготовить доклад с названием «Устойчивое лесное хозяйство: вклад в продовольственную безопасность и питание». Обязанности каждого из экспертов в плане представления материалов в доклад были определены на первом заседании рабочей группы, которое состоялось в июле 2015 года в Кембридже (Великобритания).

Я с большим энтузиазмом принялся за эту новую работу, пытаюсь сразу учесть в докладе интересы Российской Федерации, леса которой располагают огромными пищевыми ресурсами и другими полезностями.

Приступая к работе, мне стали понятны мотивы постановки данной проблемы на глобальном и региональном уровнях. Это обусловлено:

- ✓ наличием по оценке ФАО ООН на земном шаре около 800 миллионов людей, живущих за чертой бедности в условиях хронического голода с суточным потреблением продовольствия на сумму около двух долларов США;

*Группа экспертов комитета ООН по продовольственной безопасности
Кембридж, Великобритания, июль 2015 г.*

- ✓ сокращением пригодных для сельскохозяйственного производства земель в результате изменения климата, природных катастроф и других негативных явлений техногенного характера, происходящих не без участия человека;
- ✓ продолжающимся, несмотря на ряд вводимых ограничений по рождаемости в отдельных странах, рост народонаселения, численность которого к 2050 году превысит 9 миллиардов человек;
- ✓ происходящими изменениями в структуре доходов населения с приоритетом их расходования на улучшение питания через расширение разнообразия пищевых продуктов (природные белки и углеводы, минералы, витамины и т.д.).

Сказанное выше вселило в меня огромный энтузиазм, основанный на оценке возможного вклада лесов России во всемирную продовольственную безопасность. Я представил информацию, в основном из литературных источников, демонстрирующую лидирующее положение лесов России по следующим направлениям их использования в целях продовольственной безопасности:

- ✓ производство пищевых продуктов путем заготовки дикорастущих ягод, грибов, фруктов, орехов;
- ✓ предоставление лесных земель для заготовки кормов для домашних животных и выпаса скота;
- ✓ использование лесных угодий для развития пчеловодства и нужд охотничьего хозяйства с последующим производством мяса и дичи;
- ✓ улучшение здоровья населения через предоставление услуг лесной рекреации;
- ✓ восстановление действующих или создание новых лесных насаждений для защиты сельскохозяйственных земель от негативных климатических и погодных условий (засухи, суховеи и т.п.).

Мое участие в подготовке доклада проходило в дистанционном взаимодействии со всеми экспертами с периодичностью один раз в неделю в удобное для всех время, где-то в районе 15 часов по Гринвичу. Рассмотрение результатов проекта было проведено в 2016 году на заседании рабочей группы в Коста-Рике без моего физического участия, но при этом я приглашался к обсуждению отдельных вопросов дистанционно. Конечный доклад по оценке вклада лесного хозяйства во всемирную продовольственную безопасность был представлен Комитету ООН в октябре 2017 года.

Мое двухлетнее участие в работе группы экспертов по продовольственной безопасности значительно расширило мои познания в этой области, ранее не привлекавшей достаточного внимания в рамках лесной политики. Это позволило мне выступать с квалифицированными докладами по данной проблеме на парламентских слушаниях в обеих палатах Федерального собрания Российской Федерации, на разного рода конференциях и семинарах. И здесь мой первоначальный энтузиазм сменился разочарованиями из-за невозможности повлиять на принятие законодательных и административных решений, увеличивающих вклад российского лесного хозяйства во всемирную продовольственную безопасность.

Мне не удалось вывести сбор грибов и ягод из системы арендных отношений, не удалось освободить население от нормирования объемов заготовки и сбора ди-

корастущих при посещении лесов, не удалось убедить власти в правоте постулатов рыночной экономики, относящих пищевые ресурсы, равно как и рекреацию, к не-оцениваемым полезностям леса.

Моя международная деятельность под «зонтиком» ФАО постепенно перемещалась из Рима в Женеву – на площадку ООН во Дворце Наций.

Моему участию в работе Комитета по лесному хозяйству Европейской экономической комиссии предшествовали два события из прошлых посещений Женевы – прекрасного во всех отношениях города.

Мое первое посещение Женевы состоялось летом 1999 года, когда мы с женой были гостями Фолкера Зассе, который работал в Комитете по лесоматериалам Европейской экономической комиссии, а проживал с семьей в более дешевой по стоимости жизни Франции.

Незабываемой для нас обоих осталась организованная хозяевами двухдневная туристическая программа, в первый день включавшая прогулку по набережной Женевского озера, посещение старого города, а на второй день – поход в горы на территории Франции с подъемом на высоту, где мы оказались в прохладных объятиях облаков с их фантастической конфигурацией. В первый день Фолкер провел с нами экскурсию по комплексу зданий, расположенных во Дворце Наций, где размещается штаб-квартира ООН.

Особое впечатление произвела прогулка по парковой зоне с разгуливающими на свободе павлинами, где функции газонокосилок выполняют завозимые вахтовым методом стада овец.

Второе посещение, в отличие от первого, было далеко не таким романтичным на его начальной стадии. Я прилетел в командировку в Женеву в декабре 2002 года для участия в международной конференции, организованной Форумом ООН по лесам с приглашенным докладом «Экономические основы глобализации лесной политики». Экспресс доставил меня на железнодорожный вокзал в Женеве. Я вышел на привокзальную площадь, чтобы определить маршрут пешего движения до гостиницы, находившейся на расстоянии около 500 метров. Из короткого раздумья меня вывело прикосновение какого-то предмета к верхней одежде в области спины. Я обернулся. Сзади стоял незнакомый мужчина с африканской, но не негритянской внешностью, который демонстрировал мне клочок белой бумаги с какими-то бурыми пятнами, убеждая, что носителем этих пятен является моя верхняя одежда. Импульсивно левой рукой я взял клочок бумаги, тем самым оставив без контроля сумку-портфель, стоящую на чемодане.

Операция длилась секунды: произошел размен клочка бумаги на сумку-портфель, исчезнувшую с участием еще одного незнакомца. В сумке находились материалы конференции с адресом гостиницы, очки и лекарства, главным из которых были средства, нормализующие давление. Замечу, что к этому времени я уже был гипертоником с большим стажем.

В результате бессонной ночи, проведенной в гостинице, гипертонический криз тут же дал о себе знать. Обстоятельства отягощались тем, что обращение к аптекам для приобретения медицинских препаратов было бессмысленно в силу существующих правил отпуска лекарств в зарубежных странах.

Надежды на изменение ситуации появились, как только я увидел среди участников конференции моего давнего еще с советских времен приятеля, профессора Хельсинского университета Марку Симула, имевшего в то время широкую международную известность в области лесной политики. Марку тут же, узнав про мои беды, взял меня на поруки, передал медицинскому персоналу специализированной ооновской поликлиники. Через 2–3 часа после проведенных медицинских обследований я стал обладателем рецептов на приобретение требуемых лекарств в аптеках, включая очки.

Доклад был успешным, давление нормализовалось, а вечером в отель доставили мою украденную сумку-портфель, содержимое которой сохранилось в первоначальном виде, включая две бутылки с алкоголем, приобретенные в Шереметьево. Было чем отпраздновать в кругу друзей успеха швейцарской полиции и ооновской медицины.

Память об этих событиях создавала благоприятные условия для моего сотрудничества с международными организациями уже под крышей штаб-квартиры ООН в Женеве.

Международное сотрудничество на «площадке» Женевы осуществлялось с моим участием в составе рабочих групп, отвечавших за вопросы лесной политики и прогнозирование развития лесного сектора.

*Заседание рабочей группы комитета по лесному хозяйству Европейской экономической комиссии ООН, Женева, 2015 г.
Слева от меня профессор Андрей Филипчук (ВНИИЛМ)*

Наиболее продуктивным оказалось мое участие во второй группе, где я предложил использовать европейский подход к перспективному планированию развития лесного сектора с использованием оптимизационных моделей в практике лесного федерального и регионального планирования в Российской Федерации. К сожалению, последующие шаги на этом направлении не подтвердили ни желание, ни готовность российской стороны учиться на чужих ошибках.

Остается надеяться, что и ФАО (Рим), и Европейская экономическая комиссия ООН (Женева) продолжают свою политическую миссию – объединять усилия всех стран к сохранению и приумножению лесных богатств.

Отдельные яркие страницы в биографии международного сотрудничества принадлежат моему участию в различных мероприятиях, проводимых Всемирным банком. Это сотрудничество началось в конце 1990-х годов с проведения на базе института серии «просветительских» семинаров с приглашением ведущих зарубежных специалистов в области лесоуправления и рыночной экономики. В частности, один семинар был посвящен «лесному федерализму» с представлением опыта лесоуправления в странах с федеративным политическим устройством и имел цель – дать рекомендации, как разработать лесное законодательство, обеспечивающее баланс интересов центра и регионов.

Другой семинар был посвящен опыту стран, у которых государственно-частное партнерство в лесном секторе реализуется через концессии. Убедительным на данном семинаре было представление министром лесов Республики Камерун опыта своей страны в использовании тропических лесов. Я думаю, что не без влияния зарубежного опыта Лесной кодекс РФ 1997 года ввел концессии в качестве одной из форм государственно-частного партнерства в области использования лесов. Все проведенные семинары завершались изданием сборников, в настоящее время ставших раритетами.

К сожалению, все эти и другие новации в системе лесоуправления не нашли понимания у российских законодателей. Как следствие, в Лесном кодексе РФ 2006 года появились такие нормы, где федерализация лесных отношений постепенно, но уверенно заменяется их централизацией, а место лесных концессий заменили приоритетные инвестиционные проекты, когда частный бизнес получает доступ к использованию лесов без конкурсов и аукционов.

Эта ситуация выглядит очень «показательной», если ее распространить, например, на правила приема абитуриентов в высшие учебные заведения, где будет отсутствовать конкурс как по результатам школьных аттестатов, так и по единому государственному экзамену. Последствия такой новации понятны, предсказуемы, а главное – очевидны бенефициары.

В связи со сказанным, мне приходится признать свое поражение: международный опыт в сфере лесоуправления, пропагандируемый Всемирным банком и другими организациями, не стал основой формирования национальной лесной политики в Российской Федерации. Страна избрала собственный путь развития лесных отношений – с преобладанием административных методов в управлении лесами.

Конец 2000-х годов дал новый импульс развитию моего сотрудничества с Всемирным банком. Я был назначен банком (с согласия Рослесхоза) руководить

образовательной компонентой странового плана программы Всемирного банка ФЛЕГ (Forest Legislation Enforcement and Governance) «Совершенствование правоприменения и управления в лесном секторе стран восточного действия Европейского инструмента и партнерства и России».

Включение образовательной компоненты в страновой план реализации программы Всемирного банка было обусловлено приоритетом кадровой политики в решении стратегических задач развития лесного сектора в условиях интенсификации использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов.

На первом этапе объектом укрепления кадрового потенциала было выбрано совершенствование дополнительного образования, позволявшего за относительно короткие сроки повысить квалификацию руководителей и специалистов органов государственной власти в сфере лесных отношений, а также управленческий персонал частного лесного бизнеса.

Я предложил новый подход к учебно-методическому обеспечению образовательного процесса – через разработку модульных программ с их последующим применением в сетевом обучении. С использованием модульного подхода в 2011 году было подготовлено и издано учебное пособие «Совершенствование правоприменения и управления в лесном секторе Российской Федерации», предназначенное для дополнительного образования. В учебное пособие вошел раздел с

*Руководители и специалисты лесного дела тестируют модульные программы
(программа ФЛЕГ Всемирного Банка)
В центре слева от меня Марина Сметанина*

моим авторством «Коррупционные риски, обусловленные лесным законодательством: экономические, экологические и социальные последствия». В разделе я убедительно показал, как действующее лесное законодательство поставило лесной сектор на службу коррупции.

Проведенное «литературное» расследование причин и последствий лесной коррупции я отношу к наиболее значительным достижениям в области моей научной и педагогической деятельности.

По проблеме лесной коррупции я выступал с докладами на многих научных конференциях с участием представителей законодательной и исполнительной власти, кому и были адресованы мои призывы, – устранить из лесного законодательства коррупционные риски. Мои научные расследования лесной коррупции были положены в основу аналитического доклада «Анализ лесного законодательства с целью выявления в нем коррупционных рисков», подготовленного в 2011 году Комитетом Совета Федерации по природным ресурсам и охране окружающей природной среды. Здесь большую помощь оказал первый заместитель председателя Комитета – Николай Павлович Чуркин. В этой связи хочется сказать много добрых слов в адрес Николая Павловича, который принимал участие во многих публичных мероприятиях, проводимых институтом, и сделал многое для продвижения законодательных инициатив в сфере лесных отношений.

В 2015 году вышло в свет второе (переработанное) издание названного выше учебного пособия, куда были добавлены материалы по учету древесины и сделок с ней.

Анализ существовавшего кадрового состава органов государственного управления лесным хозяйством показал низкий уровень профессиональной подготовки выпускников бакалавриата и магистратуры по направлению «лесное дело», особенно в части наличия у них практических знаний и навыков. Для того чтобы сделать высшее лесное образование практико-ориентированным, программа Всемирного банка предусмотрела издание второго учебного пособия «Правоприменение и управление в сфере использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов», что и было сделано в 2015 году. Пособие состояло из четырех модулей, что позволяло формировать различные профили подготовки для выпускников бакалавриата и магистратуры. Практика показывала, что эффективность обучения в высшей школе зависела не только от наличия учебников и квалификации преподавателей, но и от профессиональной подготовленности молодежи к выбору будущей лесной профессии.

Мой длительный педагогический опыт убедил, что в основе успешности любого образования лежит осознанность выбора обучаемыми той цели, которую преследует образование. Для молодежи этот выбор наиболее ответственен, ибо от него зависит карьерный рост и конкурентоспособность на рынке труда.

Я признателен Всемирному банку, что его руководство осознало эту аксиому и выделило финансовые средства на издание учебного пособия-практикума для преподавателей общеобразовательных школ «Лес и лесное хозяйство». В отличие от ранее изданных учебных материалов для преподавателей и учащихся школ учебное пособие является руководством для проведения занятий со школьниками

непосредственно на лесных объектах. Изданное учебное пособие получило высокую оценку как со стороны школьных учителей, так и работников лесничеств. Подтверждением этому являются их многочисленные отзывы, поступившие в мой адрес как руководителя проекта.

Результаты, достигнутые при реализации образовательной компоненты программы Всемирного банка, трудно себе представить без участия Марины Игоревны Сметаниной – с мандатом ответственного лица от банка, которой, обладая особыми дипломатическими способностями, удалось наладить и постоянно поддерживать взаимодействие между функционерами банка, Рослесхозом и коллективом консультантов-исполнителей. Именно ей я адресую слова благодарности за тот вклад, который был сделан в лесное образование в условиях, когда государство не проявляло о нем должной заботы в плане издания учебных пособий и повышения квалификации преподавателей.

Мое сотрудничество с Всемирным банком не ограничилось территорией Российской Федерации. В 2013 году Всемирный банк назначил меня консультантом-руководителем проекта по разработке стратегии развития лесного образования в Грузии. Отказаться от такого предложения я не смог, имея в памяти долгую историю из большого количества событий, участниками которых были многочисленные друзья – уроженцы Грузии. Под моим руководством в советское время защитили кандидатские диссертации Джемал Джинджолава и Константин Бахтадзе. При моем участии в качестве консультанта стал доктором экономических наук Теймураз Канделаки, долгое время работавший заведующим экономической кафедрой в Сельскохозяйственном университете. Признанием моей научной и педагогической деятельности стало избрание меня в 1990-е годы членом Академии экономических наук Грузии.

Разработать стратегию развития лесного образования в виде работающего документа было нелегким делом в условиях, когда образование в Грузии полностью перешло на западно-европейскую систему. Здесь помог мой опыт: стратегия получила высокую оценку как со стороны руководства органов государственной власти, так и функционеров Всемирного банка.

Достигнутый успех я разделяю с другим консультантом Банка – Еленой Черкезия, которая проявила незаурядные способности не только в сборе материалов, но и в их творческом осмыслении при подготовке текста документа. Две состоявшиеся командировки в Грузию, уже не в ту страну, которую я знал в советское время, убедили меня в тщетности усилий политиков разделить страны и народы, их населяющие. Если политики в состоянии на время развести страны, то народы этому давлению не подвластны. Расставаясь с друзьями в Грузии, я был уверен, что в скором времени мы встретимся в России.

В 2015–2016 годах Всемирный банк назначил меня руководителем проекта по учебно-методическому обеспечению лесного образования в Армении. Следуя опыту реализации модульных программ для всех видов обучения, рабочей группой, состоявшей из российских и армянских консультантов, было разработано, апробировано в аудиториях и издано учебное пособие для повышения квалификации руководителей и специалистов в сфере государственного и хозяйственного уп-

равления лесами. В этой связи хочу выразить особую признательность представителю Банка Сирарпи Хайказян, которой удалось совместить функции менеджера и переводчика с русского на армянский язык и наоборот.

Моя работа консультантом Всемирного банка в Грузии и Армении организационно поддерживалась Владой Немовой, отвечавшей за работу Банка в странах Закавказья.

Банк высоко оценил мою многолетнюю работу во взаимодействии с его структурами, наградив меня благодарственными сертификатами (грамотами).

Грустно ставить точку, подводя итоги многолетнего сотрудничества под эгидой международных организаций. Многие из тех участников международных проектов, кто упомянут в тексте данной главы, поздравили меня с прошедшим 80-летним юбилеем в январе 2018 года.

Лес – природный ресурс, многие функции которого принадлежат всему человечеству. Именно это вселяет в меня надежду на возрождение международного сотрудничества, объединяющего усилия стран и народов в сохранении и приумножении лесных богатств на «зеленой» планете.

Я горд и счастлив, что всю сознательную жизнь в науке и образовании я отдал лесу, находясь в сообществе моих зарубежных друзей и коллег.

*Благодарственный сертификат
Всемирного банка*

А. П. ПЕТРОВ

ВОЛНЫ И БЛИКИ ПАМЯТИ

Редактор *М. Ф. Нежлукто*
Компьютерная верстка *А. А. Федоров*

Подписано в печать 25.04.2018.
Формат 70 × 108 1/16.
Печ. л. 12,0
Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 200 экз. Заказ 494

Отпечатано в типографии «ЭКСПЕРТ»
г. Москва, ул. Клары Цеткин, дом 28